

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ

Особняк М. П. Боткина
Санкт-Петербургский государственный
музей-институт семьи Рерихов
Фотография 2015 года

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ БОТКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

I

Санкт-Петербург
2017

ББК 63.3(2)52-8Боткины.я431
63.3(2)6-8.Боткины.я431
63.214(2)-3Боткины.я431

И 90

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов

Главный редактор

А. А. Бондаренко

Составители выпуска

Е. В. Бакалдина, А. А. Бондаренко

Редакционная коллегия:

Ю. Ю. Будникова (литературный редактор), Д. В. Делюкин,
П. И. Крылов, Г. Н. Лукьяненко, А. К. Мазаева-Каненга (ответственный секретарь), В. Л. Мельников (научный редактор)

И 90 **Исторические Боткинские чтения:** Вып. I. – СПб.: Издание СПбГМИСР, 2017. – 226 с.: ил.

ISBN-978-5-906931-80-1

Сборник «Исторические Боткинские чтения» публикует наследие семьи Боткиных и современные исследования по истории, искусству, литературе, культурологии, археологии, естествознанию, источниковедению и другим наукам, освещает актуальные проблемы и достижения в области изучения семьи Боткиных.

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 18-я линия, д. 1

Тел.: +78123270830; тел./факс: +78123230885;

<http://www.roerich.spb.ru>;

<http://www.roerich-heritage.org>;

e-mail: ab@roerich.spb.ru; vm@roerich.spb.ru; scs@roerich.spb.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия «Исторические Боткинские чтения» связана с Международной научно-практической конференцией с одноимённым названием. В первый раз конференция пройдёт 5–6 февраля 2018 года; она призвана восполнить пробел, вызванный отсутствием конференций, посвящённых великой семье Боткиных, давшей России и миру выдающихся врачей, учёных, художников, писателей, деятелей культуры, коммерческих деятелей, дипломатов, военных. «Исторические Боткинские чтения» – это научно-просветительский проект, ориентированный на пропаганду традиций, выдающихся достижений и образцов петербургской и российской культуры.

Конференция «Исторические Боткинские чтения» приурочена ко дню памяти академика живописи, коллекционера и общественного деятеля Михаила Петровича Боткина (26 июня 1839 года — 22 января 1914 года по старому стилю). М. П. Боткин был владельцем особняка, в котором в настоящее время расположен Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов, именно при нём была надстроена мансарда и переделаны интерьеры, частично сохранившиеся до нашего времени. При М. П. Боткине особняк стал центром культуры и искусства. На протяжении более тридцати лет в особняк приходили известные художники, музыканты, литераторы, деятели культуры для того, что посмотреть выдающуюся коллекцию М. П. Боткина, расположенную в пяти комнатах особняка, побеседовать с хозяевами, отобедать или просто душевно провести время. Кроме того, дом Михаила Петровича Боткина был центром притяжения его собственной семьи. Именно здесь проходили многолюдные встречи представителей разных поколений семьи, здесь иногородние родственники оставались на ночлег. После смерти старших братьев М. П. Боткин оставался патриархом семьи для своих многочисленных племянников, внучатых племянников, крестников, можно сказать, был связующим звеном между ними.

После предоставления здания особняка Музею-институту семьи Рерихов в нём неоднократно проходили встречи потомков семьи Боткиных, кроме того, проводятся семинары и лекции по боткинским темам. К настоящему времени музей стал центром изучения боткинских наследия, как петербургского, так и общероссийского.

Настоящий сборник, состоящий из статей исследователей наследия семьи Боткиных из Санкт-Петербурга, Москвы и Парижа, включает в себя два раздела: «Боткинское наследие» и «Биографические материалы о представителях семьи Боткиных». Радует, что наравне с биографическими данными об известных представителях семьи Боткиных в сборнике есть статьи о несправедливо забытых персоналиях, что придаёт изданию большую ценность, вводя в научный оборот новые сведения.

Огромное наследие семьи Боткиных, разнообразие тем и сюжетов, многочисленные источники способствуют тому, чтобы сделать сборник ежегодным научным изданием Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов.

I

**БОТКИНСКОЕ
НАСЛЕДИЕ**

Е. В. БАКАЛДИНА

(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ФОРМИРОВАНИЕ БОТКИНСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ В МУЗЕЕ-ИНСТИТУТЕ СЕМЬИ РЕРИХОВ

Санкт-Петербургский государственный музей семьи Рерихов расположен в старинном особняке на Васильевском острове, по 18-й линии в д. 1. Он известен краеведам и жителям города под названием «Особняк М. П. Боткина» [ил. 1]. Это здание является объектом культурного наследия (памятник истории и культуры) федерального значения¹.

Ил. 1. Особняк М. П. Боткина. Переснимок с фотографии конца XIX – начала XX века. Фотобумага, фотопечать. 11,5 × 9,0. Собрание СПбГМИСР Дар Н. Н. Немченко, праправнучки С. П. Боткина

Михаил Петрович Боткин (1839—1914) – известный художник, коллекционер, общественный деятель – приобрёл особняк в 1883 году. Именно при нём здание приобрело современный вид: в том же 1883 году архитектор Александр Константинович Бруни надстроил мансарду и несколько изменил интерьеры.

Внутренняя отделка особняка была сделана в 1888–1890 годах, именно такие даты стоят на оборотной стороне одной из деревянных панелей, которыми были отделаны стены первого и второго этажей. Резные панели, которые располагались по периметру некоторых залов, были ещё в 1920-е годы сняты по желанию Е. М. Боткиной и хранились некоторое время у её знакомых, а потом были проданы². Живописные панно, находившиеся в створе прохода на главную лестницу и сохранившиеся на протяжении большей части XX века, утрачены, остался только один подрамник XIX века.

Пол в вестибюле украшен метлахской плиткой, изготовленной всемирно известной фирмой Виллерой и Бох. На второй этаж ведёт парадная лестница. Вдоль стены на главной лестнице расположены деревянные резные пилястры. Над ними висели огромные картины кисти самого хозяина дома М. П. Боткина. Во всём убранстве особняка чувствуется любовь М. П. Боткина к итальянской культуре, особенно к эпохе Возрождения, недаром М. В. Ямщикова сравнивала дом М. П. Боткина с итальянским дворцом эпохи Возрождения³. На третьем этаже особняка, где располагалась мастерская художника, сохранился камин работы Л. Бонафедде, облицованный изразцами с изображениями причудливых растений и животных⁴. В гостиной на втором этаже сохранились две полихромные печи, богато украшенные изразцами; они же запечатлены на снимках начала XX века. По предположению А. И. Роденкова и К. В. Лихолата⁵, эти печи могли бы быть проектами И. А. Монигетти⁶. К сожалению, другие каминные и печи, находившиеся в особняке, были утрачены в течение XX века, и лишь изображения некоторых из них сохранились на фотографиях, как, например, печи в столовой. Кроме того, во время реставрационных работ были найдены фрагменты изразцов от разобранных каминов и печей.

На внешней стене мансарды с правой стороны здания сохранился вензель из букв «М» и «Б». Так как на фотографиях 1900-х годов вензель виден и над окном, выходящим на набережную, можно предположить, что вензели были изначально над всеми тремя окнами мансарды, причём над окном, выходящим на набережную, вензель был больше украшен, чем над боковыми окнами. Сохранились также два оконных стекла в окнах, выходящих во двор, видимых с парадной лестницы, с инициалом «Б» и отдельное разбитое стекло.

В настоящее время от бывшего великолепия остались напольная плитка в вестибюле, резные двери, отделанный деревянной резьбой камин на втором этаже, скамья и резные панели на главной лестнице, некоторые камины и печи. Однако, даже несмотря на то, что многое утрачено, оставшиеся элементы являются великолепным украшением особняка.

Основная часть собрания, связанного с именем М. П. Боткина, поступила в Музей-институт из семей, непосредственно связанных с дочерьми Михаила Петровича Боткина – Любовью Михайловной (1887—1920) и Еленой Михайловной (1882—1964).

Первыми поступили вещи из семьи Любови Михайловны Боткиной [ил. 2], в замужестве Самариной, четвёртой дочери Михаила Петровича Боткина и его жены Екатерины Никитичны, урождённой Солодовниковой. Она родилась 25 января 1887 года, крещена 10 февраля 1887 года в церкви Святой Великомученицы Екатерины, находящейся в Академии Художеств. Восприемниками при крещении маленькой девочки были родной брат Михаила Боткина Сергей Петрович Боткин, знаменитый врач (кстати, он был также крёстным других детей Михаила Петровича), и бабушка девочки по материнской линии – Анна Герасимовна Солодовникова⁷. До 13 лет Любовь получала домашнее образование, а в январе 1900 году была отдана в женскую гимназию княгини Александровны Оболен-

Ил. 2. Л. М. Боткина. Переснимок с фотографии 1914 года. Фотобумага, фотопечать. 15,2 × 10,1
Собрание СПбГМИСР. Дар Н. Б. Ветошниковой

ской, которую окончила в 1904 году⁸. Именно в школе Люба познакомилась со своей будущей подругой О. К. Недзвецкой. Продолжила своё образование Любовь Михайловна, поступив в 1905 году по примеру своих старших сестёр, Екатерины и Елизаветы, и двоюродных сестёр Людмилы и Елизаветы Боткиных⁹, на Высшие женские (Бестужевские) курсы на историко-филологическое направление. Известно, что Любовь Михайловна была хорошим музыкантом, она играла на скрипке, фортепиано и виолончели. Во время Первой мировой войны Любовь Боткина служила сестрой милосердия, состоя в общине сестёр милосердия имени генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана. С 22 сентября 1914 года Любовь состояла в Обществе питательного пункта¹⁰, а затем в передовом перевязочном отряде имени Великой княгини Ксении Александровны. Параллельно со службой сестрой милосердия в 1916 году Л. М. Боткина состояла попечительницей и начальницей Ольгинского приюта трудолюбия для детей лиц, находящихся на излечении или скончавшихся в Петроградской городской больнице Св. Марии Магдалины (на Крестовском острове, Константиновка, д. 3)¹¹.

С Николаем Николаевичем Самариным, будущим супругом, Любовь Боткина познакомилась, служа сестрой милосердия в санитарном поезде. В 1914 году Н. Н. Самарин¹² был призван на действительную военную службу и назначен начальником перевязочного отделения 304 полевого подвижного госпиталя 38-й пехотной дивизии¹³.

Тринадцатого ноября 1916 года состоялось венчание Любви Михайловны Боткиной и Николая Николаевича Самарина в церкви Ярославского Синодального Подворья в Петрограде. В 1918–1920 годах, когда Н. Н. Самарин был ординатором больницы Ростова, семья ненадолго уезжала в этот старинный русский город. В 1919 году Любовь родила дочь Ирину. Тринадцатого августа 1920 года Любовь Самарина вернулась в Петроград¹⁴, а уже 3 сентября 1920 года, в возрасте 34 лет, Любовь умерла от перитонита. Она ещё в дороге почувствовала себя плохо, но не стала никому говорить об этом, что привело к летальному исходу. Любовь Михайловна Самарина захоронена в Православной части Смоленского кладбища. В 1925 году, после смерти 10 марта, на том же участке была захоронена её шестилетняя дочь Ира.

В 1921 году Н. Н. Самарин женился вторично на подруге своей первой жены – Ольге Конрадовне Недзвецкой. С 1924 года он был помощником заведующего отделением в больнице имени И. И. Мечникова, с 1932 года – заведующим кафедрой хирургии № 2 Ленинградского Государственного института для усовершенствования

ния врачей, которая в 1936 году была переведена на базу больницы № 1 имени В. И. Ленина. Двадцать первого апреля 1943 года Николай Николаевич был эвакуирован в Киров, а в марте 1945 года вернулся на прежние должности. В апреле 1946 года Н. Н. Самарин был избран членом-корреспондентом Академии медицинских наук СССР, а в феврале 1947 года получил звание заслуженного деятеля науки.

После смерти Любови Михайловны и её дочери все вещи, которые она взяла из родительского дома, оставались в семье её мужа Николая Николаевича Самарина. Сам Н. Н. Самарин и его вторая жена продолжали общаться с сёстрами его первой жены. Некоторые из принадлежавших семье Боткиных предметов были переданы в другие музеи ещё до образования музея в особняке М. П. Боткина, однако то, что продолжало храниться у Самариных, Наталья Борисовна Ветошникова, вдова Юрия Николаевича Самарина, сына Н. Н. Самарина от второго брака, передала в Музей-институт. Среди этих вещей особо хочется отметить портрет Любы Боткиной, выполненный маслом её отцом М. П. Боткиным, наброски, сделанные им же, издание собрания коллекции М. П. Боткина с дарственной надписью «Дорогой моей Любочке, бесценной дочке и другу на память об отце. 30 октября 1911 года», фотоальбом со снимками, сделанными во время службы сестрой милосердия в 1915 году, ноты с автографами Любови и Елены Боткиных, фотографии итальянских достопримечательностей, книги из семейной библиотеки Боткиных. Впоследствии от Н. Б. Ветошниковой поступили: этюд каталонского художника Б. Галофре, знакомого М. П. Боткина по римскому периоду жизни, этюды самой Л. М. Боткиной, фотокопии снимков с изображением Любови разных лет.

Вскоре поступили вещи, принадлежавшие ранее Елене Михайловне Боткиной. Она родилась в Москве в 1882 году, куда вся семья уехала из-за необходимости постоянного присутствия в Москве М. П. Боткина, бывшего одним из организаторов Художественного отдела Всероссийской Художественно-промышленной выставки, открывшейся 20 мая 1882 года. После окончания выставки семья вернулась в Санкт-Петербург. До 14 лет Елена получала домашнее образование, а в сентябре 1896 года была отдана в Василеостровскую женскую гимназию, которую окончила в 1900 году¹⁵. В той же гимназии учились её сёстры Екатерина и Елизавета. Продолжила обучение Елена Боткина в сфере сельскохозяйственной деятельности. Склонность к сельскому хозяйству Елены Михайловны была известна в семье¹⁶.

Елена Михайловна Боткина была сестрой милосердия с 1904 года в общине Святого Георгия Красного Креста. В невоенное

время сёстры милосердия помогали во время эпидемий, и Елена Боткина работала сестрой, как она сама о себе рассказывала, в Приволжских губерниях во время эпидемии сыпного тифа¹⁷. С 22 сентября 1914 года она была при лазарете во втором городском доме в память 19 февраля 1861 года¹⁸. Периодически Елена отправлялась в подвижной питательный пункт имени Ксении Александровны, в котором служила на постоянной основе её младшая сестра Любовь Боткина. Затем, с 26 января 1916 года Елена была сестрой Собственно Ея Императорского Величества передового санитарного отряда, из которого была отчислена 8 мая 1917 года¹⁹ в связи тяжёлой болезнью матери.

В перерывах, когда она не пребывала в местах военных действий, работала сестрой милосердия в Петроградском городском лазарете № 120 (в доме училища в память 19 февраля 1861 года). После похорон матери в конце мая 1917 года Елена Боткина была отправлена в передовой питательно-перевязочный Ксенинский отряд № 21. Елена Боткина была награждена георгиевской медалью, а 30 июня 1916 года она ещё получила серебряную медаль с надписью «за усердие» для ношения на груди на Аннинской ленте²¹.

Кроме того что Елена Михайловна Боткина была сестрой милосердия, она принимала участие в различных благотворительных организациях, в частности, в Ольгинском Приюте Трудолюбия для детей лиц, находящихся на излечении или скончавшихся в Петроградской городской больнице Святой Марии Магдалины, в котором была попечительницей²².

После революции, в 1924 году Е. М. Боткина была вынуждена взять родительский дом в аренду, чтобы его сохранить – на срок до 1 ноября 1929 года²³. Поскольку содержание особняка было непосильным бременем для неё, сёстры Елена Михайловна Боткина и Елизавета Михайловна Зеленская решили отстоять хотя бы небольшую квартиру в отцовском особняке, для чего задействовали обширные связи своего отца М. П. Боткина, дяди С. П. Боткина и свои собственные. В результате им разрешили проживать в одной из квартир особняка до их смерти²⁴.

Квартира сестёр Боткиных, числившаяся под № 3, представляла собой три комнаты, кухню, ванную и прихожую. Комнату в 22,47 кв. м занимала Елена Михайловна Боткина, комнату в 12,99 кв. м – Елизавета Михайловна Зеленская. Между этими помещениями была общая комната (21,26 кв. м). Кухня с огромной плитой была 8,81 кв. м. Совмещённый узел ванной и туалета был 6,49 кв. м (после Великой Отечественной войны это помещение разделили на два, сделав отдельно туалет и кухню). Достаточно большой была при-

хожая – 11,97 кв. м. Итого, согласно планам, хранимым в проектно-инвентаризационном бюро (ПИБ), общая площадь составляла 91,37 кв. м (56,72 жилая и 34,65 служебная). В том же плане указано, что отопление было печное²⁵. Большую часть особняка с 1929 года занимал Василеостровский народный суд.

Работала Елена Михайловна Боткина в Инфекционной детской больнице²⁶, как она пишет другу семьи С. П. Яремичу, «служба там с 13 с чем-то до 10 вечера»²⁷.

Параллельно Е. М. Боткина занималась устройством остатков коллекции своего отца. В частности, её подписи находятся под документами, фиксирующими сохранность тех вещей коллекции, которые после 1917 года оставались в особняке и были признаны комиссией по регистрации и охране предметов старины ценными. Постепенно количество этих предметов уменьшалось, так как Елена продавала их, чтобы обеспечить себе и сестре с её мужем нормальное существование.

Подпись Е. М. Боткиной стоит под документами продажи в Эрмитаж в 1928 году 10 бронзовых ручек с масками этрусской работы от архаических сосудов за 200 рублей, стеклянной лампы, изразцов за 525 рублей²⁸ и в 1936 году креста за 8 500 рублей, портрета неизвестной работы Лампи за 2 500 рублей, изразцов за 8 900 рублей, скульптуры «Мадонна» за 10 000 рублей²⁹.

Картины своего отца, висевшие в большом количестве как в его мастерской, так и по другим комнатам дома, Е. М. Боткина бесплатно подарила во многие музеи Советского Союза. По материалам, хранящимся в Пушкинском доме, можно говорить о 280 картинах и этюдах, отправленных Еленой Михайловной в Архангельск, Вологду, Воронеж, Ереван, Казань, Киев, Краснодар, Москву, Новгород, Одессу, Омск, Переславль, Петрозаводск, Полтаву, Псков, Ростов-на-Дону, Рязань, Самару, Саратов, Свердловск, Смоленск, Старую Руссу, Тамбов, Тверь, Тифлис, Харьков, Ярославль³⁰. К сожалению, многие картины числятся утраченными и ныне разыскиваются³¹, поскольку пропали во время оккупации фашистскими войсками некоторых наших городов.

Всю блокаду Елена Михайловна Боткина оставалась в Ленинграде. Как она сама писала: «Во время блокады безвыездно находилась в Ленинграде и работала в детской Поликлинике. Слабая, больная, я ходила, шатаюсь, на работу, но ни одного дня не пропустила»³². Двадцать второго декабря 1942 года Елена Михайловна была награждена медалью «За оборону Ленинграда», которая была вручена 4 ноября 1943 года³³, а 6 июня 1945 года – медалью «За доблестный

труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», вручена 10 июня 1946 года³⁴.

После войны Елена Михайловна Боткина [ил. 3] продолжала работать в Детской инфекционной больнице на Васильевском острове, как она сама пишет, прося увеличить пенсию³⁵.

Ил. 3. Е. М. Боткина на диване. Переснимок с фотографии начала 1960-х годов Фотобумага, фотопечать. 12,7 × 17,9. Собрание СПбГМИСР. Дар А. Н. Дегтярёва, праправнука С. П. Боткина

Согласно упомянутой бумаге, ей разрешалось проживать в родительском доме, но после смерти в блокаду сестры Елизаветы Михайловны, опасаясь уплотнения, она воспользовалась правом самоуплотнения и пригласила на освободившуюся жилую площадь супругов Дегтярёвых – Николая Алексеевича и Анастасию Михайловну. Анастасия была правнучкой Сергея Петровича Боткина, и когда она и её младшая сестра Елизавета остались одни после ареста родителей в 1930-е годы, Елена вместе с другими родственниками следила за их судьбой. Супруги Дегтярёвы приехали с маленькой дочкой Натальей, а в 1947 году у них родился ещё и сын Андрей. Таким образом, на старости лет Елена Михайловна обрела семью, дети называли её «бабуся».

Е. М. Боткина в 1947 году смогла добиться от государства назначения ей персональной пенсии, собрав для этого благодарности от музеев и различные ходатайства³⁶.

Е. М. Боткина писала также, что «в 1950 году принесла в дар Военно-Медицинскому музею Вооружённых сил СССР материалы,

отражающие жизнь и деятельность С. П. Боткина в виде фотопортретов и фотографий, на что имеет расписку»³⁷.

Елена Михайловна прожила дольше всех из детей Михаила Петровича Боткина и умерла 2 августа 1964 года от гипертонической болезни III-й степени, атеросклероза мозговых сосудов³⁸.

Ил. 4. Квартира Е. М. Боткиной. Переснимок с фотографии 1960-х годов
Фотобумага, фотопечать. 10,1 × 15,1. Собрание СПбГМИСР
Дар А. Н. Дегтярёва, праправнука С. П. Боткина

После смерти Е. М. Боткиной в квартире всё ещё оставались боткинские вещи [ил. 4]. Так, часть картин она завещала в Русский музей, а документы в архив Пушкинского дома (Институт русского языка и литературы). Некоторая часть вещей сохранилась в семье Дегтярёвых. Наталья Николаевна Дегтярёва, в замужестве Немченко, и её брат Андрей Николаевич Дегтярёв подарили часть их Музею-институту семьи Рерихов для создания зала с постоянной экспозицией по истории дома. Среди этих вещей особо значимы были платок с инициалами «Е. М.», принадлежавший Е. М. Боткиной, стакан с инициалами «М. П.», художественная кисть, пенсне с футляром, охранное удостоверение на особняк М. П. Боткина с подписью А. В. Луначарского, выписка от 17 декабря 1929 года с разрешением Елене Михайловне Боткиной и Елизавете Михайловне Зеленской,

урождённой Боткиной, проживать в части родительского дома, в квартире № 3, копии семейных фотографий.

Таково было начало собирания Боткинской коллекции в Музей-институте. Со временем коллекция пополнилась другими дарами и закупками, и теперь в одном из залов Музея-института расположена выставка, посвящённая истории особняка и семье Боткиных. Основная масса вышеперечисленных предметов была представлена на выставке «Дом-музей. Из истории особняка М. П. Боткина»³⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постановление Правительства Российской Федерации № 257 от 10.07.2001.

² РО ИРЛИ РАН. Ф. 365 (Фонд М. П. Боткина). Оп. 1. № 140. Л. 26.

³ *Алтаев Ал.* Памятные встречи. – М.: Советский писатель, 1959. – С. 229.

⁴ *Лихолат К. В., Роденков А. И.* Керамическая мастерская Леопольда Бонафедде. – СПб.: Коллекция, 2012. – С. 81–86.

⁵ *Там же.* С. 87.

⁶ Ипполит Антонович Монигетти (1819—1878) – архитектор и художник, сотрудничал с Л. Бонафедде.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 964. Л. 170–171.

⁸ *Там же.* Ф. 323. Оп. 1. Д. 29. Л. 38.

⁹ *Там же.* Ф. 113. Оп. 1. Д. 1019. Л. 30 об.

¹⁰ Список сестёр милосердия Российского общества Красного Креста, назначенных для ухода за ранеными и больными воинами в лечебных учреждениях Красного Креста, военного ведомства, общественных организаций и частных лиц: сост. к 1 августа 1915 года. – Петроград: Государственная тип., 1915. – С. 563.

¹¹ *Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1916 год.* – Петроград, 1916. – Кол. 1021.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 46551; *Шугаев А. И., Ветошникова Н. Б.* Николай Николаевич Самарин: жизнь и деятельность / Николай Николаевич и Ольга Конрадовна Самарины. – СПб.: Издательский дом СПбМАПО, 2005.

¹³ *Шугаев А. И., Ветошникова Н. Б.* Указ. соч. – С. 8.

¹⁴ АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1490. Л. 26.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 149. Оп. 1. Д. 811. Л. 1 об.

¹⁶ Письма детям. Новомученик Лейб-медик Е. С. Боткин // *Кадетская переключка.* – 2003. – № 74. – С. 125.

¹⁷ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 147. Л. 34.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 336. Л. 7 об.

¹⁹ *Там же.* Д. 431. Л. 45 об, 64 об.

²⁰ Архив Н. Н. Немченко. Свидетельство о награждении Е. М. Боткиной. 30 июня 1916 года.

²¹ *Там же.*

²² *Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1915 год.* – Петроград, 1915. – Кол. 983.

²³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 147. Л. 5.

- ²⁴ СПБГМИСР КП-8338. Выписка из протокола № 33 от 17.12.1929 Президиума Леноблисполкома и Ленсовета Боткиной Е. М. и Зеленской Е. М. 1929–1932.
- ²⁵ ПИБ. Д. Васильевский остров, 18-я линия, д. 1. Л. 14.
- ²⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 147. Л. 6–7.
- ²⁷ АГЭ. Ф. 7. Оп. 1. № 222. Л. 2.
- ²⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 5. № 744. Л. 26; № 755. Л. 37, 57.
- ²⁹ Там же. № 2032. Л. 9, 15, 18; № 2033. Л. 71.
- ³⁰ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. №№ 146–147.
- ³¹ Сводный каталог культурных ценностей, похищенных или утраченных в период Второй мировой войны. Т. 16. Краснодарский краевой художественный музей имени Ф. А. Коваленко. – М., 2009; Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 7. Смоленский государственный музей-заповедник. Книга 6. – М., 2011; Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и украденных в период второй мировой войны. Т. 10. Воронежский областной художественный музей имени И. Н. Крамского. – М., 2003. – С. 355.
- ³² РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 147. Л. 34.
- ³³ Архив Н. Н. Немченко. Удостоверение о награждении медалью «За оборону Ленинграда».
- ³⁴ Там же. Удостоверение о награждении медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».
- ³⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 147. Л. 34.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. Л. 39 об.
- ³⁸ Архив Н. Н. Немченко. Справка о смерти Е. М. Боткиной.
- ³⁹ Дом-музей. Из истории особняка М. П. Боткина. Выставка. 23 ноября 2017 – 27 мая 2018. Альбом-каталог / Автор-сост.: Е. В. Бакалдина. – СПб.: СПбГМИСР, 2017.

Н. Б. ВЕТОШНИКОВА
(Санкт-Петербург)

О СЕМЬЕ САМАРИНЫХ И ИХ АРХИВАХ

С приветливыми родителями моего тогда ещё будущего мужа – Ольгой Конрадовной и Николаем Николаевичем Самариными я познакомилась в 1948 году, когда бывала у них в доме с компанией друзей их сына Юры. Мы все знали, что его родители связаны с медициной. Но то, что Николай Николаевич был крупным учёным, одним из ведущих хирургов Ленинграда, членом-корреспондентом Академии медицинских наук и заведующим одной из хирургических кафедр Государственного института для усовершенствования врачей (далее ГИДУВа), а Ольга Конрадовна в том же ГИДУВе заведующей кафедрой иностранных языков – стало мне известно только в 1953 году, когда я, выйдя замуж за Юру, переехала жить к Самариным.

Квартира Самариных была обставлена старинной мебелью, на стенах висело много фотографий их родственников и друзей, про которых мне подробно рассказывала Ольга Конрадовна. В кабинете Николая Николаевича, над его письменным столом, в большой раме из красного дерева – портрет мамы Николая Николаевича, Ольги Дмитриевны, скончавшейся ещё в 1909 году. А внизу, на столе – небольшая фотография двух женщин, датированная 15 марта 1915 года [ил. 1].

На снимке запечатлены Любовь Михайловна Боткина и Ольга Конрадовна Недзвецкая, бывшие подругами с гимназических времён. Во время каникул в Санкт-Петербургском Императорском университете, где преподавала Ольга Конрадовна, и после окончания сестринских курсов Российского Общества Красного Креста она приезжала к Любе в санитар-

*Ил. 1. О. К. Недзвецкая и Л. М. Боткина в санитарном поезде. 3 февраля 1915 года
Архив Н. Б. Ветошниковой*

ный поезд, чтобы оказать посильную помощь раненым. Показывая эту фотографию, Николай Николаевич обычно говорил: «Это мои две жены». И он рассказал мне, как, будучи военным хирургом, окончившим с отличием в 1912 году Военно-медицинскую Академию, в Первую мировую войну, в 1915 году был прикомандирован к Санитарному поезду Красного креста, отправленному на фронт на средства семьи академика живописи Михаила Петровича Боткина, брата знаменитого медика Сергея Петровича Боткина. Должность старшей перевязочной сестры в поезде занимала младшая из дочерей Михаила Петровича – Любовь Михайловна. Со временем она и Николай Николаевич полюбили друг друга и в конце 1916 года поженились [ил. 2].

После окончания Первой мировой войны Николай Николаевич был назначен ординатором больницы в городе Ростове Ярославской губернии. Там у них родилась в 1919 году дочь Ирочка, и оттуда они уехали в августе 1920 года домой в Петроград. Во время пути у Любови Михайловны начался приступ острого аппендицита. Однако она очень боялась операции, ничего не сказала Николаю Николаевичу и стала принимать болеутоляющие средства. А когда она решилась на операцию, было уже поздно. В больнице, у постели умирающей Любы, Николай Николаевич познакомился с Ольгой Конрадовной Недзвец-

Ил. 2. Л. М. и Н. Н. Самарины. 1916. Архив Н. Б. Ветошниковой

кой, пришедшей ухаживать за подругой. Печальное событие и заботы об Ирочке сблизили их, и через полтора года после смерти Любы, в декабре 1921 года они поженились. В начале мая 1923 года у них родился сын, которого назвали Юрием, а в марте 1925 года не стало Ирочки, скончавшейся от воспаления легких.

После приезда в Петроград Николай Николаевич Самарин сначала стал работать ординатором Центрального Красноармейского госпиталя в клинике профессора С. С. Гирголава, а в 1924 году он был приглашён профессором В. А. Оппелем, возглавлявшим в то время крупнейшее хирургическое отделение в больнице имени И. И. Мечникова, на должность помощника заведующего отделением, на базе которого была организована кафедра хирургии №2 ЛенГИДУВа. А после смерти В. А. Оппеля (умер 7 октября 1932 года) заведующим кафедрой хирургии № 2 ЛенГИДУВа был избран Николай Николаевич, возглавлявший её до конца своих дней.

После кончины Николая Николаевича (25 июня 1954 года) Ольга Конрадовна передала в Военно-медицинский музей Министерства обороны СССР¹ (ныне РФ) большую часть архива мужа, связанную непосредственно с его деятельностью в области медицины (книги, журналы, типографские оттиски его работ, различные документы, адреса, альбомы с фотографиями и др.). Всего 205 единиц хранения. Также в Военно-медицинский музей были отданы материалы о семье Боткиных, собранные Л. М. Боткиной-Самариной, в частности некрологи В. П. и С. С. Боткиных.

Однако в доме оставалось ещё много материалов, связанных и с семьёй Самариных, и с семьёй Ольги Конрадовны (Недзвецкие, Бекетовы), и, конечно, с семьёй Боткиных. Оказывается, дело об утверждении духовного завещания Екатерины Никитичны Боткиной (урождённой Солодовниковой) вёл известный в то время присяжный поверенный Конрад Викторович Недзвецкий – отец Ольги Конрадовны, после кончины которой (26 августа 1972 года) и этот документ, а так же письма, телеграммы и другие бумаги, связанные с именем Конрада Викторовича, мы с мужем передали в Институт русской литературы (Пушкинский Дом)². Позднее туда же были переданы две книги на французском языке, принадлежавшие Н. С. Боткиной (вдове брата Любови Михайловны – Сергея Михайловича Боткина), а до этого (20 февраля 1974 года) мы передали в Пушкинский дом всё, что относилось к памяти Бекетовых – всего 483 единицы хранения.

Кроме того, в Российский институт истории искусств уже в 2003 году мною были переданы нотные издания для двух роялей в восемь рук – два конволюта, принадлежавшие Екатерине Никитичне Боткиной³.

Несколько слов в заключение: в своё время, узнав, как говорится, стороной, что в бывший особняк Михаила Петровича Боткина на Васильевском острове, по 18-й линии, в доме № 1 «поселяются» Рерихи, я решила пойти посмотреть, что там предпринимается. Мы с Натальей Николаевной Немченко, предки которой были Боткины, побывав в боткинском особняке, поинтересовались, будет ли там хоть какая-нибудь экспозиция, посвящённая бывшему хозяину дома. Узнав, что в доме, принадлежавшем Михаилу Петровичу Боткину и его семье, ничего нет, я предложила «кое-что подкинуть», вспомнив, что что-то, относящееся к Боткиным, в нашем доме всё ещё сохранилось⁴. Так начались наши творческие отношения с директором Музея-института семьи Рерихов А. А. Бондаренко, его заместителем по науке В. Л. Мельниковым и другими сотрудниками Музея-института.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив Н. Б. Ветошниковой. Военно-медицинский музей Министерства обороны СССР. Отдел НИО. Акт № 217 от 30 октября 1967 года.

² Архив Н. Б. Ветошниковой. РО ИРЛИ РАН. Акт № 22 от 7 июня 1983 года.

³ Архив Н. Б. Ветошниковой. Заявление о дарении в кабинет рукописей Российского Института Искусств. 18 октября 1999 года.

⁴ См. статью Бакалдиной Е. В. «Формирование Боткинской коллекции в Музее-институте семьи Рерихов» в настоящем издании.

С. М. НОВАКОВСКАЯ-БУХМАН
(Государственный Русский музей; Санкт-Петербург)

М. П. БОТКИН И ЕГО КОЛЛЕКЦИЯ

М. П. Боткин (1839—1914) жил в особую, яркую эпоху культурной, научной и духовной деятельности России XIX века – в эпоху «разразившейся собирательской лихорадки» по сбору древностей, которая захватила Россию и вывела её на передовой рубеж коллекционерской деятельности во всём мире. Коллекционирование художественных ценностей в России прошло долгий путь. К моменту собирания М. П. Боткиным художественной коллекции стремление собрать памятники без попытки понять их сменилось коллекционированием под знаком систематизации произведений с точки зрения иконографии, изучения их символики, исторической значимости и предназначения как предметов христианского культа памятников средневековья, подробного исследования надписей на иконах¹. При этом в стороне оставалась художественная природа произведений. Лишь отдельные упоминания о художественности, красоте и стиле памятников появились в трудах Г. Д. Филимонова, В. А. Прохорова². И только на рубеже XIX–XX веков, в начале XX века в основу коллекционирования и изучения произведений в России был положен принцип их эстетической значимости³.

В этом собирательском порыве общества М. П. Боткин занял своё, особое место. Главным делом жизни художник и коллекционер, блестящий предприниматель М. П. Боткин считал собирание художественной коллекции. Собиралась она в течение пятидесяти лет, была предметом его гордости, и, по словам М. П. Боткина, «всё в ней собранное могло быть поставлено в любой музей Европы»⁴. Универсальная по своему составу, включающая зарубежные (античные и византийские, западноевропейские и памятники древнего Востока) и русские произведения, согласно интересам эпохи историзма, его коллекция стала самой роскошной и дорогостоящей из всех художественных собраний XIX века. Уже в 60-е годы XIX века, со времени своих первых заграничных поездок, М. П. Боткин начал собирать коллекцию, и главным принципом его деятельности за 40-50 лет до других собирателей стал подбор произведений по их художественной значимости. В роскошном издании «Собрание М. П. Боткина», вышедшем в свет в 1911 году на русском, французском и немецком языках, постоянно упоминается искусное художественное ремесло, ювелирность отделки произведений, их яркость и украшенность. Описывая майоликовое блюдо, Боткин отмечал: «Со словом майолика так и чувству-

ются неподражаемые цвета и переливы различных тонов, эта гармония красок», и далее: «Исполнено всё чрезвычайно тщательно и трудно видеть блюдо лучшее по колориту и рисунку»⁵. Древний мир представлен в его собрании «в превосходных экземплярах расписных ваз», византийская перегородчатая эмаль «по красоте может подходить к знаменитой Pala d'Oro в Венеции», «замечательная небольшая миниатюра» была приобретена им в Риме в 1870 году, афинская ваза со сценой охоты на кабана была «прекрасного рисунка», а ритоны с архаическими головами, с фигурами амуров «принадлежат к чудной эпохе греческого искусства»⁶.

Эта открытость художественному восприятию произведений была заложена в натуре М. П. Боткина. Он был художником. В 1863 году он завершил обучение в Академии Художеств, получив звание академика исторической живописи. По окончании Академии и всю свою жизнь Михаил Петрович продолжает заниматься живописью, пишет картины исторического, бытового жанра, пейзажи, работает в технике офорта⁷. Как художник он принимает участие в выставках в Вене, Париже, Берлине, Антверпене, Москве⁸. Его идеалом являлась академическая живопись, кумиром – Александр Иванов, и многие его живописные работы являются отголоском картин А. Иванова. (Приверженность М. П. Боткина к академической школе живописи была причиной его непримиримой борьбы с представителями новых направлений в русской живописи).

Большую роль в собирании коллекции играла образованность и активность М. П. Боткина. Процесс собирания коллекций в России явился толчком для их изучения. XIX век, особенно его вторая половина, стал веком создания научных Обществ и Учёных комиссий, временем зарубежных и российских выставок древностей, эпохой созыва Археологических съездов, развития музеев, началом каталогизации коллекций и издания первых монографий, посвящённых как отдельным памятникам, так и тематическим пластам древнего искусства⁹. М. П. Боткин стал членом многих учёных обществ и комиссий, представлял Россию на многих выставках: он был членом Совета ИАХ, с 1881 года – действительным членом РАО, а с 1889 года – действительным членом ИАК. В разные годы он входил в Комиссии по реставрации древнерусских храмов, в том числе Софийского собора в Новгороде, Мирожского монастыря во Пскове, Благовещенского собора в Москве... От Академии Художеств он был назначен для устройства Русского Отдела на художественно-промышленной выставке в Копенгагене (1887) и был распорядителем Художественного отдела Московской художественно-промышленной выставки¹⁰, проведённой в 1882 году. С 1896 года Боткин состоял директором Музея ИОПХ, был

экспертом по покупке памятников для музея училища барона А. Л. Штиглица и членом Совета училища¹¹, был членом Общества любителей древней письменности, экспертом по памятникам древнего искусства в Русском Музее Императора Александра III. Он принял живейшее участие в осмотре дворцов и музеев с целью отбора художественных произведений для новоучрежденного музея, перевёз в Михайловский дворец коллекцию Музея Христианских древностей из ИАХ, принял на себя устройство залов с этой коллекцией¹². М. П. Боткин был человеком активным, дипломатичным, влиятельным и расчётливым, умело использовал свои связи в личных целях¹³. По мнению современников, даже поднесение издания своей коллекции влиятельным людям делались с расчётом¹⁴. Его личность характеризуется в воспоминаниях художников, писателей, коллекционеров: М. В. Нестерова, П. И. Шукина, В. Г. Дружинина, Л. Н. Толстого, А. Н. Бенуа, П. И. Нерадовского, И. Э. Грабаря, Н. К. Рериха¹⁵... Особой страницей в жизни М. П. Боткина является издательская деятельность. Он издавал каталоги выставок и музеев¹⁶. Лучшим его произведением считается книга об А. А. Иванове¹⁷. За издание своей коллекции художник получил звание почетного члена Академии художеств.

Вся эта неудержимая деятельность, общение и знакомства помогали М. П. Боткину быть в курсе находок памятников древности, поступления их на рынок коллекционеров, быть в курсе предложения памятников в Археологическую комиссию, в музеи и живо реагировать на это, иногда умело покупать произведения в обход всех учреждений¹⁸. Посещение антикварного рынка, знание состава частных собраний позволяло ему приобретать произведения и из других коллекций¹⁹.

Иногда коллекция пополнялась за счёт редчайших вещей, достававшихся коллекционеру за бесценок. В воспоминаниях племянника Михаила Петровича П. И. Шукина приводится рассказ о коллекции К. С. Мазурина, в которой были представлены древнегреческие вазы, итальянская майолика и предметы русской старины: «Всё состояние Константин Сергеевич завещал своему камердинеру. Камердинер уступил лучшие вещи из коллекции М. П. Боткину, благодаря которому быстро утверждено было завещание покойного. Отдавая ценные майоликовые блюда, камердинер говорил, что из них не стал бы даже есть каши»²⁰.

Попадали в коллекцию и краденые вещи, поступавшие на чёрный рынок, например, группа замечательных древнегрузинских чеканных фрагментов от серебряных окладов икон, вывезенных из Грузии и проданных частным коллекционерам в Петербурге в 1880-е годы реставратором и фотографом, выходцем из Тифлиса Сабином

Гусом, проживавшим в Петербурге²¹. К краденым вещам, безусловно, относились и памятники, происходившие из Московского Кремля²².

Часть произведений собрания, особенно из раздела византийских перегородчатых эмалей, должна быть отнесена к числу подделок, по неведению приобретённых М. П. Боткиным²³. Выявление подлинных и поддельных произведений собрания М. П. Боткина стало одним из направлений в изучении его собрания²⁴.

В числе экспонатов коллекции оказался и ряд произведений, принадлежавших изначально Музею ИОПХ, так как наклеенные на них коллекционные марки в точности соответствуют маркам этого собрания. Такое смешение вещей двух собраний могло произойти в бытность М. П. Боткина (после смерти Д. В. Григоровича) директором Музея ИОПХ, когда некоторые купленные для ИОПХ вещи по распоряжению Боткина «отсылались на квартиру М. П. Боткина», причём «в отсутствие М. П. Боткина необходимо было вещи выдавать в школу Общества преподавателям для постановки «nature mortes»²⁵.

Собранная М. П. Боткиным коллекция великолепна во всех своих разделах. Михаил Петрович собрал выдающуюся коллекцию памятников античности и эпохи Возрождения, произведений западноевропейского средневековья, восточных, в особенности, сасанидских, древностей, лучшую в мире коллекцию византийских перегородчатых эмалей на золоте... Эти произведения значительно расширили и обогатили собрание Эрмитажа. Античные керамические вазы VI века до н. э., терракоты Танагры, итальянские майолики XV–XVI веков, лиможские выемчатые эмали XII–XIII веков, памятники средневековой византийской и европейской резьбы по дереву и кости, итальянские бронзы и тиснение по коже <...> и ныне украшают залы Эрмитажа. Великолепное издание «Собрание М. П. Боткина» перестало быть единственным освещением коллекции. Многие произведения его собрания вошли в науку, были и продолжают оставаться предметом занятий исследователей²⁶.

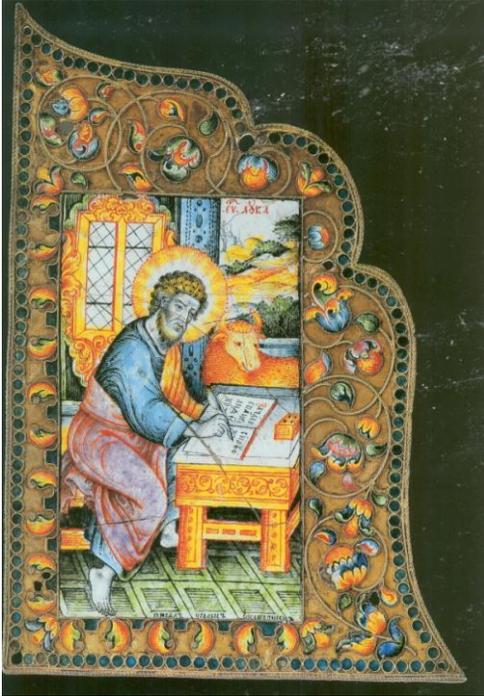
Однако не менее значительная часть художественных произведений из собрания М. П. Боткина хранится в Русском музее. Это русские древности X–XIX веков, а также памятники зарубежной культуры IV–XVIII веков, в 2011–2012 годах представленные в Русском музее на выставке произведений из коллекции М. П. Боткина²⁷. Произведения русских и зарубежных мастеров из собрания М. П. Боткина, экспонировавшиеся на выставке, в большинстве своём впервые предстали перед зрителями. Материалы приуроченной к выставке конференции и издание к выставке ввели в научный оборот около пятисот памятников его коллекции, количество которых не уступает произведениям, оказавшимся в Эрмитаже²⁸.

Ил. 1. Перстень-печать. Киев. Конец XII – первая треть XIII века. Золото; штамповка, тиснение, резьба, пайка. $2,2 \times 2,4$; щиток – $1,9 \times 2,2$; шинка: ш. – 0,32; толщ. – 0,11. Собрание ГРМ

Подавляющее большинство поступивших в Русский музей произведений являются памятниками древнерусской культуры. Древнейшую часть среди них составляет редкая по художественному уровню группа украшений X–XIII веков²⁹ [ил. 1]. Среди памятников более позднего времени выделяется драгоценная церковная утварь и памятники личного благочестия, небольшая, но исключительная по исполнению группа произведений древнерусского шитья, произведения мелкой пластики из камня, дерева и кости, светская и церковная серебряная и брон-

зовая столовая утварь, ювелирные украшения³⁰. Значительную часть коллекции представляют произведения, украшенные эмалью: перегородчатой домонгольской на золоте и эмалью по скани, расписной и эмалью по гильшировке на серебре XVII века [ил. 2], выемчатой эмалью на произведениях из бронзы XVII–XIX веков, перегородчатой эмалью конца XIX века. Благодаря высокому художественному уровню произведений, практически отсутствию в коллекции случайных «низкопробных» памятников, многие произведения дают возможность изучать историю техник и стилей прикладного искусства Руси, центров ремесла и отдельных мастерских, а все вместе – исследовать и развитие духовной культуры Руси, отражённой в прикладном искусстве.

Ил. 2. Евангелист Лука.

Наугольник Евангелия. Сольвычегодск. Вторая половина XVII века. Серебро; золочение, расписная эмаль, эмаль по скани, контрэмаль 20,5 × 14,5. Собрание ГРМ

Однако среди оставленных в Русском музее произведений древнерусского искусства в качестве небольших по числу «вкраплений» оказался ряд памятников зарубежного ремесла. В целом они насчитывают около 100 экспонатов³¹. Это византийские ювелирные изделия эпохи «великого переселения народов» и ранневизантийской эпохи, произведения средневизантийского и палеологовского времени, памятники древнегрузинской чеканки и резанные на кипарисе произведения Афона, украшения с территории Волжской Болгарии и Великой Болгарии, украшения казанских и крымских татар, а также Северной и Западной Европы, Турции. Почти все эти произведения были найдены на территории Руси, в Крыму на территории бывших византийских колоний, на земле

волжских болгар и татар, входившей в состав России. Отдельные памятники были привезены в Петербург и в родном городе приобретены М. П. Боткиным или были связаны с посольскими дарами и куплены в Москве. Все эти причины связали данные зарубежные произведения с историей и территорией Руси и России. Судя по Описи коллекции, в домашнем музее М. П. Боткина, они были выставлены в одних витринах с русскими памятниками и вместе с ними с 1917 года были оставлены на хранение в Русском музее Императора Александра III.

Коллекция М. П. Боткина хранилась в особняке XVIII века на набережной Невы (18-я линия Васильевского острова, дом № 1), купленном владельцем в 1880-х годах³². Представленная в особняке кол-

лекция была домашним музеем М. П. Боткина. Огромную поддержку ему оказывала жена, Екатерина Никитична (в девичестве Солодовникова). С чувством признательности в издании «Собрание М. П. Боткина» М. П. отмечает, что все фотографические работы для издания выполнила Екатерина Никитична.

М. П. Боткин был любящим отцом и мужем. Известны многочисленные фотографии М. П. Боткина в кругу семьи. В разные периоды жизни Михаил Петрович писал портреты своих детей и жены [ил. 3]. Именно они отличаются особой теплотой и проникновенностью, которой так не хватало другим полотнам Боткина.

Как же удалось М. П. Боткину собрать столь богатую коллекцию? Высказывались мнения, что коллекция была собрана в основном нечестным путём. Но это не так. М. П. Боткин был наделён недюженными способностями к предпринимательской деятельности. Он происходит из древнего торопецкого рода купцов-чаеоторговцев. Его отец Пётр Кононович Боткин (1781—1853) переселился из Торопца в Москву, стал одним из основателей чайной торговли с Китаем. Его фирма «Пётр Боткин и сыновья» была известна по всей России, благодаря деятельности 40 отделений и филиала в Лондоне³³. Михаил родился

Ил. 3. М. П. Боткин. Портрет Е. Н. Боткиной, жены художника. Холст, масло. 66,0 × 57,0
Собрание ГРМ

от второго брака П. К. Боткина с представительницей купеческого рода Анной Ивановной Посниковой (1806—1841). С двух лет он остался без матери, с 14-ти – без отца. Особенно заботился о его воспитании и образовании старший брат – Василий Петрович. В 1868 году по завещанию Василия Петровича М. П. Боткин, как самый талантливый в роду (наравне со знаменитым врачом Сергеем Петровичем Боткиным), должен был получить большую сумму – 100 тысяч рублей³⁴. Однако этих денег было недостаточно для собирания такой коллекции. Но у М. П. Боткина были крупные денежные средства. Наибольшие дохо-

ды ему приносила коммерческая деятельность, в которой он преуспел не меньше, чем в роли коллекционера. Боткин был директором родового «Товарищества Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных», председателем правления первого Российского страхового общества и членом совета Санкт-Петербургского международного банка, вошедшего в число шести самых богатых русских банков³⁵. В начале XX века этот банк купил «контрольный пакет акций одного из самых крупных на Волге и Каспийском море акционерного пароходного товарно-пассажирского предприятия “Кавказ и Меркурий”»³⁶. Исследователь предпринимательской деятельности М. П. Боткина Г. В. Алексушин характеризует его предпринимательскую деятельность следующим образом: Как представитель банка-владельца, с 1903 года до самой своей смерти в 1914 году, Михаил Петрович Боткин занимал должность председателя правления этого пароходства. Ему удалось вывести Общество на новый, более высокий уровень развития.

Боткин произвёл покупку нескольких частных и акционерных пароходств, расширил сферы влияния Общества. В 1911 году правление «Кавказа и Меркурия» приобрело часть морского флота пароходства компании «Надежда», что оказалось делом чрезвычайно выгодным. В этом же году в составе Каспийского пароходства Обществом была организована относительно самостоятельная Куринская флотилия. В 1913 году с целью расширения пассажирского сообщения на Средней Волге было приобретено частное пароходство М. К. Кашиной.

Таким образом, благодаря энергичной, просто потрясающей по предусмотрительности и размаху деятельности нового председателя правления Михаила Петровича Боткина фирма «Кавказ и Меркурий» за 10 лет работы превратилась из крупного Волжско-Каспийского пароходства в мощный трест, имевший финансовую поддержку одного из ведущих банков России. Оснащение речного флота Общества целой серией из 11 комфортабельных пассажирских теплоходов типа «Бородино», которое было проведено также по предложению председателя правления М. П. Боткина, дало колоссальный рост пассажиропотока на судах «Кавказа и Меркурия» – до 80–90 тысяч пассажиров в год в дополнение к уже имевшемуся стабильному количеству в 250 тысяч. Михаил Петрович был одним из организаторов на базе «Кавказа и Меркурия» монопольных предприятий «Волжский синдикат» и треста КаМВО, ставших основой русского империализма на Волге и Каспийском море»³⁷. Для оформления теплоходов М. П. Боткин приглашал известных русских художников, их портреты и пейзажи неоднократно упоминались в воспоминаниях пассажиров речных судов³⁸. Знание истории культуры, знакомство с

художественной элитой и большие деньги позволяли ему пригласить для оформления интерьеров судов любого художника. Доходы от предпринимательской деятельности и были использованы М. П. Боткиным для создания любимого детища своей жизни – художественной коллекции.

Боткин умер в 1914 году на пороге первой мировой войны. Судьба уберегла его от мировой войны, от Октябрьской революции, от национализации частных особняков и художественных собраний. Семья и близкие родственники М. П. Боткина испытали голод 20-х годов в России, утрату личных ценностей. В архиве Русского музея хранится переписка наследников Михаила Петровича Боткина с руководством музея с просьбой вернуть памятники, по ошибке увезённые в Русский музей вместе с основной коллекцией, на которые они возлагали надежды во время голода.

Памятники коллекции М. П. Боткина были привезены в подвалы Этнографического Отдела Русского музея императора Александра III в 1917 году. В условиях военного времени вдова выдающегося коллекционера Екатерина Никитична Боткина обратилась в Русский музей с просьбой принять на хранение собрание её мужа. В подвалы Этнографического Отдела привезли 32 опечатанных ящика с произведениями коллекции³⁹. Кроме ящиков в музей поступили картины Александра Иванова – жемчужина коллекции. Их сразу передали в Художественный Отдел. (Комната, в которой стояли в особняке М. П. Боткина витрины с древнерусскими произведениями, называлась «Ивановская», так как именно в ней были вывешены картины А. Иванова⁴⁰). Один из ящиков под № 27 был также

Ил. 4. Перечница митрополита Филарета
Москва. 1605–1619. Серебро; ковка,
гравировка, золочение. 11,5 × 5,8 × 6,0
Собрание ГРМ

перенесён в Художественный Отдел. В нём помещались произведения древнерусского прикладного искусства XI–XVII веков [ил. 4] и отдельные памятники зарубежной культуры. Условия договора предполагали, что «если собрание не будет взято обратно владелицею или её наследниками из Музея в течение года после заключения мира с Германией, собрание или не востребованная его часть переходит в собственность Музея»⁴¹. 19 апреля 1917 года Екатерина Никитична подписала акт о принятии условий сдачи на хранение собрания мужа⁴², а 29 мая 1917 года она умерла⁴³. В музей была передана копия духовного завещания Е. Н. Боткиной на имя дочери Екатерины Михайловны фон Энден⁴⁴. Собрание так и осталось в собственности Русского музея.

В 1919–1920 годах 31 ящик с коллекцией М. П. Боткина был передан в Государственный Эрмитаж⁴⁵. Все произведения 27-го ящика поступили в Художественный отдел Русского музея. По составленной Описи содержимого ящика в нём находились 472 предмета⁴⁶. Все экспонаты были описаны в соответствии с расположением в витринах, в которых они находились в особняке М. П. Боткина. На произведения были наклеены коллекционные марочки с прописанными на них номерами, соответствовавшими Описи коллекции. С этой Описью памятники 27-го ящика поступили в Русский музей.

Судьбу коллекции М. П. Боткина нельзя назвать трагичной. Она не сохранилась целиком и разделена на части. Однако основным местом её хранения являются петербургские музеи – Эрмитаж и Русский музей, в которых имя её прежнего владельца не предано забвению. На фоне распродаж и распыления многих частных коллекций судьба боткинской коллекции вполне благополучна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. – М.: Искусство, 1986. – Гл. 4, 5, 7.

² *Там же.* – С. 108, 115–116, 119–120, 124, 273.

³ *Вздорнов Г. И.* Частное коллекционирование икон в России // И по плодам узнается древо. Русская иконопись XV–XX веков из собрания Виктора Бондаренко. – М.: Издательский дом «Военный парад», 2003. – С. 231–248; *Вздорнов Г. И.* Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. – М.: Индрик, 2006. – С. 223, 225. В 1900 году вышло исследование Д. В. Айналова, в котором уделено внимание художественности и стилю византийского искусства. *Айналов Д. В.* Эллинистические основы византийского искусства. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1900.

⁴ *Боткин М. П.* Собрание М. П. Боткина. – СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. – С. 2.

⁵ *Там же.* С. 13, 16.

⁶ Там же. С. 2, 3, 6, 23, 25.

⁷ Егоров Б. Ф. Боткины. – СПб.: Наука, 2004. – С. 199; Булгаков Ф. И. Наши художники. – СПб., 1890. – Т. 1. – С. 52–56; Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравёров XVI–XIX вв. – СПб., 1895. – Т. 1. – С. 104.

⁸ Егоров Б. Ф. Указ. соч. – С. 199. После революции 1917 года его дочь, Елена Михайловна Боткина, подарила картины отца многим музеям России, в том числе и Русскому музею. (Ныне в Русском музее хранятся его исторические картины, пейзажи, портреты и жанровые работы). Кроме живописи в Русском музее хранятся путевые блокноты М. П. Боткина с зарисовками. Блокнот с зарисовками, сделанными во время путешествия по Испании, хранится и в фондах Санкт-Петербургского государственного Музея-института Рерихов.

⁹ См. *Вздорнов Г. И.* Указ. Соч. – Гл. VI. Учёные общества; Гл. VII. Музеи, частные собрания и выставки; Гл. VIII. Академическая и университетская наука. В 1896 году вышла первая монография о древнерусских кладах: *Кондаков Н. П.* Русские Клады. – СПб., 1896.

¹⁰ См. сведения о назначениях и наградах М. П. Боткина в формулярных списках. РГИА. Ф. 789. Оп. 4. Д. 102 Б; Архив ИИМК. Ф. 1 (АК). 1866. Д. 36-а.

¹¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 4. Д. 102 Б. Л. 58.

¹² См. Коллекции Михаила и Сергея Боткиных. Электронный каталог. – СПб.: Palace Editions, 2011: www.rusmuseum.ru/images/cms/data/rusmus/fiv/exib/botkin252.pdf раздел «Хроника жизни М. П. Боткина» (С. М. Новаковская-Бухман); *Нерадовский П. И.* Из жизни художника. – Л.: Художник РСФСР, 1965. – С. 110–111. Совместно с Н. П. Лихачёвым М. П. Боткин пишет первый обзор коллекции древнерусского искусства Музея императора Александра III. *Лихачёв Н. П., Боткин М. П.* Обзорение Отделения христианских древностей в Музее Императора Александра III. Краткое описание зал XVIII–XXI / Сост. М. П. Боткиным и Н. П. Лихачёвым. – СПб., 1898. (2-е изд. с испр. и дом. СПб., 1902).

¹³ См.: *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания. Книга IV–V. – М., 1990. – С. 196, 674. На эти слова обратила внимание Н. Л. Беручашвили. См.: *Беручашвили Н. Л.* Об истории перегородчатых эмалей из коллекции М. П. Боткина в Государственном музее искусств Грузии // Ювелирное искусство и материальная культура: Сборник статей. – СПб.: Тип. ГЭ, 2001; Егоров Б. Ф. Указ. соч. – С. 208–209.

¹⁴ Егоров Б. Ф. Указ. соч. – С. 207–212.

¹⁵ Там же. С. 207–212.

¹⁶ Иллюстрированный Каталог Всероссийской Выставки в Москве 1882 года / Составил Н. П. Собко. Издал М. П. Боткин. Второе исправленное и дополненное издание на русском и французском языке. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1882; Каталог Музея Императорского Общества поощрения художеств. – СПб., 1904; *Лихачев Н. П., Боткин М. П.* Указ. соч.

¹⁷ *Боткин М. П.* Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858 гг. – СПб., 1880.

¹⁸ *Новаковская-Бухман С. М.* М. П. Боткин – человек и коллекционер. // Коллекции Михаила и Сергея Боткиных. Из серии «Не корысти ради». Коллекции и коллекционеры Русского музея. Выпуск 2 / Альманах 316. – СПб. Palace Editions 2011. – С. 13–14.

¹⁹ Так, после смерти М. М. Зайцевского (1815—1885) во время распродажи его собрания «часть эмалей купил коллекционер М. П. Боткин». См. *Полунина Н., Фролов А. И.* Коллекционеры старой Москвы. Иллюстрированный биографический словарь. — М.: Независимая газета, 1987. — С. 161. Оказались в собрании М. П. Боткина и вещи из коллекции Д. А. Постникова, позже — из коллекции Г. Д. Филимонова. См. статью Н. В. Пивоваровой в сборнике «М. П. Боткин и его коллекция». Материалы научной конференции в ГРМ. 1–2 марта 2011 года (в печати). *Плешанова И. И.* Новгородские хоросы в собрании Государственного Русского музея // Памятники культуры. Новые открытия. — Ежегодник 1985. — М., 1987. Отдельные произведения поступили к М. П. Боткину из коллекции графа С. Г. Строганова.

²⁰ *Щукин П. И.* Указ. соч. Ч. IV. — С. 22; *Егоров Б. Ф.* Указ. соч. — С. 205.

²¹ *Новаковская-Бухман С. М.* Указ. соч. — С. 15.

²² О кражах в Московском Кремле в период реставрации его соборов во второй половине XIX века см.: *Вздорнов Г. И.* Указ. соч. — С. 203; *Новаковская-Бухман С. М.* Указ. соч. — С. 15.

²³ *Беручашвили Н. Л.* Об истории перегородчатых эмалей из коллекции М. П. Боткина в Государственном музее искусств Грузии // Ювелирное искусство и материальная культура. Сборник статей. Государственный Эрмитаж. — СПб.: Изд. ГЭ, 2001. — С. 220–222; *Shromberg C.* A technical study of Three Cloisonne Enamels from the Botkin collection // The Journal of Walters Art Gallery. — 1988. — № 46. — P. 25–36; *Bucton D.* Bogus Byzantine Enamels in Baltimore and Washington, D.C. // The Journal of Walters Art Gallery. — 1988. — № 46.

²⁴ Этому аспекту посвящены статьи А. Г. Букиной и А. Е. Петраковой, А. Н. Ашешовой, Е. Н. Некрасовой в сборнике «М. П. Боткин и его коллекция». Материалы научной конференции в ГРМ. 1–2 марта 2011 года (в печати).

²⁵ Из журнала заседания Комитета ИОПХ 12 апреля 1917 году. ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1682, 1736. Благодарю В. Л. Мельникова за предоставленную информацию. Это отчасти объясняет недостачу наличных памятников по сравнению с каталогом коллекции ИОПХ, составленным М. П. Боткиным. ЦГИА. Там же.

²⁶ См. статьи А. Г. Букиной и А. Е. Петраковой, В. Н. Залесской, Е. Н. Некрасовой-Щедринской в сборнике «М. П. Боткин и его коллекция». Материалы научной конференции в ГРМ. 1–2 марта 2011 года (в печати). См. также памятники афонской резьбы: *Залеская В. Н.* Резьба по дереву // Афонские древности. Каталог выставки из фондов Эрмитажа. — СПб.: Изд. ГЭ, 1992; *Иванова Е. Н.* Il secolo d'oro della maiolica. Ceramica italiana dei secoli XV–XVI dalla raccolta del Museo Statale dell'Ermitage. A cura di Elena Ivanova. — Milano: Electa, 2003. — № 6, 7, 8, 10, 13, 14, 11, 12, 15, 16, 17, 20, 21, 28, 31, 40, 41, 43, 45, 49, 57, 77, 78, 80, 86, 100, 112, 114, 115, 123 (майолика). См. о западноевропейской слоновой кости в собрании Государственного Эрмитажа статьи М. Я. Крыжановской, о резной из дерева мебели Италии работы Т. В. Раппе, о прикладном искусстве эпохи Возрождения публикации Е. А. Шликевич, о древностях Сасанидов — публикации А. Б. Никитина.

²⁷ *Новаковская-Бухман С. М.* Указ. соч. — С. 6–21. Ил. 1–151; Электронный каталог «Коллекции Михаила и Сергея Боткиных»:

www.rusmuseum.ru/images/cms/data/rusmus/fiv/exib/botkin252.pdf О произведениях из собрания М. П. Боткина в Русском музее: *Новаковская-Бухман С. М.* Произведения Иванэ Монидзе в собрании Русского музея // Искусство христианского мира. Сборник статей. – М.: Изд. Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 2000. – Вып. IV. – С. 246–257; *Новаковская-Бухман С. М.* Памятники древнерусского прикладного искусства в собрании М. П. Боткина. Судьбы музейных коллекций. Материалы VII Царскосельской научной конференции. – СПб.: Изд. ГЭ, 2001. – С. 137–145; *Новаковская-Бухман С. М.* Произведения Иванэ Монидзе в собрании Русского музея // Памятники культуры. Новые открытия. 2001. – М.: Наука, 2002. – С. 239–249; *Новаковская-Бухман С. М.* Фрагменты древнегрузинской чеканки с исламизирующим орнаментом в собрании М. П. Боткина // Государственный Эрмитаж. Семинар. Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников тринадцатого коллоквиума (12–18 апреля 2004 года). – СПб.: Изд. ГЭ. – С. 66–67; *Новаковская-Бухман С. М.* Произведения древнегрузинской чеканки в собрании Русского музея // Искусство христианского мира. Сборник статей. – М.: Изд. Свято-Тихоновского Богословского Института, 2004. – Вып. VIII. – С. 47–65; *Новаковская-Бухман С. М.* Символика ранневизантийских ожерелий с подвесками и серег VI–VII вв. // Символ в философии и религии. Национальный заповедник «Херсонес Таврический». Ягеллонский университет (Краков). VI Крымская Международная конференция по религиоведению. Тезисы докладов и сообщений. – Севастополь: Гарнитура Таймс, 2004. – С. 436–442; *Новаковская-Бухман С. М.* Украшения из «разрозненных» древнерусских кладов в собрании М. П. Боткина. Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006. – СПб.: Нестор-История, 2010. – С. 221–244; *Новаковская-Бухман С. М.* «Древнерусское прикладное искусство из коллекции М. П. Боткина в собрании Русского музея» / Коллекции и коллекционеры / Русский музей. Сборник статей по материалам научной конференции (Русский музей, Санкт-Петербург, 2008). XVI. (Альманах. Вып. 253). – СПб.: Palace Editions. 2009. – С.38–55; *Новаковская-Бухман С. М.* Зарубежные древности из собрания М. П. Боткина в коллекции Русского музея / Русский музей. Страницы истории отечественного искусства. XVIII. Сборник статей по материалам научной конференции Санкт-Петербург, 2010. (Альманах. Вып. 300). – СПб. Palace Editions. 2011. – С. 6–27; *Новаковская-Бухман С. М.* Украинский складень из коллекции М. П. Боткина // *Seminarium Vulkinianum*. III. – СПб.: Каламос, 2012; *Новаковская-Бухман С. М.* Украшения из «разрозненных» древнерусских кладов в собрании М. П. Боткина // *Stratum plus*. № 5. 2016. – СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест: Г. П. ИПФ «Центральная типография», 2016. – С. 321–331; *Новаковская-Бухман С. М.* Украшения из частных коллекций в собрании Русского музея: Византия, Скандинавия, Восток // В камне и бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. – СПб.: ООО «Невская Книжная Типография», 2017. – С. 361–376.

²⁸*Новаковская-Бухман С. М.* Указ. соч. – С. 1–21. Илл. 1–151; Электронный каталог «Коллекции Михаила и Сергея Боткиных»: www.rusmuseum.ru/images/cms/data/rusmus/fiv/exib/botkin252.pdf; «М. П. Боткин и

его коллекция». Материалы научной конференции в ГРМ. 1–2 марта 2011 года (в печати).

²⁹ *Новаковская-Бухман С. М.* М. П. Боткин – человек и коллекционер. С. 12. Ил. 33–54; Электронный каталог «Коллекции Михаила и Сергея Боткиных»: www.rusmuseum.ru/images/cms/data/rusmus/fiv/exib/botkin252.pdf

³⁰ *Там же.* Ил. 55–143.

³¹ *Новаковская-Бухман С. М.* Зарубежные древности из собрания М. П. Боткина в коллекции Русского музея. Указ. соч. С. 6–27; *Новаковская-Бухман С. М.* М. П. Боткин – человек и коллекционер. Ил. 1–32; *Новаковская-Бухман С. М.* Произведения византийского прикладного искусства в коллекции Русского музея // Труды Государственного Эрмитажа. LXIX. Византия в контексте мировой культуры. – СПб.: Изд. ГЭ, 2013. – С. 156–192.

³² *Егоров Б. Ф.* Указ. соч. С. 200; *Чеснокова М. Н.* Декоративное убранство особняка М. П. Боткина // М. П. Боткин и его коллекция. Материалы научной конференции в ГРМ. 1–2 марта 2011 года (в печати).

³³ *Алексушин Г. В.* Михаил Петрович Боткин – академик живописи и предприниматель // Материалы научно-практических конференций. – Самара, 1997. – С. 140. Сведениями об этом издании мы обязаны Е. Н. Гусевой.

³⁴ *Егоров Б. Ф.* Указ. соч. – С. 122–123.

³⁵ *Алексушин Г. В.* Указ. соч. – С. 142.

³⁶ *Там же.*

³⁷ *Там же.* С. 142–143.

³⁸ *Там же.* С. 143.

³⁹ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. КПХО. Ед. хр. 2. Собрание М. П. Боткина. 1917. АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1490. Л. 11–42.

⁴⁰ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. КПХО. Ед. хр. 2. Собрание М. П. Боткина. 1917. Л. 2–3.

⁴¹ Там же. Л. 3.

⁴² Там же. Л. 7.

⁴³ Там же. Л. 79 об.

⁴⁴ Там же. Л. 78.

⁴⁵ АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1490. Л. 89 об.

⁴⁶ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. КПХО. Ед. хр. 2. Собрание М. П. Боткина. 1917. Л. 11–12 об., 15–25. При контрольном вскрытии ящика в 1921 года помимо упомянутых в Описи в ящике оказалось ещё 20 предметов и 23 обломка бронзовых и серебряных изделий. Там же. Л. 89 об.

П. Б. ИОНОВ

(Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова; Санкт-Петербург)

Т. И. ИОНОВА

(Международный центр исследования качества жизни; Санкт-Петербург)

НАСЛЕДИЕ СЕМЬИ БОТКИНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЕ

С. П. Боткин и его Школа

«Его заслуги в области русской медицины так обширны, значение их так велико, что они не могут быть вполне оценены в настоящее время, и только будущему веку, когда наше национальное самосознание станет более спокойным и более трезвым, предстоит исполнить этот долг с надлежащим беспристрастием и хладнокровием», – так писал о Сергее Петровиче Боткине его близкий друг, однокурсник, известный врач, общественный деятель, писатель, публицист Николай Андреевич Белоголовый¹. В сентябре 2017 года исполнилось 185 лет со дня рождения С. П. Боткина. С его именем связан значительный прогресс в развитии отечественной медицины, формирование первой в России научной школы клинической медицины. Удивительным образом основные принципы Боткинской Школы сохранились и составили основу современной медицины. В здравоохранении XXI века можно выделить следующие ориентиры, которые так или иначе связаны с Боткинской Школой:

- персонализация лечения,
- интегративность,
- превентивная (профилактическая) направленность,
- соблюдение принципов биоэтики,
- гуманистический подход.

Многие из них пришли на новом витке развития из западной медицины, но корнями уходят в российскую медицину XIX века и выбрали в себя лучшие традиции Боткинской Школы. У её основателя было много учеников и последователей, которыми он мог гордиться. Среди них его сыновья: Сергей Сергеевич, Евгений Сергеевич и Александр

Сергеевич. Каждый из них внёс вклад в развитие медицинской науки и практики, был достойным представителем Боткинской Школы².

Известным учёным, медиком, продолжателем дела своего отца, Сергея Петровича Боткина, был его старший сын Сергей Сергеевич (1859—1910). Он окончил Военно-медицинскую академию и возглавлял кафедру инфекционных болезней в основанной его отцом академической терапевтической клинике в Петербурге, был профессором кафедры факультетской терапии Военно-медицинской академии. Он был одним из видных петербургских врачей, царская семья избрала его лейб-медиком³. С. С. Боткин в своей практической деятельности руководствовался принципами, заложенными С. П. Боткиным, и явился продолжателем Боткинских традиций клинической медицины.

Другой сын С. П. Боткина, Евгений Сергеевич Боткин (1865—1918), также окончил Военно-медицинскую академию, был избран приват-доцентом Военно-медицинской академии. Известна его вступительная лекция студентам академии, в которой чётко обозначены деонтологические аспекты профессии врача. Его положение о том, что «знакомство с душевным миром больного врачу не менее важно, чем представление об анатомических изменениях и нарушениях физиологических функций»⁴ – является важным принципом Боткинской Школы. После смерти лейб-медика П. Н. Гирша Е. С. Боткин по личному желанию императрицы был приглашён на эту должность. Ему было суждено стать последним русским лейб-медиком, погибшим с царской семьёй в Ипатьевском доме. С. П. Боткин не только сумел привить своим сыновьям любовь к избранной профессии, стремление к высокому профессионализму, но и воспитать в них чувство нравственного долга перед людьми и своей родиной, высокую духовность, свойственную многим Боткиным. Эти черты ярко проявились в судьбе Евгения Сергеевича. В страшную ночь с 16 на 17 июля 1918 года, когда была расстреляна царская семья, Евгений Сергеевич без колебаний сделал свой последний нравственный выбор и принял смерть вместе со своими подопечными как врач и по-настоящему верующий человек.

Ещё один сын Сергея Петровича, Александр Сергеевич Боткин (1866—1936), как и Сергей Сергеевич и Евгений Сергеевич, окончил Военно-медицинскую академию, защитил докторскую диссертацию. В дальнейшем он перешёл на службу в Морское ведомство, много путешествовал, посетил Северную Америку, Китай, Японию, Индию, изучал Сибирь, Байкал и Ледовитый океан, но медицину не оставлял. А. С. Боткин был прекрасным диагностом; дар, который был им унаследован от отца. Поставив диагноз, находил нужные средства лечения, а если уже нельзя было излечить, всегда умел облегчить страда-

ния. Он не отказывал никому, кто обращался к нему за помощью, был достойным сыном своего знаменитого отца и продолжателем традиций Боткинской Школы.

Современное здравоохранение и традиции Школы Боткина

Персонализация лечения. Сам термин «персонализированная медицина» появился в США в 1998 году после одноименной монографии, написанной Р. Р. Джейн (R. R. Jain)⁵. В стратегии развития медицинской науки в Российской Федерации до 2025 года персонализированную медицину определяют как быстро развивающуюся область здравоохранения, основанную на интегрированном, координированном и индивидуальном для каждого пациента подходе к анализу возникновения и течения заболеваний. Цель персонализированной медицины состоит в том, чтобы «найти наиболее соответствующий клинический подход для конкретного больного и в некоторых случаях даже разработать схему лечения пациента в соответствии с его индивидуальными параметрами»⁶. Сегодня этот принцип известен как пациент-ориентированная помощь (patient-centered care).

По большому счёту именно об этом писал в своём «Курсе клиники внутренних болезней» С. П. Боткин⁷. Боткин одним из первых пришёл к выводу о необходимости индивидуального подхода к лечению больного человека и к тому, что к каждому больному нужно подходить индивидуально, учитывать особенности возраста, анатомического строения, состояние нервной системы, условия жизни. Он доказал, что одна и та же болезнь протекает у одного больного не так, как у другого. Известный Боткинский принцип «лечить не болезнь, а больного»⁸ лежит в основе современной персонализированной медицины, а именно, медицины, ориентированной на больного.

Интегративность. Интегративность – подход к ведению пациента, который подразумевает, что болезнь влияет на организм в целом и лечить следует не конкретную болезнь, а больного в целом, не только его физическое, но и эмоциональное, психологическое, духовное, социальное функционирование. Институт медицины США определяет интегративную медицину как комплексную помощь, ориентированную не только на лечение болезни, но и гармонизации биологических, поведенческих, психосоциальных факторов и окружающей среды⁹.

Анализируя труды и выступления С. П. Боткина, становится очевидным, что именно он выступал за интегративный подход ведения больного. Согласно С. П. Боткину, болезнь не поражает отдельный участок тела или орган, а влияет на весь организм. Этот принцип, естественно, вытекал из принципа нервизма, описанного Боткиным.

Если болезненный процесс на периферии, в тех или иных органах и тканях, протекает при ведущем участии нервной системы, он не может ограничиться только этими органами и тканями и уже, во всяком случае, имеет отношение и к нервной системе. Целостность человеческого организма определяется нервной системой; она – регулятор его внешней и внутренней деятельности, обеспечивающей жизнь. В этом смысле всякое повреждение тела (любого характера, в любом участке) в той или иной мере затрагивает и нервную систему, а стало быть, организм в целом. Взгляды Боткина на болезнь как на процесс, охватывающий организм в целом, отразились при изучении различных клинических вопросов.

Превентивная (профилактическая) направленность. Согласно Стратегии развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 года, *«Основной целью государственной политики в области здравоохранения является совершенствование системы охраны здоровья граждан в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи. Достижение этой цели обусловит и снижение уровня заболеваемости и смертности населения»*¹⁰. Современное американское и европейское здравоохранение также рассматривает превентивную (профилактическую) медицину как одно из приоритетных направлений¹¹.

С. П. Боткин и его школа придавали первостепенное значение предупреждению болезней, ставя профилактику на первое место. Начиная свой курс клиники внутренних болезней, Боткин в первых же строчках вступления к клиническим лекциям подчёркивает профилактическое направление русской клиники. «Главнейшие и существенные задачи практической медицины – предупреждение болезни, лечение болезни развившейся и, наконец, облегчение страданий больного человека»¹². В этой формуле, которая и по настоящее время наиболее правильно и вместе с тем в предельно лаконичной форме определяет задачу борьбы с заболеваниями, на первом месте стоит принцип профилактики.

С. П. Боткиным, С. С. Боткиным и другими представителями Боткинской Школы разрабатывались профилактические мероприятия в отношении таких тяжелых инфекций, как чума, холера, возвратный и брюшной тифы.

Соблюдение принципов биомедицинской этики. Формирование биомедицинской этики (также используют термин биоэтика) как новой научной дисциплины обусловлено прогрессом медицины, широким внедрением в медицинскую практику новейших технологий,

что вызвало появление большого числа морально-этических и правовых проблем, решить которые в рамках традиционной медицинской этики сложно или невозможно (например, проблема суррогатного материнства, трансплантации, искусственного оплодотворения и т. д.). Термин «биоэтика» был введён в 1969 году американским онкологом и биохимиком В. Р. Поттером¹³. Первая публикация о биоэтике относится к 1971 году¹⁴.

Вопросы врачебной этики были важной составляющей Боткинской Школы; многие из них актуальны для современной биоэтики. С. П. Боткин в своих «Клинических лекциях» затрагивал различные вопросы этики врача. Отметим здесь его решение проблемы информирования безнадежных больных. Оно даётся им в духе врачебного патернализма: *«я считаю непозволительным врачу высказывать больному сомнения о возможности неблагоприятного исхода болезни... Лучший тот врач, который умеет внушить больному надежду; во многих случаях это является наиболее действительным лекарством»*¹⁵.

Для его сына Е. С. Боткина этические принципы в высшей степени проявились в его жизни. Можно считать, что принципы врачебной этики, которыми руководствовался Е. С. Боткин и которые характеризуют Боткинскую Школу, сформулированы в его последнем письме, в котором он подробно описал свою врачебную практику в Тобольске¹⁶. К первому принципу можно отнести отношение к делу как к служению с полной отдачей своих сил – *«Я работал там изо всех своих последних сил...»*. Второй принцип – оказание помощи, несмотря на неблагоприятные условия, без оправдания бездействия и ссылки на те или иные обстоятельства. Третий принцип – уважение к коллегам – *«Я не хотел становиться на пути постоянных врачей Тобольска, который ими очень счастлив и в количественном и, главное, в качественном отношении»*. Но главным принципом для Евгения Сергеевича стал принцип верности врачебному долгу служения или приоритетов интересов пациента во взаимоотношении «врач-пациент».

Гуманистический подход. Понятие гуманизма – центральное в биоэтике и шире, и глубже, чем биомедицинская этика как таковая. Соединение гуманизма с наукой и медициной, т. е. высокой нравственности с истинным знанием, открывает путь к сохранению и духовному развитию человечества и человеческой индивидуальности. В этой связи гуманистический подход выделяется как отдельный принцип современной медицины. Сегодня как никогда актуальны слова Аристотеля: *«Кто двигается вперед в науках, но отстаёт в нравственности, тот более идёт назад, чем вперёд»*¹⁷.

Гуманистические и морально-нравственные начала всегда были значимыми в отечественной медицине. Вклад С. П. Боткина и Е. С. Боткина в их развитие неocenим. В их врачебной деятельности главными ориентирами были справедливость, бескорыстие и безвозмездное служение. Как писал Е. С. Боткин, «я никому не отказывал в помощи», «меня радовала их (пациентов) уверенность, которая их никогда и не обманывала, что я приму их с тем же вниманием и лаской, как всякого другого больного»¹⁹.

Наивысшее проявление гуманизма – это право больного «обо всем попросить, со всем обратиться. Они должны быть уверены, что Вы не отнесётесь без внимания ни к одной из мельчайших жалоб их; они должны видеть, что... пока вы около него, вы всецело заняты им одним, как бы легко он ни был болен»¹⁸.

Гуманистический подход на всех этапах развития был ориентиром российской клинической медицины и медицинской науки¹⁹. Заложенный ведущими научными и клиническими Школами, в том числе Школой Боткина, фундамент подлинного гуманизма – ориентир, благодаря которому современная отечественная медицина может преодолеть трудности, сохраниться и действительно стать пациент-ориентированной медициной.

Заключение

История медицины свидетельствует о важном значении научных школ в решении актуальных проблем науки и практики, формировании высокопрофессионального медицинского сообщества²⁰. Ярким подтверждением этому положению является Школа Боткина. Она оказала исключительно значимое влияние на российскую медицину XIX и XX веков и нашла отражение в здравоохранении XXI века. Актуальные направления современного здравоохранения во многом основаны на принципах Боткинской Школы: персонализация, интегративность, профилактика, гуманизм. Среди выдающихся представителей этой Школы – её основатель Сергей Петрович Боткин и его сыновья Сергей Сергеевич, Евгений Сергеевич и Александр Сергеевич.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белоголовый Н. А. С. П. Боткин, его жизнь и врачебная деятельность. Биографический очерк, д-ра Н. А. Белоголового. С портр. Боткина, грав. в Петербурге К. Адтом. – СПб: тип. Ю. Н. Эрлих, 1892. – С. 3.

² Егоров Б. Ф. Боткины. – СПб.: Наука, 2004. – С. 248–268.

³ Нахатев Б. А. Последние лейб-медики Российской империи // Медицинский Вестник. – 2009. – № 32. – С. 501.

⁴ Лекции приват-доцента С.-Петербургской Медико-Хирургической Академии Е. С. Боткина, выпуск III / Сост. В. В. Тыренко. – СПб.: Общество православных врачей Санкт-Петербурга имени Св. Луки (Войно-Ясенецкого), 2014. – С. 14.

⁵ Jain K K. Textbook of Personalized Medicine. – Springer, 2009.

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 № 2580-р. Об утверждении Стратегии развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 года.

⁷ Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней и клинические лекции, в двух томах. Государственное издательство медицинской литературы. – М.: Медгиз, 1950. – Т. 1. – С. 146.

⁸ Там же. С. 145.

⁹ Weisfeld V. Summit on Integrative Medicine & The Health of the Public: Issue Background and Overview. – Washington, DC: Institute of Medicine, 2009. – P. 16.

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 № 2580-р. Об утверждении Стратегии развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 года.

¹¹ Maciosek M. V., Coffield A. B., Edwards N. M., Flottemesch T. J. The role of prevention in health reform // *New England Journal of Medicine*. – 1999. – № 329. – P. 352–354; Goodman M. J., Solberg L. I. Priorities among effective clinical preventive services: results of a systematic review and analysis // *American Journal of Preventive Medicine*. – 2006. – № 31. – P. 52–61.

¹² Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней и клинические лекции, в двух томах. Государственное издательство медицинской литературы. – М.: Медгиз, 1950. – Т. 2. – С. 150.

¹³ Ten Have H. A. Potter's notion of bioethics // *Kennedy Institute of Ethics Journal*. – 2012. – № 22 (1). – P. 59–82.

¹⁴ Potter, van. R. Bioethics: bridge to the future. – Prentice-Hall, 1971.

¹⁵ Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней и клинические лекции, в двух томах. Государственное издательство медицинской литературы. – М.: Медгиз, 1950. – Т. 2. – С. 155.

¹⁶ Боткина Е. С. Письмо от 26 июня 1918 года. ГА РФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 12.

¹⁷ Аристотель. Афоризмы. – М.: БукКос, 2015.

¹⁸ Лекции приват-доцента С.-Петербургской Медико-Хирургической Академии Е. С. Боткина, выпуск III / Сост. В. В. Тыренко. – СПб.: Общество православных врачей Санкт-Петербурга им. Св. Луки (Войно-Ясенецкого), 2014. – С. 20, 25.

¹⁹ История Медицины / под редакцией Б. Д. Петрова. – М.: Медгиз, 1954.

²⁰ Мясников А. Л. Русские терапевтические школы. – М.: Академия наук СССР, 1951.

В. И. ОДИН

(Военно-медицинская академия; Санкт-Петербург)

**НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ
АКТОВОЙ РЕЧИ С. П. БОТКИНА
ОТ 7 ДЕКАБРЯ 1886 ГОДА**

В старой России в университетах в актовые дни традиционно наиболее достойными представителями учреждения читались актовые речи. Такой датой для Императорской военно-медицинской академии был день 7 декабря по старому стилю в 1886 году, когда почётная возможность выступить на актовом дне академии была предоставлена Сергею Петровичу Боткину [ил. 1].

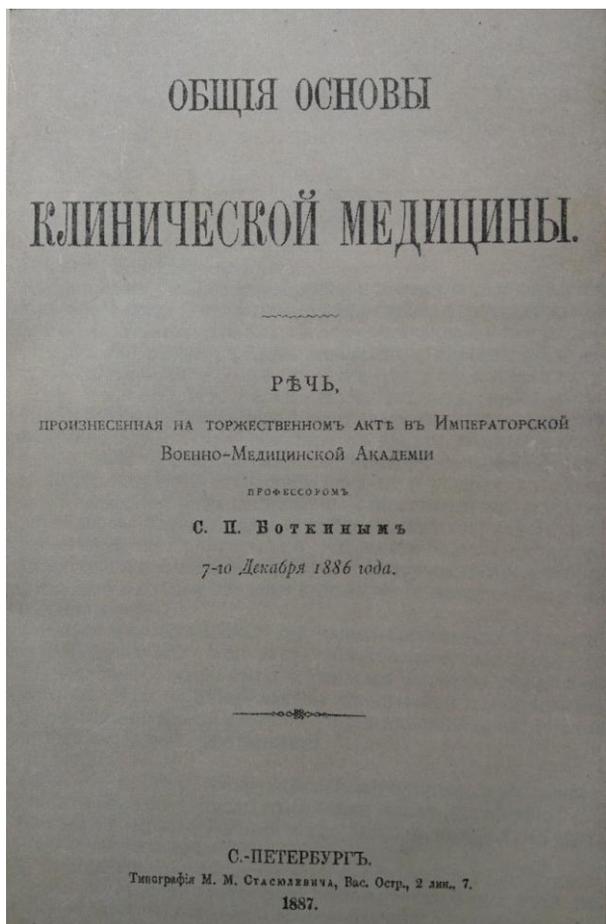
Данная речь была составлена Сергеем Петровичем с учётом известных на тот момент риторических подходов, прежде всего аристотелевых, таких как использование этоса, логоса и пафоса, хотя тропами и фигурами речи он явно пренебрегал в угоду точности мысли¹.

Научная ценность речи Сергея Петровича высока и несомненна не только для его современников, но и для нас, его дальних последователей. Поскольку в своей речи Сергей Петрович вводит аксиоматику современной ему научной медицины и, давая чёткие определения с конкретными обоснованиями, предоставляет возможность их и сегодня обсуждать и корректировать с учётом, как говорят в юриспруденции, «вновь открывшихся обстоятельств», т. е. с учётом новых открытий и достижений в мировой медицинской науке.

Вот некоторые, заинтересовавшие нас, научные аспекты актовой речи Сергея Петровича.

Так, С. П. Боткин даёт определение болезни: «...*болезнь составляет одно из многих проявлений жизни*». Несведущему человеку это утверждение может показаться банальностью, но на самом деле, перед нами клиническая аксиома, которая позволяет в практике конструировать клинические силлогизмы. Дело в том, что практический врач должен ясно понимать в каждой конкретной ситуации, с чем имеет дело, с болезнью, здоровьем или смертью. От этого зависит его решение. Сегодня с развитием трансплантологии данное положение приобретает важный этический смысл, сдерживающий от возможного бездумного признания любого человека в болезненном состоянии «донором органов». И вопрос о возможности пересадки органа от больного, но ещё живого человека, потенциального донора, с учётом боткинской аксиомы, переносится в плоскость поиска, прежде всего,

возможной помощи ему, может быть, даже как самому потенциальному реципиенту. Таким образом, клинический силлогизм, вытекающий из аксиомы Сергея Петровича: болезнь – это жизнь, смерть – это не жизнь, а значит, болезнь – это не смерть – даёт основание врачу не опускаться до бездушного оператора на хирургическом конвейере. И возникает вопрос о необходимости поиска других подходов помощи безнадежным больным не за счёт других жизней, а за счёт других технологий, более гуманных и человеческих (если, конечно, исходить из определения, что человек есть подобие Божие).

Ил. 1. Титульный лист издания Актовой речи С. П. Боткина от 7 декабря 1886 года. Воспроизведено по: *Боткин С. П. Общие основы клинической медицины.* – Санкт-Петербург, 1887

Далее Сергей Петрович утверждает, что: «... свойством само-сохранения отличается всё живое; жизнь есть самосохранение в обширном смысле этого слова, – свойство, равно принадлежащее живой элементарной клетке и самому сложному организму, состоящему из целой массы живых клеточных элементов... Восстановление нарушенного равновесия жизни организма совершается в силу той же способности живого элемента приспосабливаться – свойства, которым отличается всё живое; и если причина болезни не уничтожила в организме этой прирождённой ему способности, то равновесие восстанавливается, и болезнь проходит». Здесь в отличие от дидактического определения жизни классиков марксизма («жизнь есть способ существования белковых тел...») подчёркивается существование важных позитивных биологических механизмов – саногенетических, присущих всему живому. И опять же важно, присущих всем элементам живого, и клетке, и органу, и организму. И это было сказано врачом в расцвет исследования патогенетических механизмов болезней! Сегодня данное научное направление, терапевтическое воздействие на саногенетические механизмы, в частности, путём активации собственных стволовых клеток приобретает всё более широкое развитие.

С. П. Боткин постулирует: «Живой организм при самых благоприятных для него условиях умирает в силу старости, неизбежного свойства всего жившего». Казалось бы, совершенно очевидная вещь, но Сергей Петрович подчёркивает заложенность процесса старения в процессы жизнедеятельности организма, в его онтогенез. В отличие от точки зрения других исследователей, о случайном или аккумуляционном механизме старения и смерти. Важно, что это утверждение даёт возможность исследователю ставить задачу поиска механизмов этого процесса. Что было гениально сделано, в частности, нашим петербургским учёным В. М. Дильманом, предложившим и обосновавшим элевационную теорию старения, оказавшую плодотворное воздействие на поиск нового класса геропротекторов².

В актовой речи указывается на определённую условность классификации болезней: «...внешние причины заболеваний остаются приблизительно одни и те же, что и обуславливает известную законность проявления жизни при расстройстве её равновесия под влиянием тех или других вредно действующих условий. Эта законность проявления болезней на различных организмах дала возможность классифицировать различные болезни на отдельные группы». И, может быть, только сегодня в медицине появляется подлинное понимание условности существующих классификаций заболеваний, особенно имеющих системный характер.

Говоря о приспособлении как свойстве живого, учёный-медик подчёркивает роль наследственного фактора: «акклиматизация животных убеждает нас в свойстве живых элементов увеличивать свою приспособительную способность до значительных грани, причём увеличившаяся способность приспособления родителей передаётся их потомству». Необходимо сказать, что ещё М. Я. Мудров в своей работе от 1820 года обращал внимание на роль наследственности³³. Но Боткин обращает внимание на возможность улучшения наследственности, т. е. на возможность профилактики наследуемых заболеваний. Такой подход весьма нам импонирует, поскольку нам представляется чрезвычайно важной постановка вопроса о прогрессивно ухудшающемся здоровье поколений в эпоху кризиса качества первичного здоровья⁴.

Лёгким росчерком пера Сергей Петрович отмечает насущность изучения вопроса возрастной физиологии и социальных причинах развития болезней: «Смертность населения идёт обратно пропорционально с его культурой и, следовательно, с его возрастом в физическом и нравственном отношении, и с вероятностью можно допустить, что существуют несомненные особенности болезней различных возрастов человеческого развития». Сегодня является общим местом утверждение феномена «постарения населения» в наиболее экономически и культурно процветающих странах мира. А особенности болезней в различные периоды онтогенеза только теперь начинают привлекать внимание исследователей⁵.

Замечания великого медика о проблеме соотношения науки и искусства в медицине не потеряли актуальности и поныне: «Современная медицина как наука даёт нам сумму знания в известной системе и с известными обобщениями, которые, к сожалению, ещё не имеют значения законов, и потому знание современной медицины ещё не даёт нам уметь прилагать его к практической жизни; это уметь и до сих пор ещё приобретается только путём опыта. ...Основные науки медицины и наше знание природы ещё не имеют той точности, на основании которой каждый представившийся нам частный случай мог бы быть подведён к какому-нибудь математическому уравнению, разрешение которого требовало бы только известного знания». И, действительно, бурно развивающаяся сегодня доказательная медицина не удовлетворяет врачей-практиков, поскольку математическое подтверждение результатов медицинского исследования, которое аргументирует себя исследованием взаимодействия всех форм материи, начиная от волновой и заканчивая ноосферной, не может по определению быть абсолютным доказательством для каждого конкретного пациента в конкретных обстоятельствах. Хотя, безусловно,

со времён С. П. Боткина сделано фантастически много, прежде всего, с точки зрения лабораторно-инструментальной диагностики. Но элемент искусства и субъективизма в медицине, если и уменьшился, то никак не потерял своей значимости.

Сергей Петрович подчёркивает необходимость непрерывного накопления клинического опыта, который может *per se* помочь врачу нащупать правильное направление клинического поиска: *«Врачи прежнего времени, лишённые почти совершенно тех способов исследования, которые в настоящее время составляют общую принадлежность каждого начинающего, путём опыта вырабатывали в себе способность наблюдать без всяких вспомогательных средств; и нередко общее впечатление, производимое на врача, талантливого наблюдателя, видом больного, давало основание для окончательного заключения о его болезни и её дальнейшем течении».*

Утверждение Сергея Петровича о необходимости получения наибольшего и максимально достоверного фактологического материала о больном лечащим врачом, как это ни парадоксально, чрезвычайно актуально и сегодня: *«Понятно, что для сознательного заключения необходимо большое количество верных фактов, которые и должны быть основанием той внутренней логической работы сознательной мысли, которая выражается в том или другом окончательном заключении. <...> Отсюда понятно, какое важное значение для заключения имеет запас истинного знания и способ собирания фактов, или, другими словами, метод исследования больного».* Дело в том, что в постсоветской России сохраняется феодальное отношение к врачу. В частности, под активно внедряемым термином «компетенции» регламентирующие инстанции понимают элементарные умственные и физические действия «советских врачей», которые кроме фонендоскопа в руки не имели права ничего взять. В то время как в странах, не имеющих негативной истории правления догматических марксистов, под компетенциями врача понимается возможность делать им то, что в постсоветской медицине должен делать отдельный сертифицированный медработник. То есть, например, если в Европе гастроэнтеролог делает сам фиброгастроскопию больному и сам её оценивает, что чрезвычайно важно, так как снижает уровень субъективизма полученной описательной информации, то в России гастроэнтеролог, являющийся «наёмным медработником», имеет право и обязанность лишь на канцелярскую работу с историей болезни. Последнее, безусловно, сказывается как на его профессионализме, так и на его общественном реноме.

Сергей Петрович, получивший классическое университетское образование, подчёркивал: *«Для будущего врача научного направления*

необходимо изучение природы в полном смысле этого слова. Знания физики, химии, естественных наук при возможно широком общем образовании человека составляют наилучшую подготовительную школу к изучению научной практической медицины». Данное положение странным образом стало для современной российской медицины ещё более актуальным. Дело в том, что, если, например, в США подготовка врача идёт 11 лет в три этапа – естественно-научный колледж, медицинская школа и резидентура, то в современной России принято решение в связи с нехваткой врачебных кадров (как мы понимаем, по причине крайне низкой оплаты труда) привлекать к практической деятельности врачей после шести лет обучения в институте. Постороннему наблюдателю это решение, возможно, напоминает подготовку во время войны «зауряд-врачей» по ускоренному курсу. Мы, конечно, сегодня решительно солидарны с С. П. Боткиным о необходимости серьёзной и основательной подготовки клинициста.

И, безусловно, необходимо отметить нашу сегодняшнюю солидарность с точкой зрения Сергея Петровича на устройство клинической кафедры: *«в настоящее время при лучших европейских клиниках учреждены лаборатории, где и производят различные исследования над животными, с той или другой руководящей идеей, выработанной путём клинических наблюдений, и этим последним существенно должны отличаться наши клинические лаборатории от физиологических, фармакологических и пр.»*. С. П. Боткин не писал о само собой разумеющемся факте: существовании в дореволюционной России европейского принципа медицинского вуза, принципа единого организма клинической кафедры и клиники, где глава кафедры непосредственно руководил и клиникой. Он подчёркивал лишь то, что он сам впервые перенял из современной ему Европы, – обязательное дополнение к этому научно-клиническому учреждению различного рода лабораторий. Такое понимание устройства клиники имеет и сегодня первостатейное значение для повышения уровня эффективности нашей отечественной медицины.

При анализе культурных аспектов Актовой речи С. П. Боткина, сразу обращает на себя внимание первоначальное обращение его к аудитории: *«Высокопочтимое собрание!»*. Т. е. не «господа и дамы» или другое конкретное наименование слушателей, а коллективный эпитет. Нам представляется это не случайным. Дело в том, что в царской России коллектив имел юридические права. Так в монографии С. С. Ольденбурга описывается количество административных приговоров, принятых собранием общин на сельских сходах⁶. Сила коллектива заключалась в его законодательно утверждённых возможностях. И психологически это было, на наш взгляд, чрезвычайно важно. Так

как именно этот механизм позволял максимально дисциплинировать всех членов общества, от крестьян (сельские сходы) до офицеров и чиновников (дворянские и земские собрания), что претворялось в высокую социальную эффективность российской нации до революции. С другой стороны, нам представляется, что и достигаемая таким обращением коллективная договорённость и согласие в мыслях, как принято сегодня говорить – «создание эгрегора», претворялось в эффективную работу каждого члена такого коллектива.

Далее Сергей Петрович акцентирует внимание на морально-нравственной составляющей данного акта: *«Когда высшее учебное учреждение, в полном сознании честно выполненного долга, даёт молодым силам право самостоятельной деятельности, совершается поистине торжественный акт в скромной и трудовой жизни учебного учреждения, стремящегося достигнуть высокой цели – дать своей родине честных и полезных деятелей. Тот день, когда государство и общество принимают в свою среду новых сотрудников на общую пользу, ознаменовывается публичным, торжественным собранием всех членов академии, её учеников, её почётных членов и почётных гостей с участием близких и родных, из среды которых нынешним днём вступают на самостоятельный жизненный путь наши надежды, наше будущее. В силу старинного академического обычая конференция академии возлагает на одного из профессоров произнесение речи в этом торжественном собрании, и в этом году на мою долю выпала честь исполнить это почётное поручение»*. Он оперирует немодными сегодня словами «долг», «честь», именует выпускников академии «нашими надеждами» и «нашим будущим», подчёркивает высокую цель своей работы как преподавателя – «дать родине честных и полезных деятелей». И этот пафос он подтверждает своей капитальной актовой речью.

С. П. Боткин концентрирует внимание на гуманной стороне врачебной профессии: *«Объект изучения не ждёт врача-практика, требуется помощь и иногда немедленная, безотлагательная; врач должен действовать, и обязанности его не ограничиваются только предметом его исследования; у больного есть близкие, друзья, родные, дети, те кровные связи человека, разрыв которых вносит несчастье в целую семью и иногда влечёт за собой новые жертвы смерти. Поставив диагноз болезни и больного, врач должен установить показания к содержанию и лечению больного или к облегчению его страданий»*. Таким образом, утверждает Сергей Петрович, задача врача – не отстранённо исследовать клинический случай, но стремиться всеми силами помочь человеку. И в наше время, когда страховая медицина категорично требует от врача неукоснительного выполнения инст-

рукций, а пациенты требуют от врача «качественных медицинских услуг», наказы Боткина, тем не менее, остаются непреложными. Поскольку все, в том числе и страховые агенты, и пациенты любого социального статуса, имеют неистребимое внутреннее желание довериться врачу как заместителю Бога на земле.

Наш выдающийся соотечественник указывает: *«Я считаю невозможным врачу высказывать больному свои сомнения в возможности неблагоприятного исхода болезни, если какие-нибудь особые условия со стороны больного или его семьи не заставляют высказать предполагаемого сомнения; но и тут не следует забывать всю возможность ошибки и всю тяжесть могущих быть дурных последствий для нервной системы больного, мысль о предстоящей смерти которого не может благотворно действовать на течение болезни»*. И, действительно, сегодня всё более и более понимается и ценится значение эффекта плацебо, по-христиански – веры, надежды и любви. А современная высокотехнологичная медицина находится в поисках возможностей привлечения в клинику этих сугубо тонких материй⁷.

Далее С. П. Боткин утверждает чрезвычайно актуальную истину: *«Надежда спасти больного или продлить его дни действует благотворно не только на окружающих его близких и ухаживающих за ним, но и на самого врача, бодрое состояние духа которого необходимо как для больного, так и для его окружающих»*. В этом пассаже обращает на себя внимание вторая часть, посвящённая «бодрому состоянию духа врача». К сожалению, сегодня высокотехнологичная современная медицина характеризуется процессом эмоционального выгорания врача, а отечественная медицина ещё и физическим изнашиванием врача, в силу его бедности. И утверждение Сергея Петровича, что «бодрость врача – это есть лекарство», является важнейшей боткинской аксиомой, которую не грех бы помнить и знать сегодня всем, не только врачам, но и настоящим и, особенно, будущим пациентам.

Один из способов предотвратить эмоциональное выгорание С. П. Боткин видел в честном исполнении врачом своих обязанностей: *«При сознании добросовестного отношения к своим обязанностям врач не будет нравственно угнетён несправедливыми обвинениями и не впадёт в самообольщение при своих успехах»*. Но не стоит забывать и о других сугубо боткинских решениях данной проблемы. Во-первых, это недостаток, который давал Сергею Петровичу возможность ежегодно ездить на воды в Германию, где, он «отдыхал душой». Во-вторых, регулярное собрание друзей – «боткинские субботы», где разговор шёл не о работе и больных, а об отвлечённых предметах – о музыке и литературе. В-третьих, Боткин фанатично музицировал на виолончели до самых последних дней. В-четвёртых, его дом был полон детьми,

а также, что немаловажно, и многочисленной прислугой. В-пятых, его жёны, имевшие хорошее происхождение и образование, тем не менее, были домохозяйками, а не строительницами коммунизма или капитализма. Всё это и позволяло ему крайне эффективно работать и не терять творческого вдохновения⁸.

Сергей Петрович завершает свою речь мыслью, в которой центральным является понятие «долга», заканчивая, тем не менее, уже как пастырь, вдохновляющей врачей фразой – «будет вам истинное счастье в жизни!»: *«Нравственное развитие врача-практика поможет ему сохранить то душевное равновесие, которое даст ему возможность исполнить священный долг перед ближним и перед родной, что и будет обуславливать истинное счастье его жизни».*

Таким образом, научно-культурная ценность речи Сергея Петровича Боткина несомненна, потому как она даёт возможность понимания возникновения феномена «Боткина», «Пирогова» и других великих русских врачебных имён, даёт возможность осознать их стиль мышления, культурный код, тот цивилизационный контекст, который позволил этим персонам стать фигурами мирового уровня в медицине.

Возможен ли сегодня Боткин? Вопрос остаётся открытым. При том уровне дефицита чувства справедливости в российском обществе, который возник с момента несправедливой приватизации общенародной собственности в процессе демонтажа СССР, утвердительный ответ сомнителен.

Но нам представляется, работа с наследием С. П. Боткина может частично помочь преодолеть этот гигантский водораздел, разделяющий нас, постсоветских русскоязычных россиян, с нашими великими дореволюционными предшественниками, замечательными русскими деятелями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Боткин С. П. Актовая речь 7 декабря 1886 года // Клинические лекции. – М.: Медгиз, 1950. – С. 9–25. Все цитаты, выделенные курсивом, процитированы из Актовой речи.

² Дильман В. М. Четыре модели медицины. – Л.: Медицина. Ленинградское отделение, 1987. – С. 73–135, 205–220.

³ Мудров М. Я. Избранные произведения / Под ред. и с вступ. статьей [«Мудров – основоположник отечественной внутренней медицины», с. 5–11] А. Г. Гукасян; Академия медицинских наук СССР. – М.: изд-во и тип. изд-ва Академии медицинских наук СССР, 1949. – С. 249.

⁴ *Один В. И.* Кризис геронтологии: к вопросу о первичном здоровье в XX веке // Успехи геронтологии. – 2011. – № 1. – С. 11–23.

⁵ *Один В. И.* Сахарный диабет у пожилых: коморбидные характеристики пациентов с различными онтогенетическими формами болезни // Успехи геронтологии. – 2006. – Т. 18. – С. 90–95.

⁶ *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. – М.: Феникс, 1992. – Т. 1. – С. 130.

⁷ *Gottschling C.* Krebs: Wunder der Medizin // Focus. – 1997. – № 16. – S. 163–166.

⁸ *Белоголовый Н. А.* С. П. Боткин, его жизнь и врачебная деятельность. Биографический очерк, д-ра Н. А. Белоголового. С портр. Боткина, грав. в Петербурге К. Адтом. – СПб: тип. Ю. Н. Эрлих, 1892. – С. 30, 35–41.

II

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ О ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ СЕМЬИ БОТКИНЫХ

Е. В. БАКАЛДИНА

(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ПЁТР ПЕТРОВИЧ БОТКИН: ЧАЕТОРГОВЕЦ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬ¹

Пётр Петрович Боткин (1831 – 3 июля 1907) – сын знаменитого купца-чаеоторговца Петра Кононовича Боткина и его второй жены Анны Ивановны, урождённой Постниковой. Воспитание Пётр получил в доме родителей².

Согласно завещанию отца Петра Кононовича Боткина (1781–1853), всё имущество было отписано двум сыновьям от первого брака и двум сыновьям от второго брака (Василию, Николаю, Дмитрию и Петру), сыновьям Ивану, Павлу и Сергею по 20 000 рублей с процентами, несовершеннолетним сыновьям Владимиру и Михаилу, которые должны были находиться на воспитании у Василия, Николая, Петра и Дмитрия, после совершеннолетия – по 20 000 рублей без процентов, дочери Марии 35 000 рублей, более мелкие суммы замужним дочерям³. Таким образом, семейная чаеоторговая фирма перешла четырём братьям. Остальные братья участвовали в деятельности фирмы, но не были владельцами и не могли принимать основополагающих решений. Структура фирмы не изменилась и в 1869 году, после смерти двух старших братьев, Василия и Николая, умерших без наследников, во главе семейного предприятия остались Дмитрий и Пётр.

Как вспоминает сын Дмитрия Боткина Сергей, *«я видел уже разграничение работы между отцом [Дмитрием Петровичем] и его братом Петром. Сама торговля и переговоры с покупателями совершенно не соответствовали характеру моего отца. Она была всецело в руках Петра Петровича»*⁴. *«Занимался Пётр Петрович исключительно своим крупным торговым делом. <...> Он вёл всю продажу и ежедневно сидел в так называемом “амбаре”, где к нему являлись всякие покупатели. Дело шло исключительно об оптовой торговле. Продавались чуть ли не вагонами чаи, уже лежавшие в Кяхте для того, чтобы их посылать караванным путём через Сибирь»*⁵. Другой племянник П. П. Боткина, Пётр Иванович Щукин, пишет о дяде как о «главе чайной фирмы»⁶, что было особенно актуально после смерти его брата Дмитрия в 1889 году.

В некрологе, написанном Б. А. Щетининым, так рассказывается о П. П. Боткине: *«Нужен был особый коммерческий талант, каким*

бесспорно обладал покойный Пётр Петрович, нужны были его смелая инициатива, широкий коммерческий кругозор, находчивость, самообладание, способность быстро схватывать умом и взвешивать все обстоятельства данного момента... В сущности, П. П. Боткин был не только талантливым купец, но, пожалуй, даже своего рода художник, артист в коммерческом искусстве. Его мало интересовало само приобретение денег, как таковое, но, так сказать, эстетическая сторона накопления богатства, те или иные методы и приёмы торговли, в применении которых на практике он проявлял всегда очень много изобретательности, тщательного изучения мельчайших деталей данного коммерческого предприятия – вот что, собственно, занимало его, поглощало большую часть его досуга»⁷.

Описание внешности Петра Петровича Боткина [ил. 1] даёт его племянник Сергей Боткин: «Он единственный [из братьев] был без усов и без бороды, – в таком виде встречается известный тип промышленников и коммерсантов. Это бритое лицо совершенно отделяло его от других братьев»⁸.

О характере П. П. Боткина отлично говорят несколько исторических анекдотов. Так, например, Н. А. Варенцов передаёт очень забавный анекдот, некогда рассказанный Н. А. Алексеевым.

«...Об известном купце Петре Петровиче Боткине, состоящем церковным старостой при храме Христа Спасителя, отличавшемся большой любезностью и обходительностью со всеми; так, встречая кого-либо из своих знакомых, он здоровался с ним с особым придыханием и радостными глазами, делая вид, что эта встреча доставляет ему большое удовольствие. Обыкновенно по праздникам П. П. Боткин отправлялся в храм Христа Спасителя, имея обыкновенение заезжать в Успенской собор, где в то время старостой был известный богатый москов-

Ил. 1. Пётр Петрович Боткин. 1860-е
Архив О. И. Дёмушкиной,
праправнучки П. П. Боткина

ский купец Максим Ефимович Попов, тоже отличавшийся любезностью и скупостью. П. П. Боткин заезжал в Успенский собор, чтобы приложиться к чудотворной иконе Божьей Матери, после чего с особым благоговением снимал лампадку, висевшую перед иконой, и выпивал масло, считая его за целебное (с комическим изображением Н. А. Алексеевым звуков глотания – “буль, буль, буль...”). После чего подходил к свечному ящичку, к М. Е. Попову и, как он проделывал со всеми, так же и с ним здоровался с придыханием от приятной встречи: “Здравствуйте, Максим Ефимович, заехал к вам в собор приложиться к чудотворной иконе и выпить святого маслица, уж очень хорошо действует на мою грудь! Вот что значит масло святое, очень полезное! Всегда себя чувствую гораздо лучше, когда выпью”. М. Е. Попов тоже спешит ответить с приятной улыбкой на лице на любезность любезностью, в душе же крайне недовольный Боткиным, выпивающим его дорогое оливковое масло. После ухода Боткина М. Е. Попов говорит своему помощнику: “В следующее воскресенье налей дешёвого керосинового масла в лампадку перед иконой Божьей Матери, а то Боткин повадился ездить и пить масло, сам богатый, может у себя в храме для икон покупать такое же масло”. В следующее воскресенье П. П. Боткин опять явился в Успенский собор, помолясь усердно перед иконой Божьей Матери и приложившись, снял лампадку и начал пить – “буль, буль, буль...”. “Ах, тьфу, что за гадость! – воскликнул Пётр Петрович, поневоле проглатывая масло, стесняясь выплюнуть его изо рта. – И не позорно ли перед чудотворной иконой Божьей Матери жечь такое плохое масло!”. Подходит с обиженным лицом к М. Е. Попову: “И не стыдно вам, Максим Ефимович, жечь лампаду с керосиновым маслом, да ещё перед чудотворной иконой? Это будет вам грех!” – “Что вы! – отвечает Попов, делая удивлённое лицо. – Масло всё тоже, а нужно думать, Владычице нежелательно, чтобы из её лампадки пили масло”. После чего П. П. Боткин перестал ездить в Успенский собор»⁹.

Ещё одну интереснейшую байку о Петре Петровиче рассказывает М. В. Нестеров в главе о Боткиных в своих воспоминаниях: «Старший, Пётр Петрович, был главой “фирмы”, её мозгом, так сказать, “душой”; он “ворочал” делами за всех братьев и имел к тому особый “дар”... Однажды к старшему из братьев, тому, что “ворочал” делами фирмы, к Петру Петровичу, обратились приехавшие из Кяхты в Москву по торговым делам купцы, старые приятели Петра Петровича, с такой просьбой; они построили у себя в Кяхте храм, для него заказали в Москве богатый резной иконостас, не доставало только образов. Купцы слышали, что брат Петра Петровича был художник. Так вот, говорят они, не согласится ли Пётр Петрович помочь им в

этом деле, упросив брата написать для них образа и тем завершить благолепие храма. За деньгами они не постоят, назвали и сумму, ассигнованную на это дело. Пётр Петрович был человеком религиозным, хотя и не без изрядной доли ханжества; в то же время все знали, что он был мало склонный к "идеализму", он был "практик", умудрённый опытом жизни. Не сразу дал он ответ кяхтинцам: дело было серьёзное, дело Божье, да и кяхтинцы народ бывальи́й, знали московское "обхождение", не настаивали зря, однако, уезжая на свою далёкую родину, заручились от Петра Петровича согласием "похлопотать" и оставили ассигнованную сумму. По отъезде их вскоре из Питера в Москву приехал и Михаил Петрович художник, повидался с "братцем", и между ними будто бы была такая беседа: "Заходили ко мне люди из Кяхты, построили они у себя храм, заказали здесь иконостас, недостаёт им только образов. Так вот, Миша, тебе бы и послужить Богу, написать образа..." – "Что же братец, отчего не написать, надо только знать, велик ли иконостас, во сколько ярусов, сколько требуется образов, каких святых и прочее". Пётр Петрович на всё дал обстоятельный ответ. Надо было смету составлять; долго думал-гадал Михаил Петрович, чтоб не "дать маху", не продешевить. Со вниманием Пётр Петрович просмотрел смету, сказал – "дорогонько", поторговался; однако ударили по рукам, помолились Богу, всё честь честью. Когда дело было кончено, Пётр Петрович и говорит: "Вот и видно, Миша, что ты глуп ещё, молод, неопытен; ведь кяхтинцы-то определили за иконостас вдвое против того, что ты назначил"¹⁰.

О привычках Петра Петровича известно также из воспоминаний его племянников. С. Д. Боткин рассказывает: «П<ётр> П<етрович> настолько сроднился с Москвой, что его нельзя было вытаскать из его амбара, куда он отправлялся ежедневно с Маросейки. За границу он никогда не ездил»¹¹. Здесь Сергей Боткин ошибается, П. П. Боткин бывал за границей, просто, намного реже, чем его братья. Выезжал он с семьёй и в столицу, но тоже очень редко. Из письма В. П. Боткина А. А. и М. П. Фетам в 1859 году: «10 июня Петенька и всё семейство отправились в Петербург, и сегодня они оттуда уезжают в Ревель, проведя неделю в Петербурге». Кажется, что он произвёл на них большое впечатление: да оно так и быть должно, когда подумаешь, что они до сих пор почти не выезжали из Москвы»¹². Тем не менее, П. П. Боткин достаточно часто ездил по торговым делам¹³ – ежегодно в августе он бывал на Нижегородской ярмарке¹⁴. Ездил Боткин и за границу. Например, В. П. Боткин писал, что в 1867 году «Петеньке, после нескольких дней пребывания здесь [в Санкт-Петербурге], – надо будет съездить в Лондон, для обзора чайного дела: ведь у нас теперь с Лондоном большое дело. Вероятно, и мне придётся съездить с ним»¹⁵.

У П. И. Шукина читаем: «Пётр Петрович бывал у нас редко, как и его три дочери, Анна, Надежда и Вера, а супруга Петра Петровича Надежда Конратъевна (урождённая Шапошникова) и совсем у нас не бывала, да и вообще в гости никуда не ездила. Братья и я делали визиты семье Петра Петровича только в первый день рождества и Пасхи. В эти высокаторжественные дни у Петра Петровича бывали всегда семейные обеды, на которых присутствовали близкие родственники и Иван Фёдорович Горбунов»¹⁶. Вторит Шукину и С. Д. Боткин: «В обществе он совсем не бывал, и я не помню, чтобы я его где-нибудь видел, даже у нас, насколько я могу вспомнить, я ни разу не видел его обедающим, а только ненадолго зашедшим. Человек он был с очень тонким и саркастическим умом, и часто его замечания, сказанные якобы в добродушном тоне, заключали в себе либо осуждение, либо весьма тонкий упрёк»¹⁷. Тем не менее, сохранилось достаточно большое количество свидетельств о том, что Пётр Петрович часто гостил у своих младших братьев Сергея и Михаила в Петербурге, а они у него в московском доме или на даче [ил. 2].

Ил. 2. Пётр Петрович и Михаил Петрович Боткины
1900. Покровское-Глебово
Архив О. И. Дёмушкиной, праправнучки П. П. Боткина

После смерти Дмитрия Петровича Боткина в 1889 году из прежних владельцев фирмы «Петра Боткина сыновья» остались Пётр Петрович и наследники Дмитрия – Пётр, Сергей и Елизавета Дмитриевичи. Тогда возник вопрос о реорганизации фирмы, которую периодически в письмах обсуждали П. П. и М. П. Боткины, именно последний предложил форму товарищества и структуру капитала, которую впоследствии воплотили в жизнь¹⁸.

Таким образом, в 1893 году фирма была преобразована в товарищество чайной торговли «Петра Боткина сыновья»¹⁹. П. П. Боткин стал в новой организации учредителем²⁰, директором²¹ и директором-распорядителем²². Таким образом, все полномочия были сконцентрированы у него, а остальные члены семьи занимали подчинённое положение.

Современник П. П. Боткина Д. А. Покровский (1845–1894) пишет: «*П[ётр] П[етрович] доселе пользуется от всей торговой Москвы вполне заслуженным почётом как мудрый руководитель одной из старейших московских фирм, ведущих чайную торговлю путём непосредственных сношений с Ки-таем и руководитель не к упадку и разорению, а к упрочению и славе*»²³.

Владельцами паёв стали наравне с учредителями Петром Петровичем и Петром Дмитриевичем Боткиными «приглашённые ими лица»²⁴, в числе которых были представители многочисленной боткинской семьи²⁵. После смерти в 1907 году П. П. Боткина, фактического главы фирмы, дела семейной фирмы шли не лучшим образом. Поскольку у П. П. Боткина не было сыновей, то его преемником в делах стал зять, муж дочери Веры, Николай Иванович Гучков [ил. 3]. Из письма Михаила Петровича брату П. П. Боткину: «*Весьма приятно, что Николай Ива-*

Ил. 3. Пётр Петрович Боткин с зятем Н. И. Гучковым и внуком Петей Гучковым
Архив О. И. Дёмушкиной, праправнучки П. П. Боткина

нович вступил в Ваше дело, человек он прекрасный и, конечно, будет вполне достойным представителем»²⁶.

Хотя некоторое время в семье надеялись, что дело возьмёт в свои руки старшая дочь Анна: *«Жаль, что Нюничка неохотно занимается торговыми делами, а было бы не худо, если бы она вникла бы в дело с её умом и образованностью, это легко сделать. Могла бы быть полезным представителем»²⁷.*

Кроме паёв семейной чайной фирмы П. П. Боткин владел паями второго семейного предприятия – товарищества «Ново-Таволжанского свеклосахарного завода»²⁸, а также паями товарищества «Невского сахарного завода»²⁹.

Продолжая возглавлять семейную фирму, П. П. Боткин являлся московским купцом 1-й гильдии с 21 июня 1862 года два трёхлетия³⁰. Однако с 1894 года он выходит из гильдии³¹.

Кроме непосредственно коммерческой деятельности Пётр Петрович Боткин занимал ряд общественных должностей. По выбору Московского купечества П. П. Боткин состоял экспертом в Московской складочной таможне для освидетельствования контрабандного чая с 19 января 1855 по 19 сентября 1858 года³² и с 12 мая 1876 по 12 мая 1879 года³³. По выбору Московского биржевого общества состоял выборным этого сословия с 19 апреля 1873 года³⁴, также состоял выборным Московского купечества в 1873 и 1894 годах³⁵, с 23 августа 1892 года – членом Московского ревизионного Комитета для проверки отчётов и ревизий Государственных кредитных касс³⁶. 26 февраля 1889 года П. П. Боткин получил почётное звание коммерции советника от Министерства Финансов³⁷.

По выбору Московского городского общества Пётр Петрович Боткин был гласным Московской городской думы с 1872 года³⁸. Есть упоминание о выдвижении П. П. Боткина на должность Московского городского головы, но без уточнения даты и результатов баллотировки³⁹. Значимость Пётра Петровича можно оценить, узнав, что он был выбран представителем от Московского управления на коронации Николая II⁴⁰.

Пётр Петрович был также членом-казначеем Высочайше утверждённого Комитета на сооружение в Москве памятника в Бозе почившему Государю императору Александру II (1895)⁴¹.

Будучи очень религиозным человеком, Пётр Боткин был церковным старостой нескольких церквей: Московского кафедрального Архангельского собора (с 21 июня 1862 года) и церковью Космодемьянской на Покровке (1853–1881)⁴², Николаевской в Клиниках и при Усачевской Богадельне⁴³, был церковным старостой Московского кафедрального собора Храма Христа Спасителя⁴⁴. В 1906 году, кроме

должности старосты, был членом управления по заведованию собором⁴⁵.

В этом качестве Пётр Петрович делал многочисленные пожертвования в храмы, в частности, в Космодемьянскую церковь (на одном из пожертвованных колоколов была надпись с его именем)⁴⁶. По инициативе П. П. Боткина в 1855–1857 годах был предпринят целый ряд улучшений и капитальных исправлений в церкви и пожертвовано 7 100 рублей⁴⁷. Участвуя в церковных делах, Боткин подходил к ним с коммерческой ноткой. Так, на данные займы церкви деньги П. П. Боткина (1 280 рублей) в 1874 году при церкви была сооружена небольшая лавка, которая должна была приносить доход с аренды в пользу церкви и причта⁴⁸.

Множество ценных вещей П. П. Боткин пожертвовал другой церкви, где был церковным старостой в 1859–1881 годах, – Спасскому собору на Нижегородской ярмарке⁴⁹. Боткин отказался от должности старосты этой церкви, когда его помощник И. И. Вяхирев перешёл служить во вновь построенный храм Александра Невского на той же Нижегородской ярмарке⁵⁰.

Обустройству церковей Пётр Петрович уделял особое внимание. Он построил и оформил на свои средства церковь в имении своего брата С. П. Боткина⁵¹ (Культилла), жертвовал большие суммы на строительство церкви Александра Невского в Ханькоу⁵² (в Китае) для русских купцов и их работников.

Занимался П. П. Боткин благотворительностью и по отношению к богоугодным заведениям, никак не связанным с ним ни по месту жительства, ни по должности. Так, он был почётным членом Эзельского Свято-Николаевского эсто-русского православного братства⁵³. В Киевской епархии также отметили пожертвования П. П. Боткина на новостроенную церковь при втором женском училище в 1895 году⁵⁴, а в Минской духовной семинарии – пожертвования двух больших подсвечников посеребрённых с бордюрами вызолоченными в Кличевскую игуменскую церковь⁵⁵ и в домовую Иоанно-Богословскую церковь⁵⁶. В «Иркутских епархиальных ведомостях» напечатана благодарность П. П. Боткину за очередной дар в Кяхтинскую Воскресенскую церковь⁵⁷. П. П. Боткин был жертвователем Православному миссионерскому обществу⁵⁸.

Благотворительность П. П. Боткина распространялась не только на церковные учреждения. Так, он выделил капитал для поддержания Московского отделения Императорского Русского музыкального общества⁵⁹, был членом общества для пособия нуждающимся сибирякам и сибирячкам⁶⁰, состоял попечителем общественной Андреевской богадельни (27 июня 1862 – 30 мая 1866 года)⁶¹, по-

жертвовал здание в Гатчине для дома попечения о хронически больных детях⁶², занимал должность члена-благотворителя в убежище Святой Марии Магдалины⁶³ и почётного члена Елизаветинского благотворительного общества в Москве⁶⁴. Сам П. П. Боткин и его дочери жертвовали деньги в Человеколюбивое общество⁶⁵. Кроме того, П. П. Боткин являлся пожизненным почётным членом Московского общества призрения, воспитания и обучения слепых детей⁶⁶. В 1889 году зафиксированы пожертвования П. П. Боткина на дело призрения душевнобольных⁶⁷. Это было обусловлено не только простой сердобольностью Петра Петровича, но и личным несчастьем – его старшая дочь Анна была душевно больна. В 1896 году он дал 100 рублей на устройство убежища для детей лиц, пострадавших во время праздника на Ходынском поле⁶⁸. В 1854, 1858, 1863, 1868 годах П. П. Боткин обучал за свой счёт детей бедных родителей в Московском Коммерческом училище⁶⁹.

За своё служение на ниве благотворительности П. П. Боткин был неоднократно отмечен. В частности, он был награждён Высочайше пожалованными благодарностями Его Императорского Величества в 1858 году (за пожертвование в числе прочих на полушубки для войск Гренадерского корпуса) и в 1871 году (за пожертвования в пользу Московского попечительского комитета о бедных), золотыми медалями с надписью за усердие для ношения на шее на Андреевской, Александровской (1872, за усердную службу по должности старосты при Космодемьянской церкви на Покровке, при Московском Архангельском соборе и церкви Николаевской в Клиниках и Усачёвской богадельне и пожертвования в пользу этих церквей) и Станиславской лентах (1861, за усердную службу по должности старосты при Московской Космодемьянской церкви на Покровке и пожертвование в её пользу), знаком Красного креста 1879 года (по постановлению Главного управления Общества Попечения о раненных и больных воинах), тёмно-бронзовой медалью для ношения в петлице на Александровской ленте в память Священного Коронования Государя Императора Александра III в 1883 году⁷⁰, серебряной медалью для ношения в петле на Андреевской ленте в память Священного коронования Императора Николая II, золотой медалью, выбитой по случаю открытия памятника в Бозе почившему Государю Императору Александру II⁷¹, медалью в память бракосочетания их Императорских Величеств Николая II и Александры Фёдоровны 27 ноября 1897 года⁷². Вследствие ходатайства Епархиального начальства за заслуги по духовному ведомству, пожалован золотой медалью с надписью за усердие для ношения на шее на Аннинской ленте 27 января 1878 года. В 1881 году П. П. Боткину было объявлено Монаршее Его Величества благоволе-

ние после доклада Министра внутренних дел об отличном усердии и особых трудах в числе прочих принимавших участие в постройке и приведении в готовность к освящению второго православного храма на Нижегородской ярмарке⁷³.

В 1889 году П. П. Боткин получил награду Св. Анны 3-й степени за усердие по возобновлению Спасского Собора на Нижегородской Ярмарке, Св. Станислава 2-й степени (1893) за отличное усердие от духовного начальства⁷⁴, орден Св. Владимира 3-й степени за отлично-усердную службу по сооружению памятника Александру II (1898)⁷⁵.

Обладал П. П. Боткин и иностранным орденом. Князь Болгарский Фердинанд пожаловал ему болгарский орден «за гражданские заслуги» 2-й степени (1897)⁷⁶.

В некрологах о Петре Петровиче сказано было много хвалебных слов, в том числе о его благотворительной деятельности. *«П. П. Боткин делал очень много добра людям, – пожалуй, больше, чем они заслуживали, – смело можно сказать, что вся его долгая жизнь посвящена добрым делам; но он не принадлежал к числу тех «рекламных благотворителей, имена которых чуть не ежедневно пестрят в газетах и значатся в списках филантропических учреждений. Враг всякой рекламы он творил добро втайне, как истинный христианин, и не любил даже, когда его благодарили за оказанную услугу или помощь. “За что благодарить? Я только исполнил свой долг!”»⁷⁷.*

Пётр Петрович Боткин был женат на Надежде Кондратьевне (15 сентября 1835 – 9 сентября 1908), дочери Кондратия Карповича и Аграфены Михайловны Шапошниковых. В семье выросли три дочери Анна (Аннета, Нюнечка) (род. 1854), была замужем (1880–1884) за Василием Алексеевичем Андреевым (родился 1853), разведена, Надежда (24 октября 1855 – 1935), замужем за Ильёй Семеновичем Остроуховым (20 июля 1858 – 8 июня 1929), Вера (11 марта 1862 – 21 мая 1916), замужем за Николаем Ивановичем Гучковым (26 июля 1860 – 6 января 1935). Важную роль играл Пётр Петрович и для своей многочисленной родни. Наравне с братьями Дмитрием и Михаилом Пётр был душеприказчиком Василия Петровича Боткина⁷⁸. Также Пётр Петрович был восприемником при крещении детей своей сестры Екатерины Петровны Щукиной – Сергея, Дмитрия, Надежды, Антонины, Ольги⁷⁹, детей брата Сергея Петровича Боткина – Петра⁸⁰, Анастасии⁸¹, Евгения⁸², Александра⁸³, Виктора⁸⁴, Марии⁸⁵, Екатерины⁸⁶, Алексея⁸⁷, Зои⁸⁸, Софии⁸⁹, Людмилы⁹⁰, Елизаветы⁹¹, сына брата Дмитрия Петровича Боткина – Сергея⁹², дочери брата Михаила Петровича Боткина – Надежды⁹³, внучатой племянницы Нины Сергеевны Боткиной⁹⁴[ил. 4].

Ил. 4. Братья Боткины: Михаил, Сергей, Пётр и Дмитрий. 1880-е
Собрание СПбГМИСР. Дар А. Н. Дегтярёва, праправнука С. П. Боткина

Пётр Петрович почти всю жизнь прожил в родительском доме на Маросейке, в знаменитом особняке Боткиных в Петроверигском переулке, со времени его покупки в 1832 году до своей смерти. Именно ему достался семейный особняк. Как пишет В. П. Боткин сестре и зятю М. П. и А. А. Фетам 1(13) октября 1863 года: *«Дом на Маросейке со всеми хозяйственными заведениями уступлен Пете за 30 т<тысяч>, в виде вознаграждения за его прошлые труды по ведению торговых дел»*⁹⁵.

Мало известно о том, как проводил свой досуг П. П. Боткин. В отличие от своих братьев он не увлекался коллекционированием или литературством. На лето семья выезжала на дачу. Сначала она арендовалась в Кунцево, потом в Покровском-Глебово, а затем было приобретено имение «Поповка» в Звенигородском уезде. Наверное, там Пётр Петрович охотился – у него был членский билет Императорского московского общества охотников⁹⁶.

Умер П. П. Боткин 3 июля 1907 года после болезни. Как пишет в своём дневнике В. Я. Брюсов, его смерть уже ожидали⁹⁷. Похоронен на семейном участке кладбища Покровского монастыря в Москве. Согласно завещанию Петра Петровича, его имущество переходило к главным наследницам – дочерям Надежде и Vere, при этом были упо-

мянуты и другие многочисленные родственники и крестники⁹⁸, деньги были определены также на благотворительность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по гранту 17-21-21002: «История русско-китайской чайной торговли в центральных и юго-восточных провинциях Китая с середины XIX века по начало XX века. По материалам российских и китайских архивов».

² РГИА. Ф. 796. Оп. 436. Д. 930. Л. I об.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 1. Л. 12–12 об.

⁴ Боткин С. Д. Дела давно минувших дней // Бежин луг. – 1995. – № 3. – С. 153.

⁵ Там же. С. 155.

⁶ Щукин П. И. Воспоминания. Из истории меценатства России / Сост. Н. В. Горбушина С предисл. и под ред. С. О. Шмидта. – М.: Государственный исторический музей, 1997. – С. 98.

⁷ Щетинин Б. А. Пётр Петрович Боткин // Исторический вестник. – 1907 – Т. 109. – С. 548.

⁸ Боткин С. Д. Указ. соч. – С. 155.

⁹ Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. статья, сост. подг. текста и коммент. В. А. Любартовича и Е. М. Юхименко. – Изд. 2-е. – М.: Новое литературное обозрение, 2011.

¹⁰ Нестеров М. В. Давние дни. Встречи и воспоминания / [Подготовка текста, введ. и примеч. К. Пигарева. – 2-е изд., доп.]. – М.: Искусство, 1959. – С. 261–263.

¹¹ Боткин С. Д. Указ. соч. – С. 155.

¹² А. А. Фет и его литературное окружение / Литературное наследство / Отв. ред. Т. Г. Динесман. – Т. 103. – Кн. 1. – ИМЛИ РАН, 2008. – С. 280.

¹³ Там же. С. 342.

¹⁴ Там же. С. 415, п. 2.

¹⁵ Там же. С. 500.

¹⁶ Щукин П. И. Указ. соч. – С. 98.

¹⁷ Боткин С. Д. Указ. соч. – С. 155.

¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 173. Л. 83 об – 84 об, 120 об.

¹⁹ Бакалдина Е. В. Реорганизация фирмы «Петра Боткина сыновья» в 1893 году // Грибушинские чтения-2017. Тезисы докладов и сообщений XI Международного социально-культурного форума (г. Кунгур, 20–22 апреля 2017 года). – Пермь: Изд. Богатырёв П. Г., 2017. – С. 94–98.

²⁰ Устав товарищества чайной торговли «Петра Боткина сыновья». [Утверждён 22 марта 1893 года]. – М., 1893. – С. 3.

²¹ Протокол общего собрания владельцев паев Товарищества чайной торговли «Петра Боткина сыновья», состоявшегося 26-го июня 1893 года. – М., 1893. – С. 2.

²² Инструкция, составленная Правлением Товарищества чайной торговли «Петра Боткина сыновья», для определения прав и обязанностей избранного из среды членов Правления директора-распорядителя Петра Петровича Боткина от 26-го июня 1893 года. – М., 1893. – С. 1.

²³ Покровский Д. А. Очерки Москвы / [Сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. М. Боковой]. – М.: Книжница Русский путь, 2012. – С. 25.

²⁴ Протокол общего собрания владельцев... С. 1.

- ²⁵ Там же. С. 1–2.
- ²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 173. Л. 83.
- ²⁷ Там же. Л. 83–83 об.
- ²⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 74. Л. 1.
- ²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 61. Л. 9.
- ³⁰ Справочная книга о лицах, получивших на 1875 год купеческие по 1 и 2 гильдиям по г. Москве. – М. 1875. С. 12.
- ³¹ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 61. Л. 5.
- ³² РГИА. Ф. 796. Оп. 436. Д. 930. Л. I об, 1.
- ³³ Там же. Л. 2 об.
- ³⁴ Там же. Л. 1 об.
- ³⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 3. Оп. 3. № 77. Л. 4 об.
- ³⁶ Там же. Л. 7 об.
- ³⁷ Там же. Л. 6 об.
- ³⁸ Список гласных Московской городской думы 1872 год. – М., 1872. – С. 5; РГИА. Ф. 796. Оп. 436. Д. 930. Л. 3 об.
- ³⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 61. Л. 77.
- ⁴⁰ Всемирная иллюстрация: еженедельный иллюстрированный журнал. – 1896. – Т. 56. – С. 122.
- ⁴¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 3. Оп. 3. № 77. Л. 1 об.
- ⁴² *Никольский А. В.* Историческое описание Московской Космодамианской, на Покровке, церкви. К материалам для истории Москвы: Труд священника, магистра Александра Никольского. – М.: тип. Л. и А. Снегирёвых, 1888. – С. 176.
- ⁴³ РГИА. Ф. 796. Оп. 436. Д. 930. Л. I об, 1.
- ⁴⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 3. Оп. 3. № 77. Л. 1 об.
- ⁴⁵ «Москва-Сибирь»: адресная и справочная книга: посредник-указатель торгово-промышленных фирм г. Москвы и Сибири на 1906 год. – М.: Издание А. П. Крюкова, 1906. – С. 45.
- ⁴⁶ *Никольский А. В.* Указ. соч. – С. 46, 44, 51, 48, 45, 39, 50, 49. Сноска 101: «Во всех семи колоколах, пожертвованных П. П. Боткиным, весу 88 пудов 11 фунтов. На самом большом из них, имеющем вес 50 пудов 20 фунтов, находятся сверху рельефные изображения херувимов, ниже такие же рельефные изображения Мученицы Софии и трёх её дочерей, Св. Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. Кругом колокола надпись: «Вылит сей колокол ко храму Свв. Бессеребрянников Косьмы и Дамиана, при Протоирее Петре Алексеевиче Смирнове, усердием Церковного Старосты Потомственного Почётного Гражданина Петра Петровича, жены Надежды Кондратьевны, детей Анны, Надежды и Веры Боткиных в 1874 году Ноября 20 дня, на заводе Финляндского в Москве».
- ⁴⁷ *Никольский А. В.* Указ. соч. – С. 38, 47.
- ⁴⁸ Там же. С. 72.
- ⁴⁹ *Снежницкий А. Н.* Нижегородский ярмарочный Спасский (старый) собор. – Нижний Новгород: типография Губернского правления, 1901. – С. 47, 48, 54, 106, 107.
- ⁵⁰ Там же. С. 67.
- ⁵¹ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 255. Л. 31, 70 об, 72.
- ⁵² *Василенко Н. А.* Китайские исследователи о первых русских мигрантах в Китае // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала

XX века): Материалы международной научной конференции (Благовещенск, 17–18 мая 2004 г.). – Благовещенск, 2004. – С. 59.

⁵³ Отчёт Эзельского Свято-Николаевского эсто-русского православного братства за первое двадцатипятилетие с 9 мая 1870 года по 9 мая 1895 года. – Аренсбург, 1895. – С. 12.

⁵⁴ Киевские епархиальные ведомости. Отдел официальный. – 1895. – 1 декабря. – № 23. – С. 277.

⁵⁵ Минские епархиальные ведомости. Отдел официальный. – 1896. – 1 апреля. – № 7. – С. 131.

⁵⁶ Там же. 1904. – 15 декабря. – № 24. – С. 443.

⁵⁷ Иркутские епархиальные ведомости. – 1898. – 1 декабря. – № 23. – С. 657.

⁵⁸ Сборник сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества. Книги 1–2. – М.: типография В. Готье, 1872. – С. 88.

⁵⁹ Отчёт Московского отделения Императорского Русского музыкального общества за 1889–1890 год. – М., 1891. – С. 36.

⁶⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 61. Л. 77.

⁶¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 436. Д. 930. Л. 1 об.

⁶² ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 61. Л. 5. Л. 38.

⁶³ Благотворительные учреждения России. – СПб.: типография Императорского Училища глухонемых, 1912. – С. 68.

⁶⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 114. Оп. 2. № 24.

⁶⁵ Отчёт о действиях и суммах Человеколюбивого общества за 1886 и 1887 годы. – СПб., 1890. – С. 14.

⁶⁶ Состоящее под высочайшем её императорского величества государыни императрицы покровительством московское общество призрения, воспитания и обучения слепых детей. Отчёт за 1893 год. – М., 1894. – С. 28.

⁶⁷ Городские учреждения Москвы, основанные на пожертвования, и капиталы, пожертвованные московскому городскому общественному управлению в течение 1863–1904. – М., 1906. – С. 325.

⁶⁸ Там же. С. 371.

⁶⁹ Исторический очерк пятидесятилетнего существования Московского мещанского мужского училища, основанного Московским купеческим обществом в память совершеннолетия его императорского высочества государя наследника цесаревича Александра Николаевича. 1835–1885. – М.: Типо-лит Н. И. Куманина, 1885. – С. 83, 116, 119, 150.

⁷⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 436. Д. 930. Л. I об, 1–4 об.

⁷¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 3. Оп. 3. № 77. Л. 3 об.

⁷² ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 61. Л. 5. Л. 40.

⁷³ РГИА. Ф. 796. Оп. 436. Д. 930. Л. I об, 1–4 об.

⁷⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 3. Оп. 3. № 77. Л. 7 об.

⁷⁵ Там же. Л. 8 об.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Щетинин Б. А. Пётр Петрович Боткин. С. 549.

⁷⁸ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т. 5: Царствование императора Александра II, 1871–1873. – СПб.: тип. Т-ва «Общественная польза», 1877. С. 492.

⁷⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 5717. Л. 6–7.

- ⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 824. Л. 106 об – 107.
⁸¹ Там же. Д. 443. Л. 61 об – 62.
⁸² Там же. Д. 446. Л. 45 об – 46.
⁸³ Там же. Д. 1001. Л. 4 об – 5.
⁸⁴ Там же. Оп. 125. Д. 644. Л. 238 об – 239.
⁸⁵ Там же. Оп. 124. Д. 1314. Л. 281 об – 282.
⁸⁶ Там же. Оп. 125. Д. 351. Л. 285 об – 286.
⁸⁷ Там же. Оп. 126. Д. 568. Л. 2 об – 3.
⁸⁸ Там же. Оп. 125. Д. 426. Л. 970 об – 971.
⁸⁹ Там же. Д. 475. Л. 648 об – 649.
⁹⁰ Там же. Д. 946. Л. 208 об – 209.
⁹¹ Там же. Д. 1031. Л. 16 об – 17.
⁹² РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 2599. Л. 5.
⁹³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 1096. Л. 183 об – 184.
⁹⁴ Там же. Оп. 126. Д. 1679. Л. 63 об – 64.
⁹⁵ А. А. Фет и его литературное окружение. – Кн. 1. – С. 357.
⁹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 61. Л. 73.
⁹⁷ Брюсов В. Я. Дневники 1891–1910 / Подготовила к печати И. М. Брюсова; примеч. Н. С. Ашукина. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1927. – С. 139.
⁹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 61. Л. 17–17 об.

А. А. БУДКО, Г. А. ГРИБОВСКАЯ
*(Военно-медицинский музей
Министерства обороны РФ; Санкт-Петербург)*

ЗНАМЕНИТЫЕ ПАЦИЕНТЫ СЕРГЕЯ ПЕТРОВИЧА БОТКИНА

Сергей Петрович Боткин [ил. 1] – выдающийся деятель XIX века, основоположник отечественной клинической медицины, один из основателей передовой школы русских клиницистов, создатель отечественной военно-полевой терапии.

Высочайшим приказом 22 ноября 1870 года С. П. Боткин был назначен «почётным лейб-медиком Двора Его Величества с оставлением при занимаемых должностях»¹.

Звание почётного лейб-медика хотя и предоставляло возможность заниматься своим прямым делом по прежней должности, но обязывало обладателя его в любой момент быть готовым явиться ко Двору для консультации или оказания практической медицинской помощи. «Почётный лейб-медик» было действительно почётным званием, которого удостоивались лица, проявившие себя в научной и практической медицине. Немногие из русских медиков могли похвастаться в то время таким званием.

Как гражданин, горячий патриот и демократ, активный общественный деятель, семьянин, хранитель христианских ценностей: доброты, милосердия, гуманизма и любви к своему Отечеству и народу, С. П. Боткин по праву занимает почётное место среди выдающихся деятелей отечественной медицины.

Большое значение в жизни и творчестве С. П. Боткина сыграли его коллеги по работе, друзья, бывшие его пациентами.

Великое множество лиц всех возрастов и положений прошло перед взыскательным взором выдающегося диагноста за годы его деятельности. Со многими из них у Сергея Петровича устанавливались не только сугубо профессиональные взаимоотношения врача с больным, но возникало знакомство, поддерживаемое иногда годами и переходящее во взаимную привязанность. В числе пациентов-друзей Сергея Петровича можно было видеть писателей, художников, артистов, учёных, государственных деятелей любого ранга, приехавших к нему со всех концов страны.

Ещё в годы его подготовки к деятельности в академии судьба свела его с известными лицами, которым он оказывал помощь или давал врачебные советы. Одним из них был художник Александр

Андреевич Иванов, хорошо знавший старших братьев Сергея Петровича – Василия, Николая и Дмитрия.

Весной 1858 года, решив выставить в Санкт-Петербурге свое полотно «Явление Мессии народу», над которым он трудился в Италии в течение двадцати лет, А. А. Иванов погрузил картину на пароход, следовавший в Россию. Чрезвычайно обрадованный, что утомительные хлопоты подходят к концу, художник в последний раз проверил, хорошо ли упакована и закреплена картина, как вдруг у него пошла носом кровь. Из письма А. А. Иванова С. П. Боткину от 18 мая 1858 года, отправленного из Киля в Берлин, мы узнаем, что крови «...вытекало пять стаканов... Доктор думает меня отпустить послезавтра в Гамбург, где я отдохну день, после чего отправлюсь к Вам в Берлин как для совещания о моём здоровье, так и для совета, как продолжать путь»².

Сергей Петрович радушно встретил живописца, поселил у себя, пригласил на консилиум бывших в то время в Берлине своих товарищей, молодых русских врачей Э. А. Юнге, Л. А. Беккерса, А. В. Шефера, А. А. Боголюбова и назначил Александру Андреевичу препараты железа для восстановления сил и поддержания кровотока.

За год работы в Санкт-Петербурге в числе пациентов С. П. Боткина уже оказались двадцатипятилетний Н. А. Добролюбов, страдающий туберкулезом легких, Д. И. Менделеев и многие именитые коллеги по Медико-хирургической академии.

Николай Александрович Добролюбов скончался 17(29) ноября 1861 года. Через несколько лет после его смерти в беседе с близкой знакомой Добролюбова Н. А. Татариновой Сергей Петрович признался: «Я хоть и доктор, а бывало, два раза подумаю, прежде чем к нему ехать; уж очень тяжело было его нравственное состояние перед смертью»³.

Конечно, всякий раз, когда хворал кто-нибудь из его близких друзей – И. М. Сеченов [ил. 2], Э. А. Юнге, Л. А. Беккерс, Сергей Петрович, не раздумывая, спешил к ним и много времени проводил рядом, превращаясь из лечащего врача в заботливую сиделку. Осенью 1861 года у И. М. Сеченова развилось сильное воспаление глаз. С. П. Боткин часто заглядывал к нему на Захарьевскую улицу, где тот жил вместе с Беккерсом, и помогал ухаживать за больным другом.

Здесь 30 августа 1861 года состоялась первая встреча С. П. Боткина с другом Сеченова Дмитрием Ивановичем Менделеевым, в то время молодым, подававшим надежды учёным, только что выпустившим отличный учебник органической химии. Когда 1 октября Менделеев пришёл на Захарьевскую навестить Сеченова, он застал

там Сергея Петровича, осматривавшего своего друга, а 28 октября, в очередной приезд к Ивану Михайловичу, Д. И. Менделеев попросил Боткина проконсультировать и его. Вечером того же дня Менделеев сделал запись в своём дневнике: *«Ездил в Общество, деньги получил, а потом к Сеченову. Там Боткин осмотрел меня – говорит ничего, только простуда»*⁴.

Дружба С. П. Боткина с выдающимся учёным-химиком продолжалась в течение всей их жизни. Способствовала ей и совместная работа в Медицинском совете, где оба состояли совещательными членами.

Одним из благодарных пациентов Боткина с первых лет его профессорской деятельности был Александр Иванович Герцен. Первая встреча Боткина и Герцена состоялась в 1859 году в Англии во время свадебного путешествия Сергея Петровича и Анастасии Александровны Боткиных. Позже, бывая за границей, С. П. Боткин всегда сообщал об этом Герцену; он был у него в Лондоне в 1862 году, а ещё через шесть лет выступил уже в роли врача-консультанта. Летом 1868 года А. И. Герцен жил в Швейцарии и лечился от диабета у профессора А. Б. Фохта. Беспokoил его и фурункулёз. С. П. Боткин находился в то время в Париже, получив от Герцена тревожное письмо, пригласил его к себе на консультацию. Поражённый, как и многие другие, тщательностью обследования, произведённого Боткиным, он пишет Н. П. Огарёву: *«Я Боткиным доволен без предела и конца, я ничего подобного не видал его осмотру»*⁵.

Сергей Петрович подтвердил наличие у Герцена диабета, объяснил сущность и возможные причины болезни, назначил диету и посоветовал ему побывать в курортном городе Виши или в Карлсбаде, но честно заявил Герцену, что на полное излечение рассчитывать не следует, лечиться нужно всё время и придерживаться диеты.

В конце 1860 – начале 1861 года С. П. Боткин познакомился с художником И. Н. Крамским, композитором М. А. Балакиревым, писателем Ф. М. Достоевским, принимал их в клинике и посещал на дому. Каждый из них нуждался в консультации опытного диагноста, которым уже считался Боткин. Если Ф. М. Достоевского ему пришлось консультировать всего два-три раза, то общение с Иваном Николаевичем Крамским и Мирием Алексеевичем Балакиревым, начавшееся с медицинского осмотра, продолжалось долгие годы и переросло в настоящую дружбу.

В 1857 году М. А. Балакирев перенёс какую-то «горячку», протекавшую тяжело и вызвавшую, по-видимому, начало той нервной болезни, которая терзала его в продолжение всех дальнейших лет, особенно в начале 1860-х годов. Врачи затруднялись определить ха-

рактер заболевания, давали противоречивые советы, и это ещё больше раздражало композитора. В марте 1862 года по совету друзей Балакирев впервые обратился к Боткину. В письме к В. В. Стасову от 31 марта 1862 года он писал: «Сегодня я был в клинике у Боткина. На меня он произвёл очень приятное впечатление»⁶.

Владимир Васильевич Стасов воспользовался рекомендацией Балакирева и в начале апреля явился на приём к Боткину в дом Лисицына. Ему досаждала так называемая «болезнь Менъера», вызывавшая частые головокружения, возникавшие порой в самый неожиданный момент.

На М. А. Балакирева боткинские лекарства и общение с ним и его семьёй оказывало самое благоприятное действие. Безгранично доверяя профессиональной компетентности и врачебному чутью Боткина, Балакирев показывал ему и своего отца, Алексея Константиновича, с просьбой установить, чем он болен и какие средства ему рекомендовать.

Врачебным вниманием Боткина М. А. Балакирев пользовался много лет. Зная безотказность Сергея Петровича, он испрашивал его согласия на приезд в Культиллу, чтобы проконсультироваться самому и показать кого-либо из близких. Боткин неизменно соглашался, проявляя при этом большую предупредительность. «Дорогой мой Милий Алексеевич! – пишет он в ответ на одну из таких просьб 18 июля 1883 года. – Всегда и во всякое время готов быть к услугам Вашим и Ваших друзей; выбор дня будет вполне зависеть от больного, которому я советую руководствоваться хорошей погодой, чтобы не попасть под дождь»⁷.

Зимой 1866–1867 годов коляска С. П. Боткина довольно часто останавливалась на Крюковом канале у Кашина моста перед домом, где жили братья Мусоргские – Модест и Филарет.

Известный художник Иван Николаевич Крамской часто обращался за помощью к С. П. Боткину. Он лечился от воспаления лёгких, от болей в сердце, от простуды и разных других хворей. Рекомендуя художнику Ф. А. Васильеву посоветоваться относительно его здоровья с С. П. Боткиным, Крамской писал: «Я в него, как в Господа Бога, верю»⁸.

Благодарный художник написал широко известный портрет Боткина, представленный в 1881 году на очередной выставке «передвижников» и получивший высокую оценку художественной критики. Сергей Петрович изображён сидящим в кресле в спокойной позе. Во взгляде, направленном сквозь очки, угадывается острая наблюдательность, неустанная работа мысли. Словно Боткин только что закончил обследование больного и раздумывает над диагнозом.

Обращались к Боткину за советом и помощью и его коллеги [ил. 3], профессора Медико-хирургической академии П. А. Дубовицкий, Я. А. Чистович, В. Л. Грубер, А. П. Бородин, Е. И. Богдановский и многие другие. В адресе, преподнесённом Сергею Петровичу в апреле 1882 года от академических анатомов и подписанном В. Л. Грубером, П. Ф. Лесгафтом и А. И. Таренецким, есть такие строки: «Одному из нас Вы уже два раза спасали жизнь, и он имеет все причины благодарить Провидение за то, что оно дало счастье пользоваться Вашей помощью»⁹.

Действительно, дважды Венцеслав Леопольдович Грубер болел тяжёлой желчной коликой и рожистым воспалением и уже не надеялся на выздоровление. Трудно сказать, что могло ожидать Грубера, если бы не С. П. Боткин, почти не отходивший от него в самые тревожные периоды болезни.

Однако далеко не всегда мог ожидать Боткин успеха от своего вмешательства. Труднее всего было с теми пациентами, которые скептически относились к медицине, не верили в её возможности и

Ил. 3. С. П. Боткин в группе врачей-последователей его научной школы 1880-е. Собрание ВММ МО РФ

настраивали себя негативно к любым советам и рекомендациям. Таким пациентом оказался Александр Сергеевич Даргомыжский. Всякий раз, когда друзья советовали ему обратиться к знающему врачу-интернисту, он отмахивался и заявлял: «Я ещё допускаю, что доктор может лечить и вылечивать разные кожные болезни, например, раны, язвы, нарывы, потому что он видит весь болезненный процесс. Но как он может знать, что делается в человеческом организме при какой-нибудь внутренней болезни?..»¹⁰.

Между тем, Александра Сергеевича часто мучили боли и тяжесть в груди, нарушения сердечного ритма. С большим трудом друзья Даргомыжского уговорили его довериться Боткину. На протяжении целого года Сергей Петрович «курировал» Александра Сергеевича, регулярно навещал композитора. К сожалению, болезнь его зашла слишком далеко, и вылечить композитора оказалось невозможно. Даргомыжский скончался 5 января 1869 года от «аневризма сердца», как значится в некрологе.

Большинство людей считало большим счастьем попасть на приём к Сергею Петровичу. Из воспоминаний, дневниковых записей, писем известных деятелей прошлого века явствует, что С. П. Боткин лечил художника И. И. Шишкина, известного издателя А. С. Суворина, крупного государственного чиновника Н. А. Милютина, поэта Ф. И. Тютчева, химика А. М. Бутлерова, публициста Г. З. Елисеева, учёного-литературоведа А. Н. Пыпина, путешественника Н. И. Миклухо-Маклая, выдающегося юриста А. Ф. Кони и многих-многих других, нуждавшихся в его внимательном взгляде, добром слове и разумном совете. Каждого, кто впервые оказывался в положении обследуемого, Сергей Петрович подвергал самому тщательному и методичному изучению.

Осенью 1877 года в клинику Боткина был доставлен студент Медико-хирургической академии Владимир Бехтерев с высокой лихорадкой, ознобом, начавшимся ещё в санитарном поезде при возвращении с фронта Русско-турецкой войны. Сергей Петрович при обходе клиники внимательно осмотрел Бехтерева и поделился со своим будущим коллегой взглядами на роль психического фактора в возникновении и течении многих болезней. На лекциях он не раз приводил примеры подобных влияний. Владимир Михайлович Бехтерев, ставший впоследствии выдающимся профессором психиатрии, начальником кафедры Военно-медицинской академии, с теплым чувством вспоминал и беседу с Боткиным.

Бывший ассистент клиники Боткина профессор В. А. Манасеин любил рассказывать одну подобную историю из своей практики. Вячеслав Авксентьевич лечил больного, зная, что диагноз установлен

верно, и что лекарство нужно давать именно то, которое он назначил. Но больному лучше не становилось, тот считал, что его лечат неправильно. К больному был приглашён Боткин. Убедившись, что лечение проводится безукоризненно, Сергей Петрович после беседы с больным пригласил В. А. Манассеина в свой кабинет и сказал: «Всё, что Вы даёте теперь, надо давать и впредь. Ничего другого я посоветовать не могу. Но так как вода в Вашем лекарстве совершенно безвредна, а ему хочется нового средства, прибавим сюда ещё безвредной воды. Лекарство будет то же, только бутылка – больше, и это больного успокоит». Едва больной отведал «нового» лекарства, как на следующий день сказал, что чувствует себя гораздо лучше, благодарил Боткина и чрезвычайно быстро поправился¹¹.

За несколько лет до этого С. П. Боткин лечил М. М. Антокольского от воспалительного процесса в горле, грозившего опасными осложнениями. Летом 1873 года, будучи в Риме, Сергей Петрович встречался с Антокольским, расспрашивал его о состоянии здоровья и продолжал давать советы.

Трогательное внимание на протяжении многих лет уделял Сергей Петрович М. Е. Салтыкову-Щедрину и Н. А. Некрасову, проявляя в тяжёлые моменты их болезни терпение, сострадание, живое участие, обладавшие не меньшей целительной силой, чем самые действенные лекарства.

С Михаилом Евграфовичем Салтыковым-Щедриним С. П. Боткин был знаком и дружен в течение многих лет. По словам Константина Михайловича Салтыкова, Сергей Петрович был одним из самых близких друзей писателя-сатирика. *«Этот знаменитый врач своими непрестанными заботами много содействовал продолжению жизни моего отца. В январе 1885 года тяжело заболел сын Михаила Евграфовича, Костя. Доктор А. А. Руссов поставил ему диагноз воспаления легких и начал было его лечить, но мальчику становилось всё хуже и хуже. В отчаянии отец обратился к Боткину. Тот определил у ребёнка скарлатину и в течение нескольких дней практически не отходил от его постели, пока болезнь не пошла на убыль. Погруженный в болезнь, Салтыков-Щедрин иногда сам вредил ходу лечения; не слушаясь Боткина, он принимал одновременно большое количество различных лекарств, постоянно настроивал себя на плохой исход, пытался одно время тайне от Боткина искать спасение в “целебных молитвах” отца Иоанна Кронштадтского. Велико было его смущение, когда однажды во время визита к нему Боткин застал в гостинице отца Иоанна. Сергей Петрович тактично загладил возникшую неловкость и сказал: “Батюшка и я – коллеги, только я врачую тело, а он душу”»¹².*

Не перечислить имён современников С. П. Боткина, искавших в нём последнюю надежду, прибегавших к его врачебному опыту, искусственному диагносту, к его доброму, сердечному отношению, хорошо известному и обитателям княжеских особняков, и жильцам «петербургских трущоб». Не оставлял он вниманием тех, чье положение считалось безнадежным, но большинству пациентов боткинские советы приносили выздоровление или облегчение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Будко А. А., Шабунин А. В. Великий Боткин. Сердце, отданное людям. К 175-летию со дня рождения С. П. Боткина посвящается. – СПб., Военно-медицинский музей, 2006. – С. 125.

² Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. – СПб.: Издание М. Боткина, 1880. – С. 322.

³ Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников / [Вступ. статья В. В. Жданова, с. V–XXXII; Подготовка текста, вступ. заметки и коммент. С. А. Рейсера]. – Л.: Гослитиздат: [Ленингр. отделение], 1961. – С. 325.

⁴ Исторический вестник. – 1882. – Т. 10. – С. 599.

⁵ Герцен А. И. Собрание сочинений / [Ред. В. А. Путинцев и А. Л. Гришунин, тексты подготовил Л. Р. Ланский, коммент. М. И. Гиллельсон и др.]. – М., 1963. – Т. 29. – Кн. 2. – С. 439.

⁶ Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым / Предисл. и комментарии В. Каренина; Вступ. статья Г. Л. Киселева. – М.: Музгиз, 1935 («Образцовая» тип.). – С. 160.

⁷ Будко А. А., Шабунин А. В. Великий Указ. соч. – С. 188.

⁸ Переписка И. Н. Крамского. – Т. 2: Переписка с художниками / [Подгот. к печати и примеч. Е. Г. Левенфиш и др.]. – М.: Искусство, 1954. – С. 64.

⁹ ВММ МО РФ. Фонд С. П. Боткина. № 644466.

¹⁰ Даргомыжский А. С. Автобиография. Письма. Воспоминания современников / Ред. и примеч. Ник. Финдейзена. – 2-е изд. – Пг.: Государственная академическая филармония. – С. 168.

¹¹ Бальдъиш Г. Бехтерев в Петербурге–Ленинграде. – Л.: Лениндздат, 1979. – С. 58–67.

¹² Салтыков К. М. Интимный Щедрин / Предисл.: Н. Мещеряков. – М., Пг.: Государственное издательство, 1923. – С. 16.

С. Г. ЖУРАВСКИЙ

*(Первый Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет имени академика И. П. Павлова,
Национальный медицинский исследовательский центр
имени В. А. Алмазова; Санкт-Петербург)*

ЛЕЙБ-МЕДИК С. П. БОТКИН И ПАЦИЕНТЫ ДОМА РОМАНОВЫХ

Из 27 лет, отданных клинической и преподавательской работе в Медико-хирургической академии, 17 лет С. П. Боткин одновременно состоял домашним врачом семей двух российских монархов – Александра II и Александра III. Этот аспект деятельности знаменитого русского врача до сих пор остаётся неизученной страницей его профессиональной биографии.

Проведён анализ обнаруженных авторских первоисточников по этой теме – дневниковых тетрадей¹, которые содержат рабочие записи, касающиеся его придворной службы в 1872–1889 годах². Основу рукописи составляет детальная медицинская характеристика последнего десятилетия жизни Александра II и императрицы Марии Александровны, разовые консультации членов их семьи, других представителей династии Романовых. Заметим, что истории болезни, как официального документа, в то время ещё не существовало. Поэтому понятно, что эти записи использовались в качестве «профессиональной» (медицинской) памятной книжки. Страницы дневников представляют собой описания течения болезней, по поводу которых лейб-медик приглашался во дворец. Степень тяжести физического состояния пациентов требовала либо разовых консультаций, либо постоянного, порой многомесячного, наблюдения. Благополучным периодам здоровья соответствуют пропуски между записями. В результате появились три тетради, представляющие 430 листов авторского текста и вместе образующие чётко датированную, продолжительную и подробную историю болезни членов царской семьи.

Особенность боткинского представления клинического материала в том, что ход болезней фиксировался во взаимосвязи как с объективными окружающими факторами (погодными, климатическими), так и с психологическим состоянием венценосных пациентов (обстоятельствами личной жизни, событиями внутренней и внешней политики, имевшими историческое значение). Это делает записи С. П. Боткина ценнейшим источником специфической информации,

раскрывающей некоторые частные обстоятельства жизни императорской семьи в описываемый период. Материал дневника позволяет рассматривать состояние здоровья августейших персон как самостоятельный фактор исторического процесса.

В конце 1860-х годов у супруги Александра II – императрицы Марии Александровны, стал развиваться лёгочный туберкулез. С. П. Боткин, состоявший с 1870 года почётным лейб-медиком³ (звание обязывало являться во дворец по высочайшему вызову для разовых консультаций и консилиумов), в начале 1872 года приглашается для постоянного врачебного наблюдения за государыней⁴ [ил. 1] С этого момента лейб-медик почти на целое десятилетие становится практически ежедневно востребован для решения вопросов здоровья членов царской фамилии. Восемь лет он будет единолично формировать стратегию и проводить лечение императрицы.

Низкая физическая активность и частые простудные заболевания на фоне слабости дыхательной системы способствовали зарождению хронической болезни лёгких императрицы. При ретроспективном анализе дневниковых записей С. П. Боткина становится понятно, что в момент его появления при Дворе это уже была пациентка с завязавшимся «туберкулёзным гнездом» – смертельной в то время патологией легких. Болезненное состояние усугубляла давняя анемия вследствие хронической малярийной инфекции, многочисленных беременностей, а также климатическая перестройка организма. Однако главным неблагоприятным фактором этого случая стало угнетённое состояние психики, причинами которого были потеря сына-наследника (1865) и измена супруга.

Ил. 1. Императрица Мария Александровна
1870

Фотограф С. Л. Левицкий
Гессенский государственный архив
(Дармштадт, Германия)

Документальные материалы, характеризующие службу С. П. Боткина в качестве придворного врача, позволяют утверждать, что императрица Мария Александровна в силу тяжести своего заболевания и семейной ситуации была самым трудным из всех пациентов Дома Романовых. Невозможность повлиять на позицию супруга в сочетании с высокой религиозностью вызывали психологическую подавленность и отсутствие мотивации к лечению. При том, что в ту эпоху не существовало ни ранней диагностики туберкулёза, ни понимания его инфекционной природы, первостепенной задачей врача было убедить царственную больную в необходимости лечения. Для такого пациента в первую очередь целительной становилась имевшаяся от природы и развитая годами практики способность С. П. Боткина благотворно влиять на психику больного человека⁵.

Туберкулёз легких при отсутствии иных возможностей медицины того времени являлся общепризнанным показанием для проведения длительного климатического лечения. Истощённой восьмью беременностями и родами, постоянно кашляющей, меланхоличной женщине предписывалось продолжительное пребывание на курортах с тёплым, умеренно влажным климатом и холмистым ландшафтом, позволявшим выполнять прогулки, тренирующие дыхательные мышцы. Среди мест проведения «акклиматизации» императрицы, как тогда называли климатические выезды, встречаем Сорренто (1873), Альбано (1873), Сан-Ремо (1874–1875), Канны (1879), Южный берег Крыма (1872, 1876, 1878, 1879), Югенгейм (1873, 1874, 1879).

Длительные выезды из Петербурга для проведения климатической терапии создавали для публики видимость благополучия в августейшей чете, демонстрируя объективную необходимость раздельного проживания. Этому очень способствовала общественная репутация лейб-медика. Его известность и авторитет убеждали общество во мнении, что разлука супругов в царской чете обусловлена состоянием здоровья императрицы. Возможность именно такого «информирования» была крайне важна для императрицы, поскольку защищала монархию от потери престижа в обществе, тогда более патриархальном, чем современное, а взрослых царских детей – от психологической травмы.

Многолетняя болезнь и особенность семейного анамнеза (наличие у императора второй семьи) способствовали тому, что между лейб-медиком и императрицей сложились отношения, не исчерпывающиеся его служебными обязанностями (врач–пациент). Отношение Марии Александровны к своему лейб-медику определялось некоторыми обстоятельствами субъективного плана. С. П. Боткин, как носитель ярко выраженных национальных черт, отвечал славяно-

фильским симпатиям императрицы⁶. Профессиональный энтузиазм, способность влиять на психику, не типичный для придворного антиконформизм вызвали расположение низко комплаентной пациентки и во многом обеспечивали успех лечения. Кроме того, при всей внешней непохожести на государя, С. П. Боткин природным благодушием, живым интересом к делу, развитой интуицией мог напоминать августейшей супруге психотип её мужа в прежние годы, когда молодой Александр с вдохновением посвящал себя и государственным делам, и частной жизни⁷. Не исключено, что в подсознательном восприятии Марии Александровны, лишённой супружеского участия, С. П. Боткин оказался тем, кто компенсировал нравственную потребность болеющего в заботе.

О степени доверия Семьи к мнению Боткина, о понимании его значимости для благополучия императорской четы свидетельствует беспромедлительное осуществление любых, самых масштабных, предлагавшихся им проектов оздоровления. Для болеющей государыни в зимнее время по рекомендациям лейб-медика строились полностью закрытые деревянные коридоры, утеплённые толстым сукном и отапливаемые печами. Их предназначением было обеспечение наиболее щадящего перемещения из вагона поезда в экипаж, а из последнего – к подъезду дворца. Для того чтобы императрица в холодное время года могла поддерживать двигательную активность на свежем, но, вместе с тем, несколько подогретом воздухе, в дворцовых галереях специально устанавливались фонтаны и реконструировались окна с целью создания необходимого температурного режима (*«приспособлялись залы дворца для прогулок»*⁸).

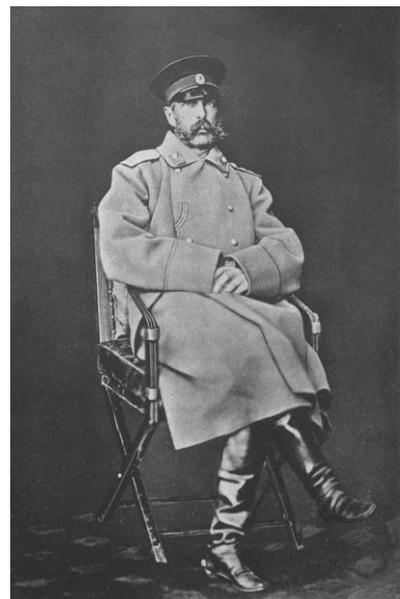
Условия перманентного стресса в императорской семье требовали от лейб-медика принятия на себя этической ответственности за снижение «градуса» психологического напряжения у «главного пациента», как называл императрицу С. П. Боткин. Дневниковые записи свидетельствуют о том, что С. П. Боткин хорошо понимал значение «внутренних» причин, поддерживающих болезнь. *«...У Ея Величества психологическая сторона отражается чрезвычайно резко на физике (и я как врач не имею права вмешиваться)...»*⁹. Отражением этого становится его особенная рекомендация – строительство горной виллы Эреклик. Вскоре после первого появления Боткина в Ливадии, в марте 1872 года, поступает распоряжение о постройке виллы-спутника. Той весной Александр II стал отцом и во второй своей семье. Имея представления о «семейном анамнезе» (*«...для Боткина не могло быть тайн во Дворце...»*¹⁰), лейб-медик счёл, что для больных лёгких, а на самом деле для расстроенных нервов царственной пациентки будут полезны регулярные оздоравливающие многочасовые выезды из

дворца. С этой целью и было проведено кажущееся на первый взгляд нерациональным спешное строительство автономного жилого комплекса Эреклик в глухом реликтовом месте, в горах, в 4,5 верстах от официальной ливадийской резиденции¹¹.

Ведение императором двойного семейного существования становилось главным затруднением курации клинического случая

Марии Александровны. Именно благодаря фиксации в дневниках моментов ухудшения течения лёгочного туберкулёза у императрицы (острые плевриты 1872, 1873, 1874, 1878 годов) сегодня можно видеть их связь с событиями, происходившими во второй семье Александра II (рождение детей от княжны Е. М. Долгорукой, появление тайного указа об их усыновлении, переезд во дворец).

Самостоятельное место в многолетней истории болезни императрицы занимает крупный отрывок, который относится к июню 1880 года и связан с её смертью. Этот фрагмент содержит уникальный материал для рассмотрения темы деонтологии придворной службы. С. П. Боткин сочувствовал Марии Александровне. Наблюдение страданий государыни – физических (из-за смертельной болезни) и потаённых душевных (из-за семейной драмы) – сформировали, вопреки его профессиональной прагматичности, некую метафизичность восприятия её личности. «...Только теперь понимаю, что между мною и ею была та связь, разрыв которой чувствуется очень глубоко...», – записал С. П. Боткин

Ил. 2. Император Александр II в период пребывания на театре военных действий в Болгарии Сентябрь 1877 года. Фотограф М. Панов. Воспроизведено по: Столетие Военного министерства 1802–1902. Императорская главная квартира. История государевой свиты. Царствование Императора Александра II / Под ред. Д. А. Скалона. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1914. – С. 496

через несколько недель после похорон императрицы¹². Посмертные заметки С. П. Боткина о государыне имеют исключительную ценность, поскольку содержат ряд характерологических наблюдений, расши-

ряющих представления о личности этой женщины, незаслуженно забытой отечественной исторической наукой. В истории болезни «главного пациента» можно увидеть истоки благотворительных начинаний эпохи «двух Александров» (развитие деятельности Красного Креста, зарождение курортного дела на Южном берегу Крыма, появление в России первого туберкулёзного санатория, организация барачной больницы и др.).

Оказавшись с 1872 года лейб-медиком российской императрицы Марии Александровны, С. П. Боткин уже вскоре, в 1875 году, начинает также заниматься вопросами здоровья императора. В последующие годы Боткин успешно проводит лечение Александра II [ил. 2], перенёсшего ряд острых и обострений хронических заболеваний. Известно, что великий князь Александр Николаевич с юных лет страдал астматическими приступами¹³, которые провоцировались психическими волнениями. С возрастом в условиях сырого климата Санкт-Петербурга и длительного курения нездоровье императора усугубилось – развился хронический катар бронхов. По информации из дневников, государь имел ещё одно хроническое заболевание – перемежающуюся лихорадку, т. е. малярийную инфекцию.

Любопытно, что при обострениях хронических болезней государя (бронхиальной астмы, малярии) С. П. Боткин всегда наблюдает их связь с событиями общественного характера – военными и политическими¹⁴. «...Каждая неприятная депеша отражается на Государе...»¹⁵ – запись, предвещавшая летнее обострение хронического бронхита в 1876 году в обстоятельствах напряжённых международных отношений. В это момент решался вопрос объявления войны Турции.

С общеисторической точки зрения особенно важно содержание дневника за период с мая по ноябрь 1877 года. В этот период С. П. Боткин командировался на Дунайский фронт русско-турецкой войны для сопровождения Александра II. Состоянию здоровья императора на театре войны посвящено 60 страниц дневника. Психологические переживания императора в то время и связанные с ними заболевания, позволяют взглянуть на Александра II с необычной стороны. Боткин неоднократно отмечает такие моменты: в Плоэшти (13–16 июня), Беле (17 июля), Горном Студне (11–15 августа), Радонице и Павло (4 июля, 29 августа – 5 сентября)¹⁶. Каждый из них хронологически связан с эпизодами активизации военных действий. Информация о кризисах здоровья императора отчётливо показывает связь болезненных состояний государя (обострение хронического бронхита, дизентерия, малярийный криз) с центральными военными неудачами русской армии в ходе русско-турецкой кампании 1877–1878 годов (штурмами Плевны). На основании этого складывается картина

нарастающего физического и нравственного утомления пожилого монарха, что во многом косвенно способствовало череде трагических событий¹⁷. Лейб-медик, разумеется, по соображениям придворного этикета не даёт своей оценки действиям императора на фронте.

Описание события 1 марта 1881 года становится самым ярким фрагментом «Дневника». С. П. Боткин оказался в числе тех немногих, кто был свидетелем последних минут жизни государя¹⁸. Картина агонии императора заканчивается детальным протоколом вскрытия. Этот документ по своему содержанию является классическим посмертным эпикризом и представляет собой профессиональное патологоанатомическое заключение (в отличие от записи после смерти Марии Александровны).

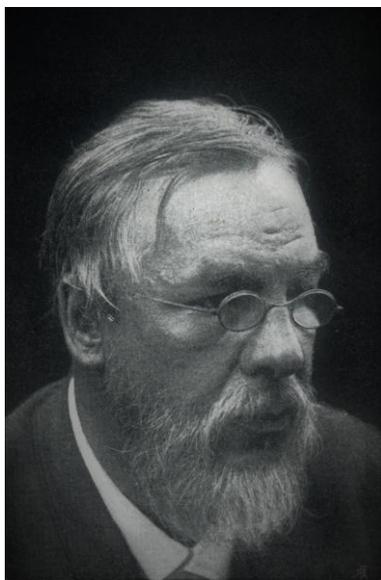
Нельзя обойти вниманием и *не медицинское* значение, которое имела служба С. П. Боткина для семьи императора – его роль в поддержании имиджа Александра II. В период популярности в российском обществе либеральных представлений (о необходимости ограничения абсолютной власти) то обстоятельство, что для лечения сначала супруги императора, а затем и самого абсолютного монарха приглашается человек, известный своими научными достижениями, с демократичными взглядами (практикующий во всех слоях общества, продолжающий вести активную преподавательскую деятельность), не из дворянского сословия, русский и православного вероисповедания, оказывалось для Александра II удачным внутривластным пиаром. Это воспринималось как посыл власти о том, что курс страны на либеральные реформы продолжается.

В свою очередь, Александру II, занятому своей второй семьёй, было спокойно от того, что его давно ставшая непривлекательной, тяжело больная жена поручена известному профессионалу медицинского дела. Для императора было значимо официальное присутствие С. П. Боткина. Это моделировало общественное мнение, доказывая серьёзность заболевания императрицы и легитимизируя факт раздельного существования августейшей четы. Придворная служба С. П. Боткина серьёзно поддерживала репутацию монарха, имевшего тайную связь, которая давно уже для всего света была «секретом Полишинеля»¹⁹.

Все годы придворной службы домашний доктор Семьи оказывался свидетелем, а порой и невольным заложником частной жизни императора. Психотип Александра II – и пациента, и человека, – несмотря на его статус, должен был быть хорошо понятен С. П. Боткину, обладавшему отменным чутьём психолога. Боткин демонстрировал лояльность к факту существования двойной семейной жизни Александра II. Не последней причиной тому было то, что импе-

ратора и лейб-медика объединяло общее, порицаемое моралью, обстоятельство – наличие тайных семей и внебрачных детей у обоих мужчин. Удачно складывающейся придворной карьерой С. П. Боткин обеспечивал тот «административный ресурс», который в условиях абсолютной императорской власти являлся необходимым для реализации проектов по организации столичного здравоохранения.

В период правления Александра III С. П. Боткин формально сохранил свою придворную должность (1881–1889). Однако его положение при Дворе было уже иным. Собственные либеральные взгляды и та двусмысленная позиция, в которой он невольно оказывался в условиях реалий двойной семейной жизни Александра II, являлись причинами неприятия молодым царём лейб-медика своего отца.

Ил. 3. С. П. Боткин. 1887
Фотограф Е. А. Боткина
Воспроизведено по:
Белоголовый Н. А. Из моих
воспоминаний о Сергее Петровиче
Боткине. В кн.: Воспоминания и
другие статьи. – М.: Типография
К. Ф. Александрова, 1897 –
С. 291–437

Характер личного отношения Александра III к Боткину стал очевидным уже в его бытность великим князем. Осенью 1872 года имел место единственный случай, когда С. П. Боткин лечил будущего императора, болевшего тяжёлым брюшным тифом. Детали, проглядывающие «между строк», говорят сами за себя: Боткина приглашают только спустя две недели неудачного лечения и лишь после того, как на этом настояла беспокоящаяся императрица²⁰. Окончательно дополняют понимание слова самого лейб-медика, когда он, оценивая расположение духа пациента, заметил: «более капризен против обыкновенного – впрочем, капризность больше относится к врачам, к которым **до сих пор** больной относится не с тем обычным дружеским чувством, с которым относятся простые смертные, выздоравливающие от тяжёлых болезней»²¹.

Поскольку приемник Александра II являлся сторонником патриархальных ценностей, при дворе после 1881 года негласно действовало правило «нравственной санации» – замалчивались обстоятельства многолетней морганатической

связи Александра II. Игнорировались и предавались забвению личности, связанные с ней или демонстрировавшие свою лояльность. У здорового, физически крепкого, уверенного в себе молодого императора не стояло в числе приоритетов иметь опытного советника по вопросам здоровья семьи и общественного здравоохранения. Вместе с тем, справедливо будет отметить, что в эти годы лейб-медиком при дворе Александра III состоял уже растративший силы, с каждым годом становящийся всё более конфликтным, стареющий доктор [ил. 3].

Таким образом, после описания момента царевубийства дневник лейб-медика С. П. Боткина перестаёт быть персональным документом семьи Александра II и наполняется множеством коротких записей, сделанных после разовых или непродолжительных консультаций членов Династии (великих княгинь Ольги Константиновны, Александры Иосифовны, Александры Петровны, Ольги Фёдоровны, Марии Павловны, герцогини Терезии Петровны, великих князей Константина Николаевича, Михаила Михайловича, Вячеслава Константиновича, Константина Константиновича, княжны Марии Черногогорской и др.), представителей российской элиты (министра юстиции Д. Н. Набокова, князя Н. М. Голицына, генерала П. А. Черевина и др.), а также родственников и знакомых самого С. П. Боткина. В записях продолжает обращать внимание на влияние психического фактора в развитии патологии. Это отмечено в клинической картине заболеваний младших великих князей (Сергея, Павла

Ил. 4. Великий князь Николай Александрович с палкой Петра Великого во время дефиле перед Александром III. 1886
Фотограф И. В. Болдырев
Собрание ОЭ РНБ. Э АлП/3-60/2
(Архив фотографа-любителя И. В. Болдырева. 1885-1887. Т. 2.)
Л. 122

Александровичей, Марии Александровны, Константина Константиновича). Каждый из членов Семьи в силу своих индивидуальных «моральных причин» получал рекомендации курсовых или разовых приёмов хлоралгидрата, бромата калия, гофманских капель или валерианы и др.

Говоря об обстоятельствах службы Боткина при дворе Александра III, любопытно отметить, что лейб-медик в 1886 году предупреждает о возможности туберкулёза у 17-летнего наследника – Великого князя Николая Александровича²² [ил. 4]. Перед этим он однозначно убеждается в диагнозе заболевания у молодого камердинера, который прислуживал великим князьям Николаю и Георгию Александровичам. С. П. Боткин три недели подряд приезжал в Гатчину к цесаревичу, болеющему лёгочной инфекцией. Очень показательно, что по его выздоровлению ни император, ни императрица не пожелали встретиться с доктором своего сына: «...после того, как температура Наследника понизилась, родители, по-видимому, совершенно успокоились и относились к медицинским опасениям недоверчиво»²³. Камердинер ещё долго будет оставаться при комнатах великих князей. В итоге заражён туберкулёзом будет великий князь Георгий Александрович, который и погибнет от этой болезни.

Материал о членах императорской семьи Романовых, который составлен лейб-медиком С. П. Боткиным, может являться объектом для многостороннего исторического анализа. Несомненно, он представляет профессиональный интерес для историков медицины, являясь неизвестной до настоящего времени работой С. П. Боткина, характеризующей самую сокрытую грань его профессиональной деятельности. Дневники лейб-медика, раскрывая приватную сторону жизни императорской семьи (состояние здоровья, моменты эмоциональных переживаний и пр.), могут стать уникальным источником изучения гражданской истории указанного периода в рамках традиционной науки. Нередко факты состояния здоровья и болезни монарха объясняют изменения в жизни общества. Характер сведений рукописи С. П. Боткина даёт возможность рассматривать динамику государственных и общественных процессов в контексте неклассической («микроисторической») методологии – через призму физического здоровья правящей династии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ФБ ВМА. Ф. VIII. Д. 12 / I (Дневниковая тетрадь лейб-медика С. П. Боткина. 1872–1874). 120 л.; РО ИРЛИ РАН. Д. 13.874 (Дневник С. П. Боткина (1872–

1877). 187 л.; ОР РНБ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1 (Дневниковая тетрадь лейб-медика С. П. Боткина. 1877–1889). 215 л.

² Журавский С. Г. Дневники лейб-медика С. П. Боткина как энциклопедия медицины российского императорского дома // История медицины. – 2016. – Т. 3. – № 2. – С. 145–158.

³ РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1632. 14 л.

⁴ ОР РНБ. Ф. 98. Д. 1. Л. 155 об.

⁵ Журавский С. Г., Чикулин В. В. Лейб-медик С. П. Боткин и императрица Мария Александровна: обстоятельства карьеры придворного и специфика взаимоотношений // История медицины. – 2016. – Т. 3. – № 4. – С. 395–411.

⁶ Мещерский В. П. Мои воспоминания. – 2-е изд. – М.: Захаров, 2003. – С. 677.

⁷ Подробнее о личности Александра II см. в работе: Захарова Л. Г. Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. – 2005. – № 2. – С. 164–193.

⁸ ОР РНБ. Ф. 98. Д. 1. Л. 133 об.

⁹ РО ИРЛИ РАН. Д. 13.874. Л. 68 и 68 об.

¹⁰ Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева. Составление, подготовка текста и примечания Л. И. Шохина. – М.: Индрик, 2001. – С. 152.

¹¹ ГАРК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 161. Л. 1.

¹² ОР РНБ. Ф. 98. Д. 1. Л. 156.

¹³ Медицина и императорская власть в России. Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX века / Под ред. Г. Г. Онищенко. – М.: МедиаПресс, 2008. – С. 86–94.

¹⁴ Эта тема подробнее раскрыта в статье: Журавский С. Г. Здоровье императора Александра II в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (по материалам лейб-медика С. П. Боткина) // Врач. – 2013. – № 9. – С. 83–86.

¹⁵ РО ИРЛИ РАН. Д. 13.874. Л. 117.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 98. Д. 1. Л. 4, 5 об., 7 об., 9 об., 16, 18 об – 19.

¹⁷ Журавский С. Г. Император Александр II на Русско-турецкой войне (по материалам «Дневника» лейб-медика С. П. Боткина) // XIV Петровские чтения: Материалы всероссийской научной конференции 21–22 ноября 2012 года. – СПб.: ПАНИ, 2013. – С. 22–25.

¹⁸ Фрагмент из дневника о смерти Александра II опубликован в работе: Егоров Б. Ф., Чернуха В. Г. Кончина императора Александра II: Из «Дневника» доктора С. П. Боткина // Медицина России в годы войны и мира: Новые документы и исследования / Отв. ред. и сост. Л. А. Булгакова. – СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 37–41.

¹⁹ Подробнее о второй семье императора Александра II см.: Сафронова Ю. А. Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

²⁰ РО ИРЛИ РАН. Д. 13.874. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 20.

²² ОР РНБ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 208 об.

²³ Там же. Л. 209.

Е. В. БАКАЛДИНА

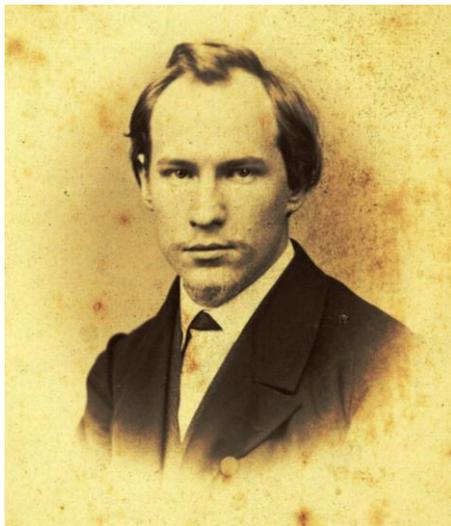
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ БОТКИН: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Михаил Боткин (26 июня 1839 — 22 января 1914 (по ст. стилю)) родился в семье известного чаепрогонца, московского купца 1-й гильдии Петра Кононовича Боткина и его второй жены Анны Ивановны, урождённой Постниковой. Он был самым младшим ребёнком из четырнадцати детей, доживших до взрослого возраста, причём разница со старшим братом Василием составляла 27 лет. Михаил потерял мать в 2 года, а отца – в 14 лет. Первоначальное воспитание Михаил получил дома, затем – сведения расходятся. В книге М. И. Семеновского, собравшего автобиографические заметки о 850 лицах, есть и записка М. П. Боткина; там сказано, что он «воспитывался сперва в немецкой школе, затем в гимназии [№ 51], но главное заведение его воспитанием имел Тимофей Николаевич Грановский»². Что это была за немецкая школа, пока не ясно; однако интересно, что М. П. Боткин уже не упоминал её в анкете для книги-справочника Н. П. Собко о русских художниках, где он собственноручно написал, что он получил «гимназическое и домашнее образование под руководством профессора Т. Н. Грановского»³. Последний снимал флигель в родительском доме Боткина в Москве в Петроверигском переулке, и достаточно тесно общался с семьёй Боткиных. Отец семейства Пётр Кононович с большим почтением относился к своему постояльцу⁴.

Вероятно, Т. Н. Грановский действительно принимал участие в обучении младшего отпрыска семейства Боткиных. Однако главным человеком, повлиявшим на будущее мальчика, был его старший брат Василий Петрович Боткин. По воспоминаниям А. Д. Галахова, «комнаты [Василия] постоянно украшались немногими, но лучшими произведениями живописи и скульптуры»⁵. Василий неоднократно писал очерки на искусствоведческие темы⁶. Как рассказывал М. Н. Катков, «он был знаток живописи, изучил все галереи в Европе и имел обширные познания в её истории»⁷. Василий был для брата наставником по искусствоведению. В одном из писем он даёт младшему брату подробные указания: «Ты напрасно считаешь Рафаэля “Поклонение волхвов” (в Берлине) картоном. Это была картина, только писанная на белке, но она находилась в скверном месте, так что краски все почти сошли с неё. Но что за сердечная композиция, и с какою наивною граци-

ей это нарисовано! – Как вы (Михаил ехал в Италию вместе с двоюродным братом С. П. Постниковым – Е. Б.) намерены ехать из Венеции – через Милан или прямо во Флоренцию через Болонью? Напиши об этом из Венеции, где вы верно проживёте более недели, а главное – не забудь осмотреть все её замечательные церкви. Их много и интересно в них бездна. Я бы советовал ехать из Венеции на Милан, а уже из Милана во Флоренцию. Надо в Милане насмотреться на Луини и его фрески, – а потом один карандашный этюд Винчи стоит того, чтоб нарочно съездить в Милан»⁸.

Ил. 1. М. П. Боткин
Конца 1850-х – начало 1860-х
Архив семьи Энден

О московском периоде жизни Михаила Боткина известно мало. В 1849 году на свадьбе сестры Екатерины с Иваном Васильевичем Щукиным десятилетний Миша нёс образ⁹. В 1854–1855 годах Михаил Боткин учился в Московском Училище Живописи, Ваяния и Зодчества у Е. Я. Васильева¹⁰. В архиве Русского музея хранится похвальный листок, данный М. П. Боткину в 1855 году за «старания и успехи по оригинальному рисунку»¹¹. Затем он переезжает в столицу.

В формулярном списке, датированном 1890 годом, М. П. Боткин [ил. 1] пишет, что он «поступил в число учеников Императорской Академии художеств в январе 1856 года в класс гипсовых фигур и в сентябре месяце того же года переведён в натурный класс, а в мае 1858 года оставил академию»¹². Скорее всего, М. П. Боткин последовал в Академию художеств за своим двоюродным братом С. П. Постниковым, поступившим в Академию в октябре 1855 года¹³. В анкете для Н. П. Собко М. П. Боткин сообщает, что учился «в Академии художеств у Завьялова, Бруни»¹⁴. После смерти в 1856 году Фёдора Семёновича Завьялова (1810–1856) Михаил Боткин становится учеником Фёдора Антоновича Бруни (1799–1875). За два года в Академии особо были отмечены двенадцать рисунков М. Боткина¹⁵.

В 1858 году Михаил Боткин «оставляет академию». Брат Василий пытался продвинуть в наставники для Михаила Александра Анд-

реевича Иванова (1806—1858). Из письма Василия брату Дмитрию от 14 февраля 1858 года: «К этому же времени он [Иванов] и сам будет в Петербурге. Но так как весьма затрудняется тем, где он остановится, а по бедности его в гостинице стоять ему невозможно, то я и предложил ему остановиться у братьев, тем более что близкое знакомство с таким известным художником может быть для Миши и интересно, и полезно. Всего вероятнее, что он не останется долго у них, но для него важно прямо приехать на квартиру, и притом с Пашей он знаком. Все расходы, которые будут у братьев по этому случаю, я принимаю на свой счёт»¹⁶. Иванов уже пользовался гостеприимством братьев Боткиных, остановившись в Берлине у С. П. Боткина¹⁷.

Сам А. А. Иванов был вовсе не против остановиться в квартире Боткиных. Так, он пишет Н. П. Боткину: «...в Петербурге у меня всё родное вымерло, и потому нельзя ли будет просить Михаила Петровича меня на первые дни приютить? Впрочем, об этом я ещё буду к вам писать с Востока. Всё-таки напишите два слова М[ихаилу] П[етровичу] и пришлите мне его петербургский адрес»¹⁸. В письме И. М. Сеченову Иванов снова говорит об адресе Боткина: «Адрес мой петербургский будет у Боткиных, с которыми я постараюсь часто видеться, и постараюсь даже в одном доме жить»¹⁹.

На предложение Василия Боткина о шефстве над его братом А. А. Иванов отвечал в письме от 14 июня 1858 года: «Милостивый государь Василий Петрович. Не желая несколько стеснять ни собственной моей и ничьей свободы, я здесь предлагаю вопрос, весьма занимательный для Вашего семейства и, в особенности, для Вас как старшего в роде и важнейшего по образованию. Ехать ли Михаилу Петровичу со мной всюду или оставаться в Академии для довершения курса?»²⁰. То есть, Иванов сомневался, стоит ли Михаилу Боткину «оставлять» Академию. Далее Александр Андреевич говорит Василию Петровичу Боткину: «...я могу быть полезен Михаилу Петровичу только как школьный учитель. Впрочем, жертвование с Вашей стороны покоем, знаниями, неусыпными трудами может выкликнуть меня на большее участие»²¹.

В итоге, А. А. Иванов поселился на квартире у Боткиных. Жили они – Павел Петрович Боткин (1827—1888), юрист и коллежский асессор, Михаил Боткин и их двоюродный брат по материнской линии Сергей Петрович Постников, также обучавшийся в Академии художеств, – в доме, находившемся на 3-й линии Васильевского острова и известном под названием «дом Кранихфельда»²², по фамилии владельца дома, у которого снимали жильё Боткины²³. Именно эту квартиру Иванов называл своим домом: «домом я называю: Михаила Боткина, Сергея Петровича Постникова – его двоюродного брата и

художника, вместе со мною живущего, и их приверженцев, весьма добрых и дельных людей»²⁴. Так в течение некоторого времени молодые художники тесно общались с Ивановым.

Иванов несколько опасался жить с молодыми художниками: *«В. П. Боткин мне устраивает у своих братьев в Петербурге комнату для житья. Один из них живописец, оканчивающий курс в Академии. – Я его весьма благодарю за такую внимательность, но в тоже время весьма боюсь за мои альбомы и бумаги, которые с собой везу, чтоб как-нибудь молодой юноша не обшарил бы меня насквозь. – И тогда композиции, стоящие мне десятилетия, пойдут шататься по его произволу, как его собственность»*²⁵. Но, по воспоминаниям В. В. Стасова, подозрительность вообще была в его характере: он не сразу признал своего брата Сергея после того, как они 16 лет не виделись²⁶.

После продажи картины «Явление Христа (Миссии) народу» А. А. Иванов планировал вернуться в Италию, сообщая брату Сергею: *«Кланяются тебе Михаил Петрович Боткин и Сергей Петрович Постников. Я, может быть, с ними пушусь к тебе в Рим, если дела примут благой оборот»*²⁷. Однако А. А. Иванов умер 3 июня 1858 года.

Уже после смерти А. А. Иванова Василий Боткин в письме к брату Дмитрию от 15 августа 1858 года написал: *«Величайшую пользу мог бы он принести как профессор, и в этом отношении я искренне оплакиваю Мишу»*²⁸. В письме В. П. Боткина И. И. Панаеву от 28 июля 1858 года: *«Потеря Миши – невознагражима. Потерять такого руководителя – ужасно»*²⁹.

Но, несмотря на крушение планов поездки с А. А. Ивановым, Михаил Боткин не вернулся в Академию и вместе с двоюродным братом Сергеем Постниковым уехал без наставника за границу, в Италию, так любимую его старшим братом. А. А. Фет писал в 1859 году: *«Миша уже в Риме и, кажется, задыхается от глубоких впечатлений, производимых на него Италией»*³⁰.

М. П. Боткин и С. П. Постников не были пенсионерами Академии Художеств; оба были не богаты, хотя Михаилу отец и оставил некоторую сумму по завещанию. Племянник Михаила Пётр Щукин так описывает его жизнь в Риме: *«Ежедневно видался с дядей Михаилом Петровичем Боткиным, жившим вместе с художником Сергеем Петровичем Постниковым. В via Sistina зашли мы в старый дом, где находилась студия Михаила Петровича, потолок которой в дождливое время протекал, и тогда на пол ставили тазы. Когда мы вошли в студию, то увидели голого исхудалого старика-натурщика, дрожавшего всем телом от холода у железной переносной печи. С Боткиным и Постниковым мы ходили в трамторию «Медио», где вместе с ними сто-*

ловались два брата Сведомские, Катербинский, Семирадский, Риццони и другие художники»³¹.

Относительно бедная жизнь Михаила Боткина окончилась после оглашения завещания его старшего брата Василия в 1869 году, который оставил младшему брату 100 000 рублей³². Как пишет А. А. Риццони, «духовная [В. П.] Боткина останется лучшим для него памятником – вот и Михаил Петрович обеспечен»³³. В то же время нельзя говорить, что он был так беден, как многие другие русские художники, жившие в Риме, поскольку он имел возможность давать им в займы деньги³⁴.

Хорошо известно, что кафе Греко на улице Кондатти в Риме было местом встреч русских художников³⁵. В одном из писем А. А. Риццони читаем: «Устроен был обед за Тибром с русским пирогом, заведовал этим наш патриарх М. П. Боткин. Нас было там 15 человек, и было бесконечно весело»³⁶.

М. П. Боткин постоянно путешествовал. Как пишет о Боткине и его двоюродном брате А. А. Риццони, «они уехали, были в Вене и Мюнхене, в настоящее время находятся в Париже, поедут в Лондон и к концу сентября вернутся в Рим, где надеются прожить до декабря, а потом в Россию»³⁷. О путешествии М. П. Боткина в Испанию мы так же узнаем из письма Риццони: «Ответ на моё письмо я получил из Мадрида. Он [М. П. Боткин] в восторге от Испании. Галерея Мадрида (национальный музей живописи и скульптуры) его поразила, он пишет: “мы не могли удержаться, скопировали несколько головок с Веласкеза”. В начале июня они вернутся в Париж, где, по всей вероятности, сойдёмся»³⁸. Ещё в одном письме находим такие строки: «Приехали Боткин и Постников, много интересных рассказов, компания наша приняла почти свой старый вид, теперь живётся повеселее»³⁹.

Достаточно часто в письмах родных и коллег М. П. Боткина встречаются фразы о его трудолюбии: «На праздники приехал в Москву Миша и Серёжа Постников. Миша похудел, много занимается»⁴⁰.

В 1870 году Михаил вернулся в Петербург и стал снимать квартиру в доме Масловых на углу Офицерской улицы (ныне улица Декабристов) и Английского проспекта⁴¹. Художницей О. А. Кочетовой, ученицей Рисовальной школы Общества поощрения художеств, за акварельные виды двух комнат в квартире М. П. Боткина (и кабинета бывшего директора рисовальной школы М. Дьяконова) было получено звание классного художника в 1870 году⁴². Квартиру Михаила Петровича упоминает и П. П. Чистяков: «жил всю зиму на квартире у М. П. Боткина»⁴³.

В 1879 году М. П. Боткин женился на Екатерине Никитичне Солодовниковой (1852–1917) [ил. 2]. У них было пять дочерей и два сына: Екатерина (1881–1957) в замужестве фон Энден, Елена (1882–1964), Елизавета (1884–1942) в замужестве Зеленская, Михаил (1885–1893), Любовь (1887–1920) в замужестве Самарина, Сергей (1888–1918), Надежда (1890–1891).

Ил. 2. Семья Боткиных: Любовь, Екатерина, Елизавета, Екатерина Никитична, Михаил Петрович и Сергей. Ок. 1895
Архив семьи Энден

В 1883 году М. П. Боткин купил дом на Николаевской набережной⁴⁴ и проживал в нём до самой своей смерти.

Михаил Боткин – художник

Михаил Петрович всегда подчёркивал, что в первую очередь он художник, академик живописи. На заседании в Императорской Академии художеств 9 января 1863 года Михаил Боткин стал академиком по исторической живописи⁴⁵ за две картины: «Вакханка с тамбурином» и «Плач иудеев на реках Вавилонских»⁴⁶.

После известия о получении звания академика М. П. Боткиным его зять Афанасий Фет писал: «Миша за свои картины, которые он привёз в Академию, – получил звание Академика, – а уж за ним и Серёжа Постников. Миша теперь здесь, и вчера на его именины

собрались все, и обедали и пили за здоровье молодого Академика. Я за него рад от всей от души – он такой умный, добрый и хороший. Останется он здесь только неделю, – а потом опять возвращается в Рим»⁴⁷.

До сих пор не ясно точное количество картин, написанных М. П. Боткиным. О некоторых из них известно лишь по письмам, как например, о портрете детей Челищева в итальянских костюмах⁴⁸.

Вся мастерская Боткина была увешана его картинами [ил. 3]. Известно, что дочь М. П. Боткина Елена в 1920-е годы разослала по музеям СССР 278 картин⁴⁹. Как минимум несколько десятков разошлись по музеям и частным собраниям ещё при жизни художника. Сложно оценивать уровень его произведений, но большинство из них были написаны на достаточном, академическом уровне. Как сказано в статье В. В. Чуйко для энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и А. Ф. Эфрона: «В исторических картинах М. П. Боткина обращает на себя внимание прекрасная композиция и экспрессивность фигур и лиц. М. П. Боткин считается также одним из лучших наших рисовальщиков»⁵⁰. В обзорном труде П. П. Гнедича М. П. Боткин упоминается как

Ил. 3. М. П. Боткин в своей мастерской в доме на В. О., 18-й линии, д. 1. 1913
Архив семьи Энден

*«носитель старых традиций, некогда усердно изучавший испанцев и итальянцев. Написал много этюдов, библейских картин»*⁵¹. В статьях нет оценки, лишь констатация фактов.

Приятели М. П. Боткина положительно оценивали его художественные достижения. Так, А. А. Риццони сообщал П. М. Третьякову: *«Г-н Боткин написал прелестную вещь («Четыре времени года»), которую он послал на Парижскую выставку. Картина эта имеет громадные достоинства, исполнена с необыкновенной любовью, поэзии пропасть, колорит и манера писать очаровательная»*⁵². В ответ на это письмо П. М. Третьяков откликнулся: *«Радуют меня очень успехи М. П. Боткина, он такой милый и симпатичный – дай Бог ему сделаться знаменитым художником»*⁵³. П. П. Чистяков тоже писал П. М. Третьякову в июле 1879 года: *«Приехал из Рима М[ихаил] Петрович Боткин. Привёз несколько картин: голова женщины и древние горшечники, очень хороши. Особенно последняя картина мне нравится»*⁵⁴.

С другой стороны, В. В. Стасов не пощадил М. П. Боткина, рассказывая про выставку в Академии Художеств в 1867 году: *«...мало превыше всего любить ивановскую картину, для того чтоб порядочно передавать евангельские события. Надо носить их в себе, быть ими полным, надо иметь античное настроение духа, не то всё выйдет бедно и бледно, вяло и скучно. У кого нет могучего исключительного призвания, пускай лучше просто копирует с натуры итальянских девочек-цветочниц, албанок и неаполитанок у фонтана, мальчиков-нищих или пиффераров и весь остальной казённый вздор, чем обыкновенно пробавляется в Италии три четверти наших художников, отпускаемых с такими надеждами и издержками в Рим»*⁵⁵. Стасов вообще неоднозначно относился к М. П. Боткину. В письме к В. В. Верещагину от 26 сентября 1876 года он пишет про него: *«ничтожество бездарное и, значит, завистливое... Я этого <...> Боткина давно уже презираю и ненавижу, и если где-нибудь повстречаю – порядком отшлёпаю (конечно, на словах)»*⁵⁶. Однако тот же Стасов состоял в переписке с М. П. Боткиным на протяжении более 40 лет, называя себя его другом, благодарил за разные услуги⁵⁷.

Современные искусствоведы причисляют М. П. Боткина к второстепенным художникам, так, например, С. С. Степанова пишет в своих книгах: *«Во второй половине XIX века были примеры прямого заимствования (плагиата) пластических идей А. А. Иванова, – в частности, искажённых и ослабленных в творчестве М. П. Боткина («Женщины, издали смотрящие на Голгофу»)»*⁵⁸.

Михаил Петрович Боткин регулярно участвовал в выставках в Императорской Академии Художеств. Он также дважды принял участие в выставках товарищества Передвижных выставок, не будучи

членом товарищества. Связи с передвижниками помогли впоследствии М. П. Боткину в организации художественного отдела Первой Всероссийской выставки в 1882 году. Воспользовавшись тем, что он распорядитель выставки, М. П. Боткин выставил целых 11 своих работ. Часто М. П. Боткин выставлял работы и на международных выставках – всемирные выставки в Вене (1873), Париже (1878), Антверпене (1885), Берлине (1886).

Впоследствии М. П. Боткин тоже участвовал в международных выставках, но уже в качестве члена жюри. Интересный случай произошёл на выставке в Берлине в 1896 году. Там, благодаря М. П. Боткину, который был членом жюри от России, наши художники В. Е. Маковский и В. А. Серов получили золотые медали: *«большинство Жюри требовало перебаллотировки, но только благодаря энергичному протесту Боткина, который пригрозил отказаться и от репинской медали, если вопрос о 18 голосах не будет принят собранием, повернули дело в нашу сторону»*⁵⁹. Такое поведение можно считать и интригами, и дипломатическим ходом, но в данном случае действия Боткина пошли нашим художникам на пользу. Позднее М. П. Боткин был членом жюри на Всемирной выставке в Париже в 1900 году⁶⁰.

Картины М. П. Боткина сейчас находятся во множестве музеев Российской Федерации и за рубежом. Некоторые картины были куплены ещё при жизни Боткина, так, например, К. Т. Солдатёнков приобрёл картину «Монахиня», а П. М. Третьяков купил «Старовераначётчика», картины покупались даже в музей Императорской Академии Художеств⁶¹. Стоит отметить, что в начале своей творческой деятельности Михаил Боткин продавал картины, а после обретения финансового благополучия обычно их дарил (жертвовал). Причём инициаторами таких поступлений были сами благоприобретатели. Из письма А. П. Боголюбова, создателя художественного музея имени А. Н. Радищева (деда Боголюбова по матери) в Саратове, от 21 октября 1896 года: *«Не имеется здесь и Вашей работы, но Вы мне обещали дать что-либо, а потому и не отказали что-либо подарить...»*⁶².

Сейчас известно, что картины М. П. Боткина находятся в Архангельском областном музее изобразительных искусств, Воронежском областном художественном музее имени И. Н. Крамского, Государственной Третьяковской галерее (Москва), Государственном Музее истории религии (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов, Дорогобужском краеведческом музее, Краснодарском художественном музее, Музее изобразительных искусств Республики Карелия (Петрозаводск), Нижегородском государственном художественном музее, Новгородском Государственном объединённом музее-заповеднике, Новосибирской

Областной Картинной галерее, Омском музее изобразительных искусств, Русском Государственном Музее (Санкт-Петербург), Рыбинском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике, Саратовском художественном музее имени А. Н. Радищева, Старочеркасском историко-архитектурном музее-заповеднике, Сычёвском краеведческом музее. Известно, что дочь М. П. Боткина Елена Михайловна Боткина в 1920-е годы разослала картины отца в музеи Вологды, Еревана, Казани, Одессы, Переславля, Полтавы, Пскова, Ростова-на-Дону, Самары, Екатеринбургa, Твери, Тбилиси, Харькова⁶³. Также порядка 60 работ сейчас числятся как разыскиваемые после Великой Отечественной войны из музеев Киева, Смоленска, Краснодара. К сожалению, изображений этих произведений нет, в редких случаях имеются только описания.

М. П. Боткин считался специалистом по церковной живописи. Так, в здании Императорского Русского музыкального общества производились иконописные живописные работы, сделанные классным художником В. В. Беляевым, и для инспекции этих икон просили прийти М. П. Боткина и П. П. Чистякова⁶⁴. Достаточно часто М. П. Боткин назначался членом комиссии по реставрации различных храмов: Софийского собора города Новгорода⁶⁵, Благовещенского собора в Москве⁶⁶, Мирожского собора в Пскове⁶⁷. Известно, что он и сам расписывал иконостасы: для церкви в Шанхае (1882)⁶⁸, для церкви в приюте Н. В. Руковишникова⁶⁹, для церкви лица наследника цесаревича в Москве⁷⁰, для церкви Александра Невского в Ханькоу⁷¹, для церкви Святых апостолов Петра и Павла в имении С. П. Боткина в Культилле (1883)⁷². К сожалению, на сегодняшний день неизвестна судьба этих икон, даже их изображения не найдены.

Тесно связано с живописью ещё одно увлечение М. П. Боткина – гравирование крепкой водкой (à l'eau-forte). Офортное гравирование в России обязано своим развитием Обществу аквафортистов, которое создал в 1871 году в Петербурге А. И. Сомов. В общество русских аквафортистов, просуществовавшее до 1874 года, входили многие русские художники. Однако М. П. Боткин не значится в списках общества, возможно, потому, что жил в это время в Италии; но он создал немало офортов. Интересно, что некоторые гравюры были сделаны Боткиным с собственных картин, а другие – с предметов коллекционирования.

М. П. Боткин – коллекционер

Как писал сам М. П. Боткин в предисловии к изданию 1911 года, его коллекция собиралась на протяжении пятидесяти лет⁷³. Ещё в 1870-е годы в письмах А. А. Риццони к П. М. Третьякову есть

сведения о том, что «Боткин и Постников вернулись с месяц тому назад сюда и работают, и покупают старинные вещи»⁷⁴.

Оценки коллекции со стороны современников были самые восторженные. Примечательно, что коллекцию М. П. Боткина современники называли не просто собранием, а Музеем⁷⁵. Как писал его племянник П. И. Щукин, «Михаил Петрович обладает драгоценным собранием старинных художественных вещей. Надо иметь много познаний, терпения и любви, чтобы собрать то, что собрано Михаилом Петровичем»⁷⁶. Ещё в 1880 году англичане после своей художественной экспедиции в Россию вывезли коллекцию снимков для Кенсингтонского музея, в этой коллекции есть наряду с фотографиями других собраний и снимки лекции М. П. Боткина⁷⁷, то есть коллекция обрела уже общеевропейскую известность. После смерти М. П. Боткина во многих ведущих европейских газетах появились заметки с некрологом о нём.

Сначала коллекция размещалась в квартире, которую М. П. Боткин снимал на Офицерской улице, а после покупки в 1883 году дома на 18-й линии, она стала занимать пять комнат первого этажа. Внук М. П. Боткина М. Н. Энден вспоминает: «Коллекция была расположена в нижнем этаже особняка Михаила Петровича в Петербурге. Мы – моя мать с детьми – провели в нём два с половиной года войны, с осени 1914 по апрель

1917 года в жилых комнатах. Этюды Иванова украшали собой стены кабинета и соседней с ним гостиной, называвшейся «Ивановской» [ил. 4]. Главная часть коллекции размещалась в примыкавшей к ней зале, небольшой проходной комнате и соседней с нею обширной столо-

Ил. 4. М. П. Боткин в своём кабинете
На стенах картины А. А. Иванова
Переснимок с фотографии начала XX века
Фотобумага, фотопечать. 11,0 × 8,6
Собрание СПбГМИСР
Дар Н. Н. Немченко,
праправнучки С. П. Боткина

вой, стены которой были увешаны итальянскими майоликами»⁷⁸. Музей можно было посещать по предварительной договорённости, кроме того М. П. Боткин часто предоставлял предметы на различные выставки.

В. В. Стасов писал о «не национальном духе» коллекционирования представителей семьи Боткиных: и В. П. Боткин, и Д. П. Боткин предпочитали иностранные картины. «Превосходные художественные коллекции М. П. Боткина (за исключением картин и этюдов Александра Иванова) все имели характер иностранный, и лишь в последние годы они стали пополняться предметами, имеющими значение национальное»⁷⁹. Постепенно количество русских вещей увеличилось, но пропорционально иностранным не существенно.

В апреле 1917 году вдова М. П. Боткина Екатерина Никитична и его сын Сергей Михайлович отдали на хранение в музей Александра III часть коллекции, а также собрание картин А. А. Иванова, которые предполагалось продать в Русский музей. Согласно договору, поскольку после заключённого мира с Германией коллекция не была востребована владельцами⁸⁰, ящик с русскими предметами остался в Русском музее, а оставшиеся 31 ящик были переданы в Государственный Эрмитаж. Другая часть коллекции продолжала оставаться в особняке Боткиных, так как в Русский Музей и Ссудную кассу были сданы наиболее ценные. В архиве Государственного Эрмитажа есть опись этих вещей, датированная 10 декабря 1918 года, запротоколированная вдовой С. М. Боткина – Надеждой Степановной Боткиной-Враской, так как никого из детей М. П. Боткина в Петрограде в тот момент не было⁸¹. Предметы в описи не пересчитаны, но исчисляются сотнями. И среди них находились шедевры: триптих «Большой алтарный образ» в готической раме XV века, Византийский триптих XIII века, «Мадонна с младенцем» XV века (школа Боттичелли), бюст Богоматери с младенцем на руках из терракоты флорентийской школы XV века.

Владельцы особняка были обязаны сохранять все эти вещи в целостности и сохранности и отвечать за них перед отделом по охране и регистрации памятников истории и старины. С определённой периодичностью сотрудники отдела приходили в особняк и проверяли наличие предметов⁸². Последнее подтверждение о наличии предметов датировано 6 октября 1935 года⁸³, но к этому времени список значительно поредел – Елена Михайловна Боткина продавала вещи и официально в Эрмитаж и в Антиквариат, и не официально антикварам. Эта распродажа, несомненно, спасла её саму и её сестру Елизавету от нищеты.

Издательская деятельность

М. П. Боткин активно участвовал в издательской деятельности, он был сотрудником ряда журналов: «Художественного журнала», «Вестника изящных искусств», членом редакционного совета «Художественные сокровища России». Первым значительным изданием была «Переписка и жизнь А. А. Иванова», увидевшая свет в 1880 году⁸⁴. Причём изначально планировал написать биографию Иванова старший брат Михаила Василий Петрович. Сам М. П. Боткин также долго работал над изданием. В. В. Стасов, принимавший непосредственное участие в редактировании книги, писал о том, что этой книге «суждено занять одно из самых видных мест в нашей литературе и в истории нашего художества... Для Иванова – это истинный памятник, для нас всех – истинное откровение»⁸⁵. В 1882 году был издан Иллюстрированный каталог Всероссийской выставки в Москве 1882 года⁸⁶. В 1898 году выпущено (к открытию музея Александра III), а затем переиздано в 1902 году Обзорение отделения христианских древностей в музее императора Александра III⁸⁷. В 1904 году увидел свет Каталог музея Императорского общества поощрения художеств, составленный и изданный М. П. Боткиным⁸⁸. Наконец, в 1911 году было издан самый значительный труд М. П. Боткина – каталог его собственного собрания⁸⁹. М. П. Боткин долгое время, с 1880-х годов работал над ним, но издание увидело свет только в 1911 году, причём были издано параллельно на трёх языках – русском, французском, немецком. М. П. Боткин не стал наживаться на продаже каталога, практически всем крупным учреждениям и музеям он подарил эту книгу. В архиве Пушкинского дома сохранились десятки благодарностей за присланные книги, и не только от русских читателей. Так, за столь щедрый дар М. П. Боткину был выдан пожизненный бесплатный билет на посещение музея Виктории и Альберта в Лондоне⁹⁰.

М. П. Боткин – общественный деятель

Основной службой для М. П. Боткина можно назвать работу в Академии Художеств. Михаил Петрович с 1863 года был академиком живописи, с 1879 года членом Совета Академии художеств, с 1893 года действительным членом, а с 1912 года почётным членом Академии.

Как сказано в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и А. Ф. Эфрона за 1891 год, «преданный искусству, М[ихаил] П[етрович] посвящает много времени на общественно-художественную деятельность, постоянно участвует в делах Общества поощрения художеств, в различных комиссиях и проч.»⁹¹. Заметим, при этом не получая с этого дохода. Вице-президент академии И. И. Толстой в письме

Н. П. Кондакову вопрошал: *«Скажите, пожалуйста, почему сверхштатные члены Совета, не получающие ни жалования, ни имея прав службы, ходили в Академию и продолжают ходить? Положим, Боткин и Якоби...»*⁹².

В журнале собраний Академии художеств после смерти М. П. Боткина появился такой некролог: *«Михаил Петрович Боткин, назначенный в 1880 году членом Совета Академии, с тех пор непрерывно в течение 33 лет принимал самое деятельное участие в академических делах. Должно по правде сказать, что трудно было быть более добросовестным в исполнении своих обязанностей, чем Михаил Петрович Боткин, и в этом отношении он мог служить образцом. Первый приходил он на заседания, последним уходил из них и никогда не отказывался ни от какого дела, поручаемого ему Академией. Мягкость и приветливость в обращении, соединяющиеся у него с настойчивостью в проведении своих взглядов, составляли отличительную черту этого выдающегося деятеля, создавшего себе в Академии особо значительное по влиянию положение»*⁹³.

О том, что М. П. Боткин не гонялся за наживой, говорит и тот факт, что после опубликования в 1911 году книги о своём собрании, он рассылал её безвозмездно в разные учреждения страны. Например, в письме Н. В. Глобы, директора Строгановского училища, есть такие строки: *«Глубоко уверен, что Ваше Превосходительство, которому столь близки интересы художественного образования молодёжи, не откажете в распоряжении о безвозмездной высылке своего ценного собрания в библиотеку вверенного мне Императорского Строгановского Училища»*. А через месяц в другом письме мы находим уже благодарность за полученную книгу⁹⁴.

А. А. Половцов, попечитель Центрального училища технического рисования имени А. Л. Штиглица, с которым Боткин сотрудничал на протяжении долгих лет, так писал о нём: *«Он принял участие во всякого рода общественных и благотворительных учреждениях; участие это не запятнано никакими побуждениями личными, тщеславия, самолюбия и т. п.»*⁹⁵.

М. П. Боткин принял активное участие в реформе ИАХ 1893 года, в разработке нового устава. Ещё в 1890 году великий князь Владимир Александрович отправил опросник 76 лицам, связанным с художествами, 55 ответов поступило, в том числе и от М. П. Боткина⁹⁶. Боткин был одним из немногих членов старой Академии художеств, которых новый вице-президент И. И. Толстой пригласил в новую Академию. Как пишет И. И. Толстой Н. П. Кондакову, *«вчера зашёл к М. П. Боткину и только успел намекнуть, что рассчитываю на него, как [он] чуть не заскакал от радости. И сейчас же пошёл говорить*

умненько-умненько о школах, о надзоре за архитектурной деятельностью в России, о ревизиях школ, о вреде немцев в Академии вообще и Архитектурном отделе в частности. И ведь знаю, что, несмотря на всё его окаянство, он работать будет и исполнит, может быть, больше Репина в подобных делах»⁹⁷.

Наверное, самым значимым результатом деятельности М. П. Боткина в Академии художеств была работа распорядителем художественного отдела Московской художественно-промышленной выставки в 1882 году. На выставке были представлены работы русских художников за истекшие 25 лет. В. М. Васнецов сообщал П. П. Чистякову в апреле 1882 года: «Работа на выставке кипит, и М. П. Боткин работает до изнеможения, и действительно: распределить такую массу картин – дело нешуточное: и соображения и труда нужно немало»⁹⁸. М. П. Боткину это удалось, так же, как удалось благодаря связям с передвижниками уговорить их участвовать в выставке, правда, на особом положении (передвижники сами выбирали картины и монтировали их): до этого с конференц-секретарём Академии художеств П. Ф. Исеевым они отказались сотрудничать. Результатом выставки стал иллюстрированный каталог, выдержавший два издания.

Кроме того, Михаил Петрович работал в многочисленных комиссиях: представитель для участия в занятиях 3-го съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию, член комиссии для рассмотрения ученических работ, присланных в Академию на XXII конкурс из женских учебных заведений, член комиссии по оформлению Троицкого моста, член комиссии по сооружению при Николаевском кавалерийском училище памятника М. Ю. Лермонтову и множестве других. Боткин был не только членом этих комиссий, он посещал все заседания. После ухода И. И. Толстого из Академии Художеств в 1905 году М. П. Боткин рассчитывал на его место вице-президента (по мнению В. А. Беклемишева)⁹⁹, но так и не занял этот пост, он оставался вакантным, хотя во время заседаний Совета Академии Боткина практически всегда избирали председателем¹⁰⁰.

Будучи неизменным членом Совета Академии на протяжении 35 лет, М. П. Боткин виделся многим своим коллегам как человек, к которому можно было обратиться с разными просьбами: по поводу продаж картин, поскольку Боткины были связаны со всеми значительными купеческими семьями, которые коллекционировали предметы изобразительного искусства, о дарах в Академию Художеств и музей Александра III, даже о повеске картин на выставках в Академии Художеств и Императорском обществе поощрения художеств. Из письма Н. Д. Лосева: «*смею обратиться к Вам, как к единственному из*

профессоров Академии, который мне покровительствует, ответить на один вопрос... останусь ли я пенсионером 4-й год или нет, чтобы согласно этому распределить своё время и работы; иначе я не могу начинать новые картины»¹⁰¹. Ф. Г. Беренштам, ратующий за присвоение В. А. Шуко звания академика, просит Боткина замолвить за архитектора слово: «Вами сказанное доброе слово среди наших коллег-художников – всё. Не откажите же сказать это доброе слово»¹⁰². Николай Егорович Сверчков, посылая на одну из выставок картины, оговаривает, обращаясь к Михаилу Петровичу: «Очень прошу приказать выставить их не подле окна, а на противоположной стороне и по свету»¹⁰³.

Ещё одним свидетельством того, что Академия художеств виделась М. П. Боткину основной службой, и даже, можно сказать, жизнью, было то, что именно в церкви Св. Екатерины при Академии Художеств были крещены его дети, там же они венчались со своими супругами, и в этой же церкви его самого отпевали.

Вторым учреждением, в составе которого М. П. Боткин долгое время состоял, было Императорское общество поощрения художеств (далее ИОПХ). Семья Боткиных была связана с ИОПХ давно, ещё В. П. Боткин завещал 5 000 рублей серебром «с тем, чтобы на проценты с этой суммы Общество давало каждые два или три года премии за лучшую картину из русского жанра или пейзаж»¹⁰⁴. При обществе был художественно-промышленный музей, организованный в 1870 году по инициативе секретаря ИОПХ Д. В. Григоровича; в 1899–1914 годах М. П. Боткин был его директором. За время его работы был издан совместно с Н. К. Рерихом каталог музея. М. П. Боткин был также членом комитета ИОПХ и экспертной комиссии Ежегодного Всероссийского Конкурса ИОПХ.

Кроме того, М. П. Боткин занимал ряд должностей в археологических обществах. Ранее всего М. П. Боткин стал членом Германского Археологического Института в Риме в 1869 году¹⁰⁵. В 1881 году он стал действительным членом Императорского Русского археологического Общества¹⁰⁶, с 1888 года сверхштатным членом Императорской археологической комиссии, потом вошёл в её штат.

Боткин был связан с Центральным училищем технического рисования барона А. Л. Штиглица. В 1896 году его избрали в члены Совета училища, короткое время он даже исполнял обязанности директора, был членом его финансового комитета¹⁰⁷. В связи с чем в 1904 году стал членом комитета по устройству «Исторической выставки предметов искусства», проходившей в 1904 году в залах музея училища барона А. Л. Штиглица. Был также членом комиссии по приобретениям для Музея и Библиотеки музея барона А. Л. Штиглица

(как член Совета)¹⁰⁸. Кроме присутствия на заседаниях, М. П. Боткин еженедельно бывал по средам у Александра Александровича Половцова, товарища попечителя училища. А. А. Половцов вспоминает «обычный еженедельный завтрак с [Алексеем Александровичем] Бобринским, [Михаилом Петровичем] Боткиным, [Григорием Ивановичем] Котовым (директор училища) – главными деятелями нашего рисовального училища»¹⁰⁹. Известно, что М. П. Боткин жертвовал в музей предметы.

Михаил Петрович Боткин стоял у истоков Русского музея, тогда называвшегося музеем Александра III. Ещё в 1890 году он писал брату Петру: «я теперь окончательно запряжён в устройство музея и, верно так Богу угодно, исполнить волю покойного Государя»¹¹⁰. В одном из писем к М. П. Боткину В. В. Стасов передаёт свой разговор с П. М. Третьяковым: «и при этом случае я рассказал ему, как Вы хлопочете с Александровским музеем... Он мне отвечает: “Что поручено устройство Музея М. П. Боткину, то лучшего выбора и быть не могло, лучше его никто это дело сделать не может”. И это суцья правда! Радуюсь»¹¹¹. Чтобы понять степень участия Боткина, можно посмотреть, как об этой его работе отзывались современники. И. К. Айвазовский писал Боткину 23 августа 1897 года о распределении своих картин: «Другую в **Ваши** музей предоставляю выбрать Вам»¹¹², называя Русский музей «музеем Боткина». Однако со временем Михаила Петровича постепенно оттесняют от руководства. В письме С. М. Боткина матери: «Папа сегодня грустен, так как вчера в Музее Александра III (на постройке) был государь, которого встречали вел<икий> кн<язь> Георгий, Дм<итрий> И. Толстой и [В. Ф.] Свиньин, а папе они ничего не сказали, отчего он чувствовал себя обиженным и поговаривает о новой отставке. Я советовал папе это исполнить, но он колеблется, очевидно, жалеет бросить своё председательство»¹¹³.

В честь открытия музея в журнале «Всемирная иллюстрация» появилась статья, в которой были такие строки: «Не мало труда вложено в выполнение этой идеи... вице-председателем строительной комиссии М. П. Боткиным и хранителями музея А. Н. Бенуа и П. А. Брюлловым, в течение года с лишним изо дня в день лично руководившими всеми работами по внутреннему устройству музея и с большой любовью разбиравшими и систематизировавшими эту массу художественного материала за два последних столетия. Музей христианских древностей нашёл прекрасных толкователей в лице таких знатоков древнерусского искусства, какими являются М. П. Боткин и Н. П. Лихачев. Им удалось разобраться в этой массе древних икон и распределить их в строгой последовательности, что и составляло громадный труд уже потому, что показания наших летописцев о ста-

ринных русских мастерах разноречивы и сбивчивы»¹¹⁴. В 1898 году выпущено (к открытию Русского музея), а затем переиздано в 1902 году Обозрение отделения христианских древностей в музее императора Александра III¹¹⁵.

Кроме участия в деятельности практически всех значимых в Санкт-Петербурге художественных учреждений М. П. Боткин состоял гласным Санкт-Петербургской Городской думы в 1885–1905 годах¹¹⁶, то есть на протяжении 20 лет. Он пошёл по стопам своих старших братьев – Пётр Петрович и Сергей Петрович были гласными Московской и Петербургской Городских дум соответственно.

Будучи членом Городской думы, Михаил Петрович состоял членом двух комиссий: больничной и по народному образованию. Входя в больничную комиссию сначала простым членом, потом заместителем (1886–1894) и председателем, кроме выполнения обычных обязанностей участия в заседаниях, был депутатом от города при общине сестёр милосердия Св. Георгия (1894–1903), депутатом от города в дамском (втором и пятом) лазаретном комитете (1894–1903), попечителем богаделен (1897)¹¹⁷, попечителем психиатрической больницы Св. Николая Чудотворца (1886–1894), председателем особой комиссии для изыскания мер к лучшему призрению душевнобольных (1895).

В комиссии по народному образованию (1890–1897): член комиссии по заведованию городскими начальными училищами и училищными мастерскими (1886), член совета ремесленного училища Цесаревича Николая (1886–1901), член субкомиссии по постройке городского дома С. П. Боткина для целей начального народного образования и дома М. Г. Петрова в 1891 году¹¹⁸, а затем попечитель 16-го мужского и 12-го женского васильевских училищ (в доме в память С. П. Боткина)¹¹⁹, член субкомиссии по учреждению ремесленного училища в память бракосочетания их Императорских величеств¹²⁰, депутат от города в попечительский комитет при Женском медицинском институте¹²¹.

От Городской управы вне зависимости от комиссий был назначен членом комиссии в василеостровском отделе по приёму пожертвований для пострадавших в результате наводнения в 1897 году (при комиссии по благотворительности)¹²², в 1899 году – членом временного комитета по вопросам «Пушкинских торжеств»¹²³, а в 1898–1902 годах – членом комиссии о чествовании 200-летия основания Петербурга¹²⁴.

М. П. Боткин был также почётным мировым судьей Санкт-Петербургского Столичного Мирового суда (1899–1908).

Столь широкая общественная деятельность не могла не быть оценена как обществом, так и властями. И в письмах к самому М. П. Боткину, и в тех, в которых он упоминается, встречаются многочисленные благодарности за разные услуги. Н. Д. Лосев благодарит М. П. Боткина: «Я уведомлён, что при продаже картины Вы играли главную роль и что картина куплена благодаря исключительно Вашей инициативе»¹²⁵, а великий князь Владимир Александрович, откликаясь на дар в Академию художеств, выражает «душевную признательность за всё то, что вы делали до сих для русских художников. Ваша всегдашняя готовность помочь бедным труженикам приобретает в Моих глазах особенную цену»¹²⁶.

Михаил Петрович стал кавалером многочисленных российских орденов, а также орденов Франции, Пруссии, Дании. Его наградили орденами Св. Станислава всех трёх степеней, Св. Анны так же трёх степеней, Св. Владимира 4-й, 3-й и 2-й степеней. Так, Св. Станислава 1-й степени М. П. Боткин получил за труды в звании члена комиссии по переустройству Михайловского дворца для Русского музея¹²⁷. Орден Св. Анны 1-й степени за отлично-усердные труды по реставрации Софийского собора в Новгороде¹²⁸.

Кроме российских орденов у М. П. Боткина было три иностранных: в 1878 году он получил орден Прусской короны 3-й степени за услуги, оказанные Германскому археологическому институту в Риме, членом которого он являлся с 1869 года, а в 1888 году Командорский крест 2-го класса ордена Данеброга за организацию русского отдела на выставке в Копенгагене, в 1901 году – орден Почётного легиона (степени командора) за участие в выставке в Париже.

После смерти Михаила Петровича Боткина в Санкт-Петербургской Городской думе его память было решено увековечить в тех учреждениях, в которых он служил. В частности, во-первых, учредить три стипендии имени М. П. Боткина: одну в 300 рублей в Академии Художеств и две по 100 рублей каждая в Рисовальной Школе Императорского общества поощрения художеств. Во-вторых, поместить фотографические портреты М. П. Боткина в Городском училищном доме имени С. П. Боткина, в помещении Больничной Комиссии и в больнице Св. Николая Чудотворца¹²⁹.

Как и все представители семьи Боткиных, Михаил Петрович занимался благотворительностью. Он был членом Общества для доставления средств гимназии и реальному училищу К. И. Мая¹³⁰, действительным членом Общества доставления средств Высшим женским курсам¹³¹, членом Общества вспомоществования студентам императорского университета в 1881–1903 годах¹³², учредителем общества попечения о детях тружеников судоходства и воздухоплавания, чле-

ном Крестового благотворительного общества¹³³, председателем совета Благотворительного общества при городской барачной в память С. П. Боткина больнице¹³⁴ и членом других обществ.

М. П. Боткин – предприниматель

Наравне с художественной и общественной М. П. Боткин активно занимался и коммерческой деятельностью. Однако в этой сфере он стал заметен только с 1890-х годов. Так, в семейной чаеоторговой фирме «Петра Боткина сыновья» Михаилу сначала не нашлось места: после смерти отца четыре старших брата – Василий, Николай, Дмитрий и Пётр, занимались торговыми делами, изредка привлекали Владимира. Ещё в 1869 году в одном из писем М. П. Боткина к двоюродному брату сказано: *«о моём и Серёжином [С. П. Боткин] желании поступить в фирму Петенька [П. П. Боткин] мне на это ничего не ответил. Так я счёл за лучшее ничего больше не говорить. Вероятно, нам придётся со временем весь наш капитал устраивать самим. Будем покупать фонды и акции и постараемся иметь порядочный процент»*¹³⁵. Желание Михаила вступить в фирму осуществилось лишь с её реорганизацией в 1893 году: тогда он стал одним из пайщиков, был избран в члены ревизионной комиссии¹³⁶ и оставался в ней до 1912 года – в отчёте за 1912/1913 год его имени нет¹³⁷, он уже сильно болел. Примечательно, что Михаил Петрович Боткин не был доверенным лицом фирмы в Санкт-Петербурге. Однако, не занимаясь непосредственной продажей, М. П. Боткин, помогал реализовывать чай в столице. В частности, будучи заместителем председателя, а затем председателем больничной комиссии в Санкт-Петербургской Городской Думе, он способствовал поставкам боткинского чая в больницы¹³⁸. Как сказано в отчёте Городской управы за 1888 год: *«На поставку в городские больницы и богадельни чая в комитет поступило несколько предложений от оптовых складов чая. Из этих предложений комитет остановился на предложении фирмы Петра Боткина сыновей в Москве»*¹³⁹. Кроме больниц чай продавался через санитарную комиссию для раздачи у бесплатных кипятильников¹⁴⁰.

Во втором семейном предприятии «Товариществе Новотаволжанского свеклосахарного завода Боткиных» М. П. Боткин также принимал участие. Завод был куплен в 1882 году и реорганизован. За качество сахарного песка и организацию дела на предприятиях фирма Боткиных была отмечена бронзовыми медалями на всемирных выставках в Антверпене (1885), Париже (1889), Чикаго (1893). Золотые медали были получены на российских выставках в Харькове и Нижнем Новгороде. В 1892–1914 годах М. П. Боткин наряду с братом Петром Петровичем (а после его смерти в 1907 году с его зятем

Н. И. Гучковым) и племянником Петром Дмитриевичем был одним из директоров товарищества (с перерывом на 1901–1902 годы)¹⁴¹.

Кроме должностей в семейных предприятиях М. П. Боткин также занимал высокие посты в Русском обществе пароходства и торговли (далее РОПиТ) (сначала член правления с 1892 года¹⁴², а затем в 1903–1913 годах председатель¹⁴³). Центр РОПиТа был в Одессе, где у фирмы Боткиных были свои интересы – там находился перевалочный пункт привозимого морским путём чая. Важной статьёй доходов РОПиТ была перевозка паломников из России в Палестину к святым местам. Это сочеталось в карьере М. П. Боткина с другой его деятельностью – он был членом Палестинского Православного общества.

Вторым пароходным обществом в службе М. П. Боткина было пароходное общество «Кавказ и Меркурий», в котором он был членом правления (1900–1903)¹⁴⁴, а затем председателем правления (1903–1914)¹⁴⁵. Здесь, как и в предыдущем случае, произошло совмещение должностей. В начале XX века Санкт-Петербургский Международный Коммерческий банк купил контрольный пакет акций акционерного пароходного товарно-пассажирского предприятия «Кавказ и Меркурий». Должность получил представитель банка-владельца, которым и являлся М. П. Боткин. В 1903–1914 годах он был членом Совета Санкт-Петербургского Международного Коммерческого банка¹⁴⁶, а в 1910 году даже председателем в Совете¹⁴⁷.

Ещё одним источником дохода для М. П. Боткина было Первое Российское страховое общество, в котором он был директором в 1903, 1905, 1908 годах¹⁴⁸, а до 1913 года председателем правления¹⁴⁹.

Последней областью предпринимательской деятельности Боткина, о которой хотелось бы упомянуть, была работа в правлении Рязанско-Уральской железной дороги; в 1906 году Михаил Петрович был кандидатом в директора¹⁵⁰, а позже (в 1910–1911 годах) – членом правления¹⁵¹.

Итак, М. П. Боткин занимал огромное количество постов в разных организациях. Недаром П. П. Гнедич вспоминал: «*М. П. Боткин весь век торопился из заседанья в заседанье*»¹⁵². Как только он всё успевал?!

В 1913 году, в возрасте 74 лет М. П. Боткин тяжело заболел, и так и не оправившись, в январе 1914 года умер. Панихида проходила в церкви Святой Екатерины при Императорской Академии художеств. Боткин захоронен на семейном участке, на Новодевичьем кладбище рядом с братом С. П. Боткиным, дочерью-младенцем, младенцами племянниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 470. Л. 3.

² *Семевский М. И.* Знакомые. Воспоминания. Стихотворения. Эпиграммы. Шутки. Подписи: Альбом М. И. Семевского, изд.-ред. ист. журн. «Русская старина»: Книга автобиографических собственноручных заметок 850 лиц: 1867–1888. – СПб.: тип. В. С. Балашева, 1888. – С. 317.

³ ОР РНБ. Ф. 708. Д. 246. Л. 1.

⁴ Галахов А. Д. Сороковые годы // Исторический вестник, 1892. – Т. 47. – № 1. – С. 132–133.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ *Боткин В. П.* Выставка в императорской Академии художеств. Октябрь 1855 года // Современник. – 1855. – Ноябрь. – № 11. – С. 73–82; *Боткин В. П.* Выставка картин в Московском архитектурном училище // Отечественные записки. – 1840. – Т. 13. – С. 23; *Боткин В. П.* О выставке в Московском архитектурном училище // Московский наблюдатель. – 1838. – Т. 17. – С. 413.

⁷ *Катков М. Н.* Собрание передовых статей Московских ведомостей за 1869 год. – М.: Издание С. П. Катковой, 1897. – С. 677.

⁸ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 9. Л. 3–3 об.

⁹ *Шужин П. И.* Воспоминания. Из истории меценатства России / Сост. Н. В. Горбушина С предисл. и под ред. С. О. Шмидта. – М.: Государственный исторический музей, 1997. – С. 42.

¹⁰ Русская живопись XVIII – начала XX века (до 1917 года). Каталог. – Омск, 2012. – С. 31. *Степанова С. С.* Московское училище живописи и ваяния: Годы становления. – СПб.: Искусство-СПБ, 2005. – С. 259.

¹¹ ОР ГРМ. Ф. 24. Оп. 1. № 50.

¹² РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 102 Б. Л. 85 об.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 708. Д. 246. Л. 1.

¹⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 102 Б. Л. 2.

¹⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 68. Л. 26 об.

¹⁷ Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. – СПб.: Издание М. Боткина, 1880. – С. 302.

¹⁸ Там же. С. 293.

¹⁹ Там же. С. 294.

²⁰ *Егоров Б. Ф.* В. П. Боткин – литератор и критик // Ученые записки Тартусского государственного университета. – 1965. – Вып. 167. – С. 116.

²¹ Там же.

²² Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка... – С. 307.

²³ *Егоров Б. Ф.* Боткины. – СПб.: Наука, 2004. – С. 194. Квартира на первом этаже, окнами во двор.

²⁴ Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка... – С. 328.

²⁵ Цит. по: *Егоров Б. Ф.* Боткины. – СПб.: Наука, 2004. – С. 194.

²⁶ Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка... – С. 416.

²⁷ Там же. С. 340.

²⁸ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 68. Л. 62 об.

- ²⁹ Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы, 1847–1861. – Academia, 1930. – С. 449.
- ³⁰ А. А. Фет и его литературное окружение / Литературное наследство. – Т. 103. – Кн. 1. – ИМЛИ РАН, 2008. – С. 282.
- ³¹ Шукин П. И. Указ. соч. – С. 159.
- ³² РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 45.
- ³³ Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1856–1860 / Письма подготовила к печати и примечания к ним составила Н. Г. Галкина и М. Н. Григорьева; Государственная Третьяковская галерея. – М.: Искусство, 1960. – С. 272.
- ³⁴ Там же. С. 156.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. С. 162.
- ³⁷ Письма художников П. М. Третьякову. 1870–1879. – М.: Искусство, 1968. – С. 134.
- ³⁸ Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1856–1860 / Письма подготовила к печати и примечания к ним составила Н. Г. Галкиной и М. Н. Григорьевой; Государственная Третьяковская галерея. – М.: Искусство, 1960. – С. 187.
- ³⁹ Там же. С. 203.
- ⁴⁰ А. А. Фет и его литературное окружение... Кн. 1. – С. 242.
- ⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3166. Л. 9 об, 28 об; Письма художников П. М. Третьякову. 1870–1879. – М.: Искусство, 1968. – С. 40, 217, 317 и далее; Вячеслав Григорьевич Шварц. Переписка, 1838–1869: к 175-летию со дня рождения / Составлено, комментарии С. А. Таранушенко. – Курск: Издательство ПОЛ-СТАР Курск, 2013. – С. 166.
- ⁴² Отчёт Императорской Академии художеств с 4 ноября 1877 года по 4 ноября 1878 года. – СПб., 1879. – С. 14.
- ⁴³ Чистяков П. П. Письма, записные книжки, воспоминания. 1832–1919 / Составлено Э. Белютиным, Н. Молевой. – М.: Искусство, 1953. – С. 58.
- ⁴⁴ Бакалдина Е. В. Приобретение М. П. Боткиным особняка на Васильевском острове, 18-ой линии, д. 1 // Петербургский Рериховский сборник. – 2016. – Вып. 9. – С. 32–42.
- ⁴⁵ Отчёт Императорской Академии Художеств, с 2 сентября 1862 по 1 сентября 1863 год. – СПб., 1864. – С. 5; РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 102 Б. Л. 85 об – 86.
- ⁴⁶ ГА РФ. Ф. А2307. Оп. 8. Д. 61. Л. 68.
- ⁴⁷ А. А. Фет и его литературное окружение... Кн. 1. – С. 351.
- ⁴⁸ Письма художников П. М. Третьякову. 1870–1879. – М.: Искусство, 1968. – С. 10.
- ⁴⁹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 140, 143, 146, 147.
- ⁵⁰ Энциклопедический словарь / под редакцией профессора И. Е. Андреевского. – СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1891. – Т. 4а: Бос – Бунчук. – С. 499–500.
- ⁵¹ Гнедич П. П. История искусств: (Зодчество, живопись, ваяние). – 3-е изд. – СПб.: А. Ф. Маркс, 1897. – Т. 3. – С. 641.
- ⁵² Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1856–1860 / Письма подготовили к печати и примечания к ним составили Н. Г. Галкина и

М. Н. Григорьева; Государственная Третьяковская галерея. – М.: Искусство, 1960. – С. 156.

⁵³ Боткина А. П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. – М.: Арт-Волхонка, 2012. – С. 147.

⁵⁴ Письма художников П. М. Третьякову. 1870–1879. – М.: Искусство, 1968. – С. 412.

⁵⁵ Стасов В. В. По поводу выставки в Академии Художеств (1867 год) // Собрание сочинений В. В. Стасова. 1847–1886. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1894. – Т. 1. – С. 229. (Санкт-Петербургские ведомости. – № 322. – 1867).

⁵⁶ Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова. – М., 1951. – Т. 1. – С. 135.

⁵⁷ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 54. Л. 1–20.

⁵⁸ Степанова С. С. Русская живопись эпохи Карла Брюллова и Александра Иванова. Личность и художественный процесс. – СПб.: Искусство-СПб, 2011. – С. 271.

⁵⁹ Письмо А. П. Соколова И. И. Толстому от 4 июня 1896 года // Во главе Императорской Академии художеств... Граф И. И. Толстой и его корреспонденты. 1889–1898. – М.: Индрик, 2009. – С. 475.

⁶⁰ Участие России на Всемирной Парижской выставке 1900 года: отчёт генерального комиссара Русского отдела / Министерство финансов. – СПб., 1901. – С. 105–106.

⁶¹ Иллюстрированный обзор художественных выставок. Академической и Передвижной 1885 года / Составил Ф. И. Булгаков. – СПб., М.: товарищество М. О. Вольф, 1885. – С. 32, 23.

⁶² РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 8. Л. 19.

⁶³ Там же. № 140, 143, 146, 147.

⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 263. Л. 28–37.

⁶⁵ Неделя строителя: еженедельное прибавление к журналу «Зодчий», издаваемому Санкт-Петербургским обществом архитекторов. – 1897. – 2 ноября. – № 44. – С. 244.

⁶⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 102 Б. Л. 86 об–87.

⁶⁷ Ушаков Ф. А. Спасо-Мирожский монастырь в Пскове. – Псков: тип. товарищества Труд и знание, 1902. – С. 10.

⁶⁸ Отчёт Императорской Академии художеств с 4 ноября 1881 по 4 ноября 1882 года. – СПб., 1883. – С. 39.

⁶⁹ ОР РНБ. Ф. 708. Д. 246. Л. 5 об. В приюте был храм Николая Чудотворца, но согласно воспоминаниям Е. К. Дмитриевой главную икону писал Н. А. Рачков. (См.: Дмитриева Е. К. О Рукавишниковском приюте. Из воспоминаний Е. К. Дмитриевой (1872—1958), старшей дочери К. В. Рукавишникова. – М., 2013. – С. 16).

⁷⁰ ОР РНБ. Ф. 708. Д. 246. Л. 5 об.

⁷¹ Там же.

⁷² Отчёт Императорской Академии художеств с 4 ноября 1882 по 4 ноября 1883. – СПб., 1885. – С. 59.

⁷³ Боткин М. П. Собрание М. П. Боткина. – СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. – С. 2.

⁷⁴ Письма художников П. М. Третьякову. 1870–1879. – М.: Искусство, 1968. – С. 138.

- ⁷⁵ Бенуа А. Н. Западноевропейские древности в собрании М. П. Боткина // Художественные сокровища России. – 1902. – № 2. – С. 47–57.
- ⁷⁶ Щукин П. И. Указ. соч. – С. 159.
- ⁷⁷ Стасов В. В. Новые иностранные книги о русском искусстве // Стасов В. В. Собрание сочинений В. В. Стасова. 1847–1886. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1894. – Т. 2. – С. 827.
- ⁷⁸ Рюмин А. А. На острове воспоминаний // Наше наследие. – 1991. – № 5. – С. 150.
- ⁷⁹ Стасов В. В. Павел Михайлович Третьяков и его картинная галерея // Русская старина. – 1893. – № 12. – С. 591.
- ⁸⁰ Условия договора предполагали, что «если собрание не будет взято обратно владельцею или её наследниками из Музея в течение года после заключения мира с Германиею, собрание или не востребованная его часть переходит в собственность Музея». См. кн.: «Не корысти ради...»: Коллекции и коллекционеры Русского музея. – Вып. 2. – Альманах. – Вып. 316. – 2011. – С. 7.
- ⁸¹ АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1490. Л. 2–4 об.
- ⁸² 1919 год. – АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1490. Л. 11–12 об, 1920 год – АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1490. Л. 14, 1921 год – АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1490. Л. 18.
- ⁸³ АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1491. Л. 24.
- ⁸⁴ Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка...
- ⁸⁵ Стасов В. В. Собрание сочинений В. В. Стасова. 1847–1886. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1894. – Т. 2. – С. 58–59.
- ⁸⁶ Иллюстрированный Каталог Всероссийской Выставки в Москве 1882 года / Составил Н. П. Собко. Издал М. П. Боткин. Второе исправленное и дополненное издание на русском и французском языке. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1882.
- ⁸⁷ Обзорение отделения христианских древностей в музее императора Александра III. Краткое описание зал XVIII–XXI. С приложением одной фототипической таблицы / Составлено М. П. Боткиным и Н. П. Лихачёвым. – СПб., 1898; Обзорение христианских древностей в музее Александра III. Краткое обзорение икон, составлено Н. П. Лихачёвым. Обзорение вещественных памятников, составлено М. П. Боткиным. – СПб., 1902.
- ⁸⁸ Каталог Музея Императорского Общества поощрения художеств. – СПб., 1904.
- ⁸⁹ Боткин М. П. Собрание М. П. Боткина. – СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911.
- ⁹⁰ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. № 88.
- ⁹¹ Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. – СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1891. – Т. 4а: Бос – Бунчук. – С. 499.
- ⁹² Во главе Императорской Академии художеств... Граф И. И. Толстой и его корреспонденты. 1889–1898. – М.: Индрик, – 2009. – С. 633.
- ⁹³ Журналы Императорской Академии художеств в 1914 году. – СПб., 1915. – С. 1–2.
- ⁹⁴ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 89. Л. 1–1 об, 3.
- ⁹⁵ Половцов А. А. Дневник 1893–1909. – СПб., 2014. – С. 272.
- ⁹⁶ Во главе Императорской Академии художеств... Граф И. И. Толстой и его корреспонденты. 1889–1898. – М.: Индрик, 2009. – С. 123.

- ⁹⁷ Письмо И. И. Толстого Н. П. Кондакову от 27 октября 1893 года // Во главе Императорской Академии художеств... Граф И. И. Толстой и его корреспонденты. 1889–1898. – М.: Индрик, 2009. – С. 653.
- ⁹⁸ *Чистяков П. П.* Письма, записные книжки, воспоминания. 1832–1919 / Составлено Э. Белютин, Н. Молева. – М.: Искусство, 1953. – С. 119.
- ⁹⁹ *Толстой И. И.* Дневник. 1906–1916 / Публикация Л. И. Толстой. – СПб., 1997. – С. 160.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 14, 160.
- ¹⁰¹ РО ИРЛИ РАН. Ф.365. Оп.1. № 35. Л.1 об, 2 об.
- ¹⁰² Там же. № 80. Л.1 об.
- ¹⁰³ Там же. № 51. Л. 1.
- ¹⁰⁴ РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 45. Л. 4 об.
- ¹⁰⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 102 Б. Л. 85 об – 86.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 86 об – 87.
- ¹⁰⁷ РГИА. Ф. 790. Оп. 1. Д. 370–374.
- ¹⁰⁸ *Прохоренко Г. Е.* Музей Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица. История создания и формирования коллекции: автореферат диссертации на соискание степени кандидата искусствоведения. – СПб., 2000. – С. 17.
- ¹⁰⁹ *Половцов А. А.* Дневник 1893–1909. – СПб., 2014. – С. 278.
- ¹¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 173. Л. 137 об–138.
- ¹¹¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 54. Л. 18–19.
- ¹¹² Там же. № 1. Л. 3 об.
- ¹¹³ ОР РНБ. Ф. 99. № 52. Л. 3–3 об.
- ¹¹⁴ Всемирная иллюстрация: еженедельный иллюстрированный журнал. – 1898. – 21 марта. – № 1521. – С. 297.
- ¹¹⁵ Обзорение отделения христианских древностей в музее императора Александра III. Краткое описание зал XVIII–XXI. С приложением одной фототипической таблицы / Составлено М. П. Боткиным и Н. П. Лихачёвым. – СПб., 1898; Обзорение христианских древностей в музее Александра III. Краткое обозрение икон, составлено Н. П. Лихачёвым. Обзорение вещественных памятников, составлено М. П. Боткиным. – СПб., – 1902.
- ¹¹⁶ Выбытие с 1 января 1907 года – Отчёт С.-Петербургской городской управы за 1904 год. – СПб., 1905. – Ч. 2. – С. 45.
- ¹¹⁷ Отчёт С.-Петербургской городской управы в 1897 году. – СПб., 1898. – Ч. 2. – С. 840.
- ¹¹⁸ Отчёт С.-Петербургской городской управы в 1891 году. – СПб., 1892. – Ч. 1. – С. 436.
- ¹¹⁹ Отчёт С.-Петербургской городской управы в 1898 году. – СПб., 1899. – Ч. 2. – С. 8.
- ¹²⁰ Отчёт С.-Петербургской городской управы в 1895 году. – СПб., 1896. – Ч. 2. – С. 14.
- ¹²¹ Отчёт С.-Петербургской городской управы в 1896 году. – СПб., 1897. – Ч. 1. – С. vi.
- ¹²² Отчёт С.-Петербургской городской управы в 1897 году. – СПб., 1898. – Ч. 2. – С. 505.

- ¹²³ Отчёт С.-Петербургской городской управы в 1899 году. – СПб., 1900. – Ч. 1. – С. xix.
- ¹²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 12. Д. 89.
- ¹²⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 35. Л. 1.
- ¹²⁶ Там же. № 113. Л. 1.
- ¹²⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 102 Б. Л. 88 об.
- ¹²⁸ Неделя строителя: еженедельное прибавление к журналу «Зодчий», издаваемому Санкт-Петербургским Обществом архитекторов. – 1900. – Воскресенье 10 декабря. – № 50. – С. 349.
- ¹²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 117. Д. 111.
- ¹³⁰ ОР РНБ. Ф. 99. № 66. Л. 29 об; Отчёт правления Общества для доставления средств Гимназии и реальному училищу К. Мая за 2-й год 1903–1904. – СПб., 1904. – С. 1; Отчёт правления Общества для доставления средств Гимназии и реальному училищу К. Мая за 4-й год 1905–1906. – СПб., 1907. – С. 204.
- ¹³¹ ЦГИА. Ф. 113. Оп. 1. Д. 26. С. 122
- ¹³² Общество вспомоществования студентам императорского С.-Петербургского университета. 1882–1904. Отчёты за 1881–1903 годы.
- ¹³³ Благотворительность в Санкт-Петербурге 1703–1918. Историческая энциклопедия/ Научная редакция и составление: А. П. Керзум, О. Л. Лейкинд, Д. Я. Северюхин. – СПб.: Лики России. – 2016. – С. 413, 287.
- ¹³⁴ Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1909–1914 годы. СПб., 1909–1914.
- ¹³⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 77. Л.1 об.
- ¹³⁶ Протокол общего собрания владельцев паев Товарищества чайной торговли Петра Боткина сыновья, состоявшегося 26-го июня 1893 года. – М., 1893. – С. 1.
- ¹³⁷ Отчёт и баланс Товарищества чайной торговли «Петра Боткина сыновья» с 1-го октября 1912 года по 1-е октября 1913 года. 20-й операционный год. – М., 1914. – С. 7.
- ¹³⁸ Петербургские листок. – 1901. – 9 сентября. – № 247.
- ¹³⁹ Отчёт С.-Петербургской городской управы в 1888 году. – СПб., 1889. – С. 398–399.
- ¹⁴⁰ Отчёт С.-Петербургской городской управы за 1908 год. – СПб., 1909. – Ч. 7. Санитарная комиссия. Приложение к отчёту. – С. 247.
- ¹⁴¹ Справочная книга о лицах, получивших... купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве на 1892 год. – М., 1892. – С. 43; Справочная книга о лицах, получивших... купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве на 1894 год. – М., 1894. – С. 38; Справочная книга о лицах, получивших... купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве на 1895 год. – М., 1895. – С. 37; Справочная книга о лицах, получивших... купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве на 1897 год. – М., 1897. – С. 41; Указатель действующих в Империи акционерных предприятий. – СПб., 1903. – С. 462; Справочная книга о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве на 1904 год. – М., 1904. – С. 403; Справочная книга о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве на 1909 год. – М., 1909. – С. 406. Справочная книга о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве на 1914 год. – М.: тип. А. Н. Иванова, 1914. – С. 465.

¹⁴² Адресная книга города С.-Петербурга на 1892 год. – СПб., 1892. – К. 487; Адресная книга города С.-Петербурга на 1895 год. – СПб., 1895; Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1904 год. – СПб., 1904. – С. 1244. Справочная книга о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве на 1911 год. – М.: тип. А. Н. Иванова, 1911. – С. 415.

¹⁴³ Указатель действующих в Империи акционерных предприятий. – СПб., 1903. – С. 714. Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1911 год. – СПб., 1911. – С. 1359; Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1913 год. – СПб., 1913. – С. 1270.

¹⁴⁴ Указатель действующих в Империи акционерных предприятий. – СПб., 1903. – С. 726; Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1907 год. – СПб., 1907. – С. 1299.

¹⁴⁵ Отчёт С.-Петербургской городской управы за 1905 год. – Ч. 1. – СПб., 1906. – С. 47; Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1910 год. – СПб., 1910. – С. 1359; Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1911 год. – СПб., 1911. – С. 1434.

¹⁴⁶ Указатель действующих в Империи акционерных предприятий. – СПб., 1903. – С. 10; Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1904 год. – СПб., 1904. – С. 1177; Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1906 год. – СПб., 1906. – С. 1144; Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1914 год. – Петербург: Товарищество А. С. Суворина «Новое время», 1914. – С. 1211.

¹⁴⁷ Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1910 год. – СПб., 1910. – С. 1208.

¹⁴⁸ Отчёт С.-Петербургской городской управы за 1905 год. – Ч. 1. – СПб., 1906. – С. 47; Указатель действующих в Империи акционерных предприятий. – СПб., 1903. – С. 1412; Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1908 год. – СПб., 1908. – С. 1236.

¹⁴⁹ Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1913 год. – СПб., 1913. – С. 1270.

¹⁵⁰ Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1906 год. – СПб., 1906. – К. 388.

¹⁵¹ Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1910 год. – СПб., 1910. – С. 378; Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1911 год. – СПб., 1911. – С. 385.

¹⁵² Гнедич П. П. Книга жизни: Воспоминания: 1855–1918 / Редакция и примечания В. Ф. Боцяновского. – М.: Прибой, 1929. – С. 320.

В. Л. МЕЛЬНИКОВ

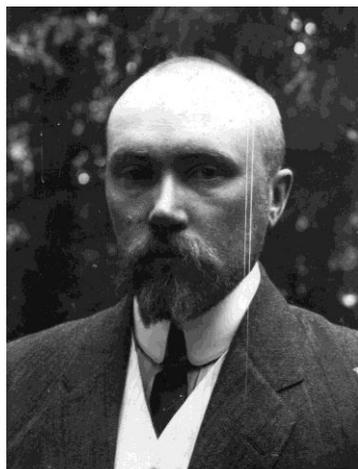
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

М. П. БОТКИН И Н. К. РЕРИХ. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Восемнадцатого сентября 1900 года «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили о начале важного начинания: «Академик М. П. Боткин и преподаватель Археологического института Н. К. Рерих заняты в настоящее время составлением по тем материалам, которые отчасти собраны покойным Д. В. Григоровичем¹, каталога художественно-промышленных произведений музея Императорского общества поощрения художеств с отделом русских древностей. Предметы разбиты в каталоге по производствам и векам. Всех предметов в каталоге 12 тысяч»² [ил. 1, 2].

Ил. 1. М. П. Боткин. Фрагмент фотографии 1900-х годов. Фотобумага, фотопечать. 8,9 × 12,7. Собрание СПбГМИСР
Дар Н. Н. Немченко, праправнучки
С. П. Боткина

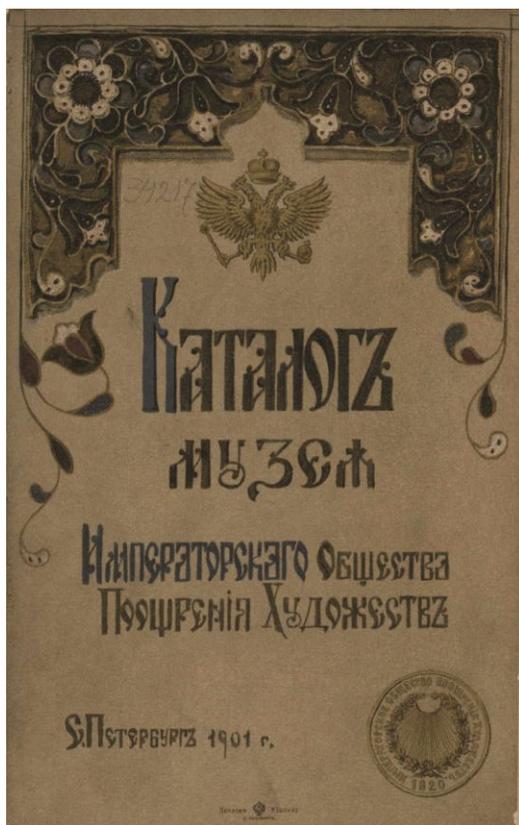
Ил. 2. Н. К. Рерих. 1910–1917
Фотобумага, фотопечать. 15,5 × 8,7
Собрание СПбГМИСР
Дар Л. С. Митусовой, двоюродной
племянницы Е. И. Рерих

Решение издать законченный каталог было принято на заседании Комитета Императорского Общества поощрения художеств (далее – ИОПХ) в декабре 1900 года³.

Двадцать восьмого марта 1902 года в «Петербургской газете» появилось сообщение о результатах этой обширной работы: «При Императорском Обществе поощрения художеств существует интереснейший художественно-промышленный музей. К сожалению, осмотр его очень затруднялся тем, что не было каталога этого богатого хранилища. В настоящее время наконец такой существенный недостаток устраняется изданием полнейшего каталога. Составил его академик М. П. Боткин в сотрудничестве с художником-археологом Н. К. Рерихом»⁴ [ил. 3].

Попробуем проследить взаимодействие двух деятелей культуры, составившее без малого 16 лет напряжённой работы.

Об известном русском художнике, академике исторической живописи, гравёре, искусствовед, археологе, коллекционере и меценате Михаиле Петровиче Боткине (1839—1914) высказывались разные мнения в художественных кругах того времени. Представители академической школы видели в нём «тип уравновешенного и спокойного и притом глубоко культурного художника»⁵, апологеты новых направлений критиковали бесстрастную образцовость его живописи, составленной из изобразительных цитат и аналогий. Будучи энергичным и просвещённым деятелем, Михаил Петрович в то же время придерживался консервативных взглядов на современный ему художест-

Ил. 3. Обложка «Каталога Музея Императорского Общества Поощрения Художеств» (СПб., 1904)

венный процесс. Настойчивость, одержимость искусством и научной деятельностью вкупе с острым и изобретательным умом помогли ему в деле собирания его уникальных коллекций. Цельность эстетических взглядов и непоколебимость убеждений порой создавали сложности для многих не менее незаурядных личностей, ищущих новых путей в искусстве и образовании, с которыми ему приходилось сталкиваться. Сотрудничая с М. П. Боткиным в ИОПХ на постах помощника директора Художественно-промышленного музея и секретаря ИОПХ, а затем директора Рисовальной школы ИОПХ, Н. К. Рерих (1874—1947) встретил поначалу немало препятствий со стороны своего начальника, но, пройдя этот путь совместной работы и постижения искусства общения, остался благодарен ему за уроки жизни как в личной, так и в общественно-культурной сферах, не приукрасив и не умалив его облика. Словно резюмируя, Н. К. Рерих записал: *«Не буду таить, что Михаил Петрович Боткин в своё время доставил мне немало забот и хлопот. Шестнадцать лет потребовалось прежде, чем мы вполне сжились в работе, но и его вспоминаю всегда очень сердечно. В нём оставались черты воспоминаний Иванова и Гоголя. Сам он напоминал нам чем-то Ивана Грозного, а его страсть к собирательству примиряла с другими чертами характера. Во всяком случае, в конце концов, мы расстались с ним большими друзьями. Если Куинджи учил одним сторонам жизненной борьбы, то и М. П. Боткин, со своей стороны, вольно и невольно закалял волю и осмотрительность»*⁶.

Знакомство художника Н. К. Рериха с художником М. П. Боткиным, только начавшись, едва не прервалось. Виной тому – не только совершенно бездарная новая фресковая живопись новгородского Софийского собора, которая просто убила «художественное целое» древнейшего храма этой части России, но и результаты реставрации и общего «художественного наблюдения» за ходом работ. Согласно существовавшему в то время порядку, Императорская Археологическая комиссия должна была назначить представителя Императорской Академии художеств осуществлять наблюдение за работами. По иронии судьбы, ответственным лицом был назначен М. П. Боткин, имевший прямое отношение к обоим этим учреждениям.

В 1900 году в своей отчётной статье о командировке в Великий Новгород, опубликованной в печатном органе ИОПХ – журнале «Искусство и художественная промышленность», Н. К. Рерих писал: *«Софийский собор в лесах; там идёт, как известно, капитальный ремонт. Уже давно было слышно, что по какому-то странному стечению обстоятельств важная задача расписать этот славнейший и древнейший русский собор миновала руки художников и выпала на долю артели богомазов. На расстоянии как-то всё смягчается, многое важное*

ускользает от внимания в заглазных рассказах, пока не увидишь воочию. Я думаю, и вы, кому приведётся читать эти строки, не обратите на них никакого внимания; кругом всё тихо и смирно, какое кому дело, что где-то в отжившем городе совершается нечто странное? А между тем это “нечто странное”, если вдуматься, оказывается чрезвычайно знаменательным. На рубеже XX века, при возрастающем общем интересе к отечественным древностям, при новых путях религиозной живописи, один из лучших русских памятников старины расписывается иконописцами-богомазами, и притом – как расписывается! Жутко делается, когда лазишь по внутренним лесам храма мимо этих богомазных изображений – глубоко бездарных, сухих, пригодных разве в захолустную церковь сверхштатного городишки, а никак не уместных при соседстве с памятником тысячелетия Руси. Ещё обиднее и гаже становится, когда осмотришь внизу превосходную древнюю фреску Константина и Елены и купольные изображения пророков и архангелов, наводящие на мысль: какой высоконациональный храм мог бы получиться из Софии под мастерскою кистью при таких основных базисах, каковы сохранившиеся остатки древних фресок; как стильно и художественно можно бы было заживить остальные стены! Какой богатый материал, какая возможность поддержать славный памятник и расцветом его, быть может, оживить целый город! – но вдруг всё умышленно попирается, производится небольшая экономия... а что впереди? – там хоть потоп. Если не хватает средств, то отчего попросту не заштукатурить стены, оставив лишь остатки древней росписи? Или уже покрыть и старую живопись богомазными изделиями, не заказывать г. Фролову удачные подражания древних мозаик, убрать сохранившиеся, чтобы и сравнения не было, как оно могло быть и как есть на самом деле, – по крайности, не было бы полумер. Если изгонять художественность и национальность, то уж гнать их основательно, по всем пунктам, без пощады.

Мне кто-то хотел объяснить, как это печальное событие произошло, говоря, что много было всяких мелких обстоятельств; но, полагаю, для истории будет знаменательно, выясняя развитие русского искусства в конце XIX века, отметить крупный факт росписи первой русской святыни артелью богомазов, без участия пригоднейших к этому делу даровитых художников. Какое отрадное сведение, в особенности для всех причастных к современному искусству! – и перед собою-то стыдно, ещё стыднее перед иностранцами, когда они скажут, на этот раз вполне заслуженно: “уж эти варвары!”»⁷.

Справедливости ради нужно отметить, что пафос этого в значительной степени справедливого выпада был направлен не только против академика М. П. Боткина, наблюдавшего за живописными

работами, но и против академика Владимира Васильевича Сулова (1857—1921), который отвечал за реставрацию памятника в целом. Самый грандиозный в истории новгородской Святой Софии ремонт 1893–1900 годов осуществлялся артелью владимирских мастеров-маляров под руководством Н. М. Софонова по способу западного учёного-химика А. В. Кайма. Минеральные краски выписывались из Мюнхена, мастера работали по особо подготовленному влажному грунту, а затем пропитывали написанное фиксативом. Это придавало изображениям прочность и не смываемость. Расположение новых росписей должно было представлять собой точную копию с росписей древних. Увы, вместо того, чтобы законсервировать то, что осталось, за редким исключением, всё было уничтожено. Новые настенные изображения не отвечали ни древности храма, ни его сохранившемуся художественному убранству. Реставрация также коснулась икон, царского и святительского мест, мозаик в алтаре и наружных стен храма, и здесь у современников было меньше замечаний. Именно тогда было возвращено храму посводное покрытие, разобраны контрфорсы. Тогда же появилось в соборе и отопление. Но оно не смогло нагреть храм в зимние месяцы, и Святая София осталась традиционным летним храмом. В зимнее время постоянные службы происходили в тёплой Вхо-до-Иерусалимской церкви, и лишь по воскресным и праздничным дням – в Софийском соборе.

Об этом моменте своей биографии спустя почти сорок лет Н. К. Рерих вспоминал: *«После Университета и Академии, и Кормоновской мастерской началась ещё одна учёба, и очень суровая. Говорю о работе в Обществе Поощрения Художеств. Некоторые пишут, что пригласил меня туда Собко, но это не совсем верно, ибо главным образом приглашение произошло по линии Д. В. Григоровича. Не успел он утвердить меня по музею Общества, как умер, а музей перешёл в ведение Боткина. Я же именно тогда писал против Боткина и критиковал его реставрацию Новгородской Софии. После этого мне казалось невозможным с Боткиным встретиться, а тем более сотрудничать. Но Балашов, бывший вице-председателем⁸, был иного мнения. Со свойственной ему торопливостью он пригласил меня поехать вместе с ним к Боткину под предлогом осмотра известной боткинской коллекции. Приём превзошёл все ожидания. Не только была показана коллекция самым предупредительным образом, но было заявлено о великом удовольствии встретиться в музее Общества, и таким образом всё приняло совершенно неожиданные размеры. По поводу же моих статей о Софии было сказано, что Боткин читал их с огромным интересом»⁹.*

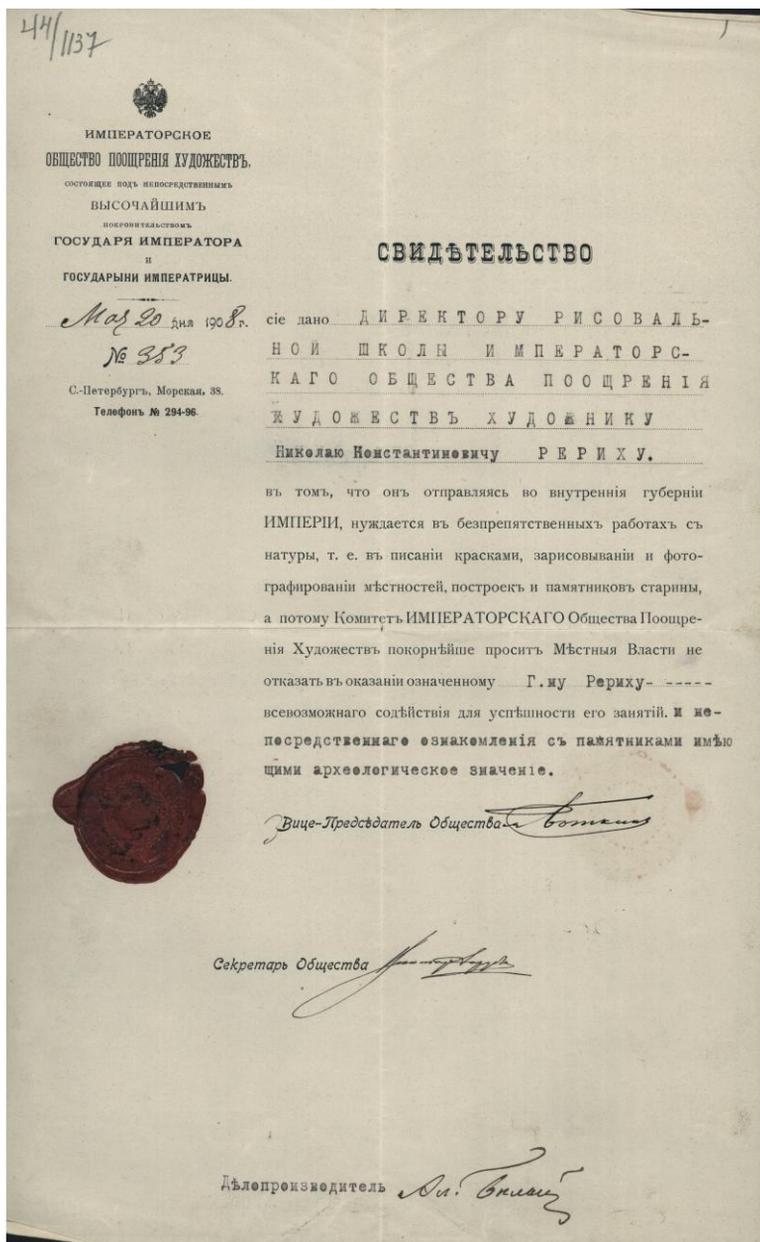
Комитет ИОПХ постановил избрать на пост директора Художественно-промышленного музея ИОПХ М. П. Боткина «с назначением ему

помощником Н. К. Рериха» 7 января 1900 года¹⁰. Таким образом, здание, где сейчас располагается Музей-институт семьи Рерихов, Н. К. Рерих посетил впервые в январе 1900 года. Произведения Н. К. Рериха появились впервые в этом доме тоже в начале XX века, а не в 2003 году, когда здание было передано рериховскому музею. Известно, что М. П. Боткину принадлежала гуашь Н. К. Рериха «Перед боем», созданная в 1900 году¹¹. С. С. Боткин и А. П. Боткина, близкие родственники Михаила Петровича, также владели произведениями Н. К. Рериха.

За годы сотрудничества М. П. Боткин и Н. К. Рерих нашли массу обоюдно интересных тем для общения. О его содержании можно судить, прежде всего, по воспоминаниям Н. К. Рериха, отчасти записанным им самим, отчасти переданным в дневниках его последовательницы, директора Музея Николая Рериха в Нью-Йорке З. Г. Фосдик. Осмысление этого материала в будущем позволит предметно говорить о том, что привлекало Н. К. Рериха в М. П. Боткине, что категорически не устраивало, и что он отметил в его замечательном особняке-музее на Васильевском острове, который многократно на протяжении более десяти лет посещал.

За три года до ухода М. П. Боткина из жизни отношения между ним и Н. К. Рерихом приобрели высокую степень доверия и сердечности. Это подтверждается не только позднейшими воспоминаниями Рериха, но и его перепиской 1910-х годов. Например, через своего близкого родственника, делопроизводителя ИОПХ Степана Степановича Митусова (1878—1942) Николай Константинович неизменно передавал «поклон Михаилу Петровичу»¹².

Главное, что в итоге объединило М. П. Боткина и Н. К. Рериха, – это их настоящая страсть к искусству. Оба «горели к искусству», в основе их жизни и деятельности была не наносная мода, а знание, понимание и любовь к ценностям культуры. Важно подчеркнуть, перефразируя слова Н. К. Рериха¹³, что их накопления не рассеялись под знаком вандализма, невежества и революций. Собранные и созданные ими творения искусства – вечные странники. Они живут своей удивительной жизнью и приносят огромную пользу развитию духовного мира человечества.

Ил. 4. Свидетельство ИОПХ, выданное Н. К. Рериху для командировки по России. 20 мая 1908 года. Подписано М. П. Боткиным, В. И. Зарубиным и А. Ф. Белым. Собрание ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1137. Л. 1

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дмитрий Васильевич Григорович (1822—1899) – русский писатель; с 1864 года – секретарь ИОПХ, в дальнейшем – директор Художественно-промышленного музея ИОПХ. Член-корреспондент Петербургской Академии наук (1888).

² Санкт-Петербургские ведомости. – 1900. – 18 сентября. – № 256. – С. 3.

³ В начале 1901 года журнал ИОПХ «Художественные сокровища России» сообщил «об отдаче в печать каталога музея Общества, составленного директором музея М. П. Боткиным и помощником его Н. К. Рерихом» (Художественные сокровища России. – СПб., 1901. – № 1. – С. 9). Благодарю за это сведение Е. В. Бакалдину.

⁴ Каталог художественно-промышленного музея // Петербургская газета. – СПб., 1902. – 28 марта.

⁵ Гордон Е. Михаил Петрович Боткин (1839—1914) // Art context: Портрет художника с необычной стороны. – Интернет-портал artcontext.info. – Режим доступа: <http://www.artcontext.info/pictures-of-great-artists/55-2010-12-14-08-01-06/1523-botkin.html> (15 апреля 2017).

⁶ Рерих Н. К. Цветы художества (Пекин, 17 декабря 1934) // Рерих Н. К. Листы дневника. – Т. I. – М., 1995. – С. 54.

⁷ По пути из Варяг в Греки: Заметки Н. К. Рериха // Искусство и художественная промышленность. – СПб.: ИОПХ, 1899. – № 9–10. – С. 719–730.

⁸ Иван Петрович Балашов (1842—1924) – обер-егермейстер, вице-президент ИОПХ, политический деятель.

⁹ Рерих Н. К. Учёба (Гималаи, Урусвати. 1937) // Рерих Н. К. Листы дневника. – Т. II. – М., 1995. – С. 111.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1137. Л. 2 и 2 об.

¹¹ Рерих / Худ. ред. В. Н. Левитского. – Пг.: Свободное искусство, 1916. – С. 205.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1490. Л. 384.

¹³ Рерих Н. К. Сколько (Гималаи, Урусвати. 1942) // Рерих Н. К. Листы дневника. – Т. III. – М., 1996. – С. 68.

О. С. ДАВЫДОВА

*(Научно-исследовательский институт теории
и истории изобразительных искусств
Российской академии художеств; Москва)*

ЖИЗНЬ И ОБРАЗЫ ФЁДОРА БОТКИНА: ОБРЕТЁННЫЙ МОНОЛОГ

Русское искусство эпохи модерна развивалось в тесной связи с западноевропейским творческим процессом. Однако думать, что очевидность общего начала сказывалась только во влияниях, проникавших в Россию из Парижа, Лондона, Вены или Мюнхена, было бы значительным упрощением. Рубеж 1890-х – 1900-х годов в отечественной истории искусства был периодом обретения собственного голоса в контексте интернациональных поисков времени, связанных с эстетизацией образного видения мира, с углублением интереса мастеров к поэтико-ассоциативным возможностям творческого языка, с культом духовного права художника на выражение субъективной реальности чувств и переживаний. В России новым «вождем Граалем»¹, пространством единения новаторских тенденций, синтезировавших

Ил. 1. Фёдор Владимирович Боткин в мастерской. 1890-е. Музей Й. Риппл-Ронаи, Капошвар, Венгрия. Воспроизведено по: Давыдова О. С. Иконография модерна. Образы садов и парков в творчестве художников русского символизма. – М., 2014. – С. 339

национальные и общеевропейские элементы, стали ранние выставочные проекты Сергея Дягилева и художников, близких к группе «Мир искусства». Именно благодаря интуиции «художественного глаза» Дягилева, а также усилиям Александра Серова², Льва Бакста, Ильи Остроухова, Александры Боткиной, Константина Сюннерберга³, Сергея Голоушева (Глаголя)⁴, начиная с «Выставки русских и финляндских художников» 1898 года, в России заговорили о Фёдоре Владимировиче Боткине (21 октября / 2 ноября 1861 — 19 февраля / 4 марта 1905) [ил. 1] – заговорили пламенно, как о талантливом артистическом явлении, разделяясь в его оценках на противостоящие лагеря. Большинство газетных критиков⁵ поспешило обвинить Фёдора Боткина в «декаденстве» и «странных капризах» с той же страстью, с какой Сергей Дягилев стремился получить на свои выставки произведения «замоскворецкого парижанина»⁶ (предвосхищая исторические события, отмечу, что первые номера журнала «Мир искусства» Фёдор Владимирович встретил не без замечаний⁷). На выставках, организованных Дягилевым, произведения Боткина были восприняты в одном творческом русле с теми вызывающими «впечатление совершенной непопозволительности»⁸ художественными образами, к которым относили «ковровые»⁹ фантазии Михаила Врубеля и других мастеров-новаторов, визуализировавших поэтическую субстанцию души с помощью непредсказуемой на тот момент пластической лексики модерна. Стоит упомянуть, что в группе критиков, не принявших декоративные образы Боткина, были не только журналисты с «литературным» взглядом на искусство, такие, например, как Николай Михайловский или Николай Селиванов, изменивший однако своё мнение после того, как дважды побывал в мастерской Фёдора Боткина в Париже¹⁰, но и Павел Муратов, упрекавший художника в однообразной замкнутости сюжетов¹¹.

Творчество Фёдора Боткина, действительно, монотематично: *«Храню я в глубине души то милое и чарующее меня до восторга начало, dasewig Weibliche (Вечную женственность), которое служит мне путеводной звездой»*¹², – признавался художник [ил. 2]. Индивидуальная поэтика творчества Боткина развивалась в «кругу женских образов», в поиске той «Вечной женственности», идеализированно воспринятой с полотен Фра Беато Анджелико, Сандро Боттичелли, Антонио дель Поллайоло, которой Фёдор Владимирович посвятил более пятнадцати лет артистической жизни, берущей истоки в конце 1886 года в Италии (Флоренции, Неаполе, Милане) и утвердившейся в своей подлинной приверженности искусству во Франции (с осени 1890-го года¹³ по весну 1902 года¹⁴ – времени, когда болезнь навсегда погасила творческое сознание художника).

Ил. 2. Ф. В. Боткин. Иллюстрация № 11 из альбома С. Глаголя «Фёдор Владимирович Боткин».

1907. Местонахождение картины неизвестно

никах, связанных с именами И. И. Щукина, И. П. Похитонова, М. М. Антокольского, М. В. Якунчиковой, Е. Е. Лансере, С. С. Шайкевича и ряда других лиц, внесших вклад в развитие русской культуры эпохи модерна. Дебютировав в 1894 году в «Société des Artistes Indépendants», уже в 1895 году Боткин участвовал в «Salon de Champ-de-Mars», а в 1897 – получил степень «associé», что свидетельствовало о признании его художественного мастерства. Однако следует отметить, что Фёдор Владимирович, прежде всего ценивший в искусстве самобытность, не стремился к показному успеху, добиваясь соответствия пластического языка тому идеальному миру, который он ощущал внутри себя интуитивно (что и позволило ему выработать собственную художественно узнаваемую декоративную манеру). В одном из ранних писем к И. С. Остроухову Фёдор Боткин замечал: *«Продолжая о русских художниках, но обитающих в Париже, скажу, что им вообще в нынешний год не повезло в салонах: многих не приняли. Хотя мне Roll и советовал приготовить что-нибудь к салону, я этого не*

сделал, потому что не справился и совершенно не мог сделать хотя бы приблизительно так, как мне хотелось бы, а посылать заведомую дрянь <...> не считаю полезным для себя. Нужно мне много и много ещё работать, и это за последнее время я делаю»¹⁶. Вообще, почти 16 лет сознательного «одионого» заграничного существования выработали в Боткине не только «известную систему жизни»¹⁷, но и «систему творчества», которая позволяла сосредотачиваться на подлинно важных для художника задачах и преодолевать «жажду Салонного успеха и позорный импульс делать вещи этаажные»¹⁸. Можно отметить, что в своём отношении к творческим целям искусства, к проблеме подлинного артистического новаторства Боткин сближался, прежде всего, с Александром Серовым, Михаилом Нестеровым и Виктором Васнецовым¹⁹, не признавая показной новизны, не обусловленной внутренней необходимостью.

Осуществлять творческие планы и вести жизнь независимо развивавшегося художника Фёдор Боткин мог, прежде всего, благодаря поддержке семьи. Фёдор Владимирович принадлежал к числу потомственных именитых граждан обширного семейства Боткиных, известного в России, Англии и Франции не только своей чаоторговой фирмой «Петра Боткина сыновья», но и представителями творческой и научной интеллигенции. Так, например, родная тетя Фёдора Владимировича – Мария Петровна Боткина была замужем за поэтом А. А. Фетом, который оставил интересные воспоминания²⁰ о славившемся на всю Москву доме Боткиных на Маросейке, главным обитателем которого была семья дяди художника – Петра Петровича. Отмечу, что Фёдор Владимирович, в 8-летнем возрасте потерявший отца, проводил в этом фамильном доме достаточно много времени. Ностальгию по московской жизни Фёдор Боткин сохранил в сердце и будучи в своей артистически инспирированной парижской «эмиграции»: «Дорогой и милый дядя Петя, сегодня за обедом мы с мамашей вспоминали те годы, когда мы ездили к заутрени в твой приход²¹, туда собирались все – и дядя Митя, тетя Соня, дядя Паша, дядя Миша; мы с Мишей [младшим братом Фёдора Боткина – О. Д.] были ещё детьми, но служба эта и потом разговление на Маросейке [сохранена орфография Фёдора Боткина] мне казались такими высоко праздничными, что до сих пор вспоминаю об этом с умилением. Христос Воскресе, Дорогой дядя Петя»²².

Из девяти родных дядюшек художника – всего же у Петра Кононовича Боткина²³, дедушки Фёдора Владимировича и основателя «династии», из 26 детей от двух браков выжило 14 – наиболее известны такие личности, как Василий Петрович Боткин – талантливый литератор, друг В. Г. Белинского, И. С. Тургенева, А. И. Герцена; Сергей

Петрович Боткин – выдающийся врач-клиницист (замечу, что Евгений Сергеевич, врач императорской фамилии, расстрелянный вместе с царской семьёй, как и Сергей Сергеевич, коллекция рисунков и живописи которого пополнила собрание Русского музея и легла в основу ряда научных исследований, приходились Фёдору Владимировичу двоюродными братьями). Влиятельный в своё время художник академического направления, выдающийся коллекционер и уважаемый общественный деятель Михаил Петрович Боткин также был родным дядей Фёдора Владимировича. И хотя молодой художник принадлежал к неприемлемому для Михаила Петровича декадентскому течению, он, судя по воссозданным по журнальным источникам сюжетам, уважительно относился к артистической индивидуальности племянника, имея несколько его произведений в своей коллекции (предположительно три)²⁴. Связь Фёдора Боткина с «родными пенатами» проходит в разных фигурах речи через всю переписку художника: в письмах к матери и дяде она обнаруживается в лирически-нежном и даже патетически-драматичном ключе, в письмах к Остроухову Боткин порой насмешливо играет со своей ответственностью перед большой семьёй: *«По глупой слабости своей, желая, вероятно, угодить тётушкам да бабушкам и мои три маленькие картины красуются в Салоне; писаны они осенью, в осенние après-midi и сумрачную погоду, и потому в светлых тонах изображают тёмное и незамысловатое»*²⁵.

Не углубляясь во все тонкости генеалогических взаимосвязей Фёдора Боткина с другими Боткиными, а также с Гучковыми, Щукиными, Третьяковыми (в этом плане адресую читателя к книге Б. Ф. Егорова «Боткины», 2004), коснусь нескольких важных контрапунктов в отношениях художника с родственниками, которые позволяют понять индивидуальное место Фёдора Владимировича в разветвлённой «семье» московских купеческих династий. Следует отметить, что в книге Егорова нашему «замоскворецкому парижанину» дана обобщённо нейтральная характеристика, опирающаяся на немногочисленные и легко доступные дореволюционные источники, что, по-видимому, было связано с недостаточно глубоким пониманием и освещением роли Боткина-художника в отечественном искусствознании начала 2000-х годов. Творческое значение Фёдора Боткина, причисленного в советское время к художникам-декадентам второго плана, в процессе формирования русского символизма оказалось вне поля зрения ведущих историков и теоретиков модерна, что было связано как с идеологическими причинами, так и с трудностями чисто практического характера. Аналитический процесс искусствоведческой мысли невозможен без наличия художественных

произведений, а собрание картин Ф. Боткина, привезённое в Россию в 1906 году родным братом художника Михаилом Владимировичем, попав после революции в Государственный музейный фонд, начало рассеиваться по всей территории бывшего СССР уже в 1920-е годы. Процесс этот продолжился и в 1930-е – 1960-е годы, когда произведения Фёдора Боткина передавались из одного музея в другой без учёта точных описаний. Такова, например, ситуация вокруг Государственного Русского музея, купившего в 1907 году «Женскую головку» (1890-е, х., м.), а в 1940 году передавшего этюд в музей города Орджоникидзе (ныне – «Художественный музей имени М. С. Туганова», Владикавказ), или Государственной Третьяковской галереи, в 1901 году приобретшей «Портрет девушки». В 1929 году данная работа, обозначенная как «Женская голова» (1900), была передана ГТГ в Краеведческий музей имени В. К. Арсеньева города Владивосток. В 1966 году «Портрет девушки» (историческое название) поступил в Приморскую государственную картинную галерею, в которой находится по сей день. К настоящему моменту удалось выявить наличие произведений художника более, чем в 30-ти музеях и пяти частных собраниях. Однако работа в этом направлении всё ещё продолжается. Благодаря открывающимся документальным материалам удалось установить, что в России было около 300 произведений Фёдора Владимировича. Согласно недавно найденной описи, составленной в 1919 году, только 250 работ художника находились на квартире Боткиных по адресу Хлебный переулок, дом 17²⁶. После смерти Михаила Владимировича (в 10-х числах марта 1919 года) произведения Фёдора Владимировича в количестве 219 полотен (отбирали по качественному признаку) были конфискованы и вывезены на склад Государственного музейного фонда в бывшее здание Английского клуба. Следует учитывать и тот факт, что на момент революционных экспроприаций работы Боткина имелись как в музейных собраниях (6 работ в «летописи русской живописи»²⁷ – Третьяковской галерее, 1 произведение в «Русском музее Александра III»), так и в частных коллекциях (не только в России, но и за границей). Четыре работы Фёдора Боткина висели в особняке Боткиных-Гучковых на Маросейке (в коричневом зале и вокруг парадной лестницы среди произведений Левитана, Серова, Коровина, Бялыницкого-Бируля, Первухина и Ап. Васнецова)²⁸, две работы были обнаружены по описям в собрании С. С. Боткина²⁹, как минимум одно произведение находилось в коллекции И. С. Остроухова и два – С. И. Щукина, по одному – у И. А. и М. А. Морозовых³⁰.

Позволив себе небольшое историко-искусствоведческое отступление, вернёмся к семейным взаимоотношениям Боткиных.

Ил. 3. Ф. В. Боткин. Портрет А. Е. Боткиной (матери художника). 1890-е. Холст, масло 46,0 × 55,0. СГХМ имени А. Н. Радищева, Саратов. Воспроизведено по: Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева. Русская живопись XVIII – начала XX века. Каталог. – М., 2004. – Т. I. – С. 128

Будучи старшим сыном рано умершего Владимира Петровича Боткина (1837—1869), личности далеко незаурядной и, судя по его письмам к жене – Анне Ефимовне Боткиной (урождённой Гучковой) [ил. 3], поэтически чуткой, Фёдор Владимирович, как и его младший брат Михаил, был особенно близок с Петром Петровичем Боткиным – главой чаеоторговой фирмы «Петра Боткина сыновья». В письмах Фёдора Владимировича к дяде непрерывно звучит лейтмотив искренней привязанности: *«Хотя я с детства привык видеть от тебя поступки самые любовные и отеческие, я всё-таки всякий раз бываю глубоко тронут и от всего сердца*

*благодарю тебя. Вместо всех этих слов я просто хотел бы побывать с Вами, посмотреть на Вас, обнять...»*³¹; *«...если бы Москва не была так ужасно удалена от Парижа»*³², – мечтал художник. В одном из писем 1898 года, отправленном Фёдором Владимировичем в Россию в период обнаружившейся психической болезни дочери Петра Петровича Анны Петровны Боткиной, за которой художник внимательнее всех родственников ухаживал до дня своего трагического заключения в ту же больницу в Сюрени 20 (7) марта 1902 года, можно обнаружить интонации внутренне уязвлённого в своей глубине чувства, возможные только между душевно близкими людьми: *«...я очень благодарю вас за ваши царски щедрые подарки, настолько щедрые, что, по правде сказать, мне это неприятно. Я человек не избалованный. Жизнь веду простую, всё необходимое у меня есть, вы сделали мне уже чудный подарок на мои фантазии, и я вам сердечно благодарен за это. <...> Вообще я ещё должен напомнить Вам, дорогим и милым моим дяде Пете и тётке Наде, что я сделал и делаю только свой человеческий долг и не заслуживаю похвалы, но заслужил бы величайшего порицания и мучился бы угрызениями совести, если бы этого не сделал. Подумай-*

те о том, какое чувство имел бы я перед своей совестью, если бы я не принял живого участия в дорогой Анете и в вас...»³³.

В контексте затронутого вопроса об отношении Фёдора Боткина к семье, чувствовавшего свою не угасавшую и в Париже причастность к исконному русскому душевному складу, на творческом уровне нашедшему отражение в чуткой любви художника к природе (см., например, «Задумчивость. Женский силуэт на фоне пейзажа», 1890-е, частное собрание), небезынтересно упомянуть несколько иную позицию, которая была характерна для двоюродного брата Фёдора Владимировича – Ивана Ивановича Щукина (1869—1908), признававшегося И. Остроухову, что *«ехать в Москву теперь не помышляю, – да минует меня чаша сия!»³⁴*. Однако, несмотря на разность характеров, Фёдор Боткин и Иван Щукин были близкими друзьями. Благотворное влияние эстетических вкусов, да и вообще глубокой личности Фёдора Владимировича на Ивана Ивановича отмечали и их общие знакомые. Так, например, в статье «Картинное дело в Париже и “негры”», опубликованной в журнале «Новое время» (с которым сотрудничал Иван Щукин) во многом под впечатлением от самоубийства последнего, И. Яковлев писал: *«Я близко знал одного молодого россиянина, который сделался жертвой этих жестоких акул [имеются ввиду торговцы фальшивыми произведениями искусства – О. Д.]. Не обладая решительно никаким художественным чутьём, он, однако, благодаря советам своего родственника, очень талантливого живописца, исподволь и за сравнительно очень небольшие деньги, составил себе превосходную коллекцию из картин молодой французской школы. Это поставило его в сношения с парижскими картиноторговцами и коллекционерами. В это время его родственник, художник, тяжело заболел и после долгих страданий умер. Лишившись контроля такого бескорыстного советчика, наш россиянин попал в лапы описываемой шайки. В один прекрасный день он продал всю свою коллекцию, которая ему будто бы опротивела как “декаденщина”, и решил покупать только “несомненные шедевры великих, но недостаточно оценённых стариков”, особенно испанской школы»³⁵*.

В подобной оценке внутренних качеств Щукина есть, конечно, известная доля субъективной пристрастности автора статьи, однако общий фон доверительных отношений, которые существовали между Фёдором Боткиным и Иваном Щукиным, отражён в приведённом выше тексте верно. Живя в районе авеню Ваграм, Боткин был частым посетителем «вторников» Ивана Щукина, с которым художника сближало не только родство, но и общее идеалистическое мировоззрение, проявлявшееся в глубоком знании и понимании истории искусства, страсти к коллекционированию, но главным образом – в способности

к самовыражению. Именно артистические амбиции, опиравшиеся на живое творческое чувство, отчасти послужили причиной эмиграции как Щукина, так и Боткина, разделивших до сих пор мало понятую драму незаурядных натур, принадлежавших к третьему поколению «купеческих династий» – трагедию априорного дилетантизма и интеллектуального изгнания из профессиональных артистических кругов. Однако, если мирискусники приняли художественный дар Боткина, то со стороны Ивана Щукина была затаённая обида на русских мастеров-новаторов, недооценивших его искусствоведческий талант: *«Вот Вы говорите, что я якобы “нужен своей родине”, – но это мне кажется не совсем так, да и очень уж неопределённо. <...> вот, например, Бенуа будет редактировать новый журнал, а меня в сотрудники он не звал. Также Бенуа, – он меня знает лично и бывал у меня в Париже, – не прислал мне книги своей о живописи в России. Посему я оной книги не читал и, вероятно, никогда не прочту»*³⁶, – писал он Остроухову. Несмотря на экзальтированную восприимчивость натуры, в работах Ивана Щукина, даже в его наиболее лирических очерках из «Парижских акварелей» (СПб., 1901), ощутима глубинная внутренняя опустошённость, неприкаянность, обделённость подлинным чувством любви, что было совершенно не характерно для личности Фёдора Боткина и творческой поэтики его искусства. Возможно, именно эта затаённая черта индивидуальности Ивана Щукина и подтолкнула Илью Остроухова написать следующие трагические строки: *«Вы слышали, конечно, о кончине Ивана Ивановича Щукина: бедный, бедный, и мне его очень жалко. Он покончил с собою. Много мыслей вызвала эта смерть у меня. Да, так жить было нельзя. Такой жизни я бы не вынес, но, конечно, и не создал бы! Отрицание на первом плане, взамен ничего: ни идеалов, ни реальных отношений: родина – к черту, предрассудки! Матери, братьев, друзей – нет, ерунда, традиции! И так всё и ко всему!»*³⁷.

Однако по отношению к Фёдору Боткину упрекнуть Ивана Щукина в подобных настроениях нельзя. Неподдельная нежность ощутима в его «Некрологе», опубликованном в газете «Новое время» под псевдонимом Жан Броше (Иван Щука). *«Знакомые Боткина – а у него их было немало – очень любили этого всегда серьёзного и спокойного, казавшегося таким уравновешенным атлета, усидчивого труженика. <...> Лишь очень близкие люди знали, что под этой внешней невозмутимостью и рассудительностью художника скрывается очень нервная, болезненно-тонкая чувствительность, наивная, почти детская доверчивость и насквозь проникнутая какой-то безотчётной грустью, тревожно-волнующаяся мечтательность»*³⁸, – вспоминал о брате Иван Иванович, отмечая те «непоказные» черты личности

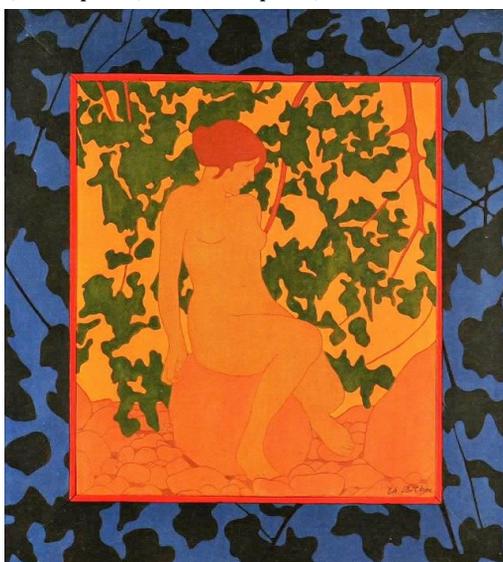
Ф. Боткина, которые индивидуальным настроением окрасили и образную поэтику его творчества. На собственном опыте понимая сложность судьбы художников, работавших вдали от отеческих берегов, И. Щукин одним из первых стал писать о самобытности авторского стиля Фёдора Боткина. Так, например, в статье, посвящённой четвёртой выставке картин и скульптур, проводимой Обществом русских художников в Париже, Щукин подчёркивает: *«В области художественного творчества разрыв с национальными традициями неизбежно ведёт к полной утрате характерной самостоятельности, к безраздельному господству иностранных влияний, к постоянному обезличиванию художественной индивидуальности. Крупные таланты, разумеется, и в этих невыгодных условиях успевают овладеть чуждыми элементами, умеют видоизменить, переработать их в себе и на заимствованном основании создать нечто своё, новое и оригинальное. Таков, например, Ф. В. Боткин, выставивший три интересные женские головки в своём обычном декоративном стиле. В картинах Боткина гармоническая стилизация окружающей жизни, несомненно, многим обязана западноевропейским образцам, но эти красочные фантазии и идеальные образы, лишь в слабой степени навеянные отдалёнными воспоминаниями, передуманы и пережиты самим художником; усвоенная им манера принадлежит исключительно ему, и даже в богатом французском искусстве мы затрудняемся назвать другого, похожего на него живописца»*³⁹.

Намеренно включившись в контекст европейской художественной жизни, органично в нём развиваясь, в своё искусство Фёдор Боткин сумел внести то уникальное, во многом национальное начало душевного лиризма, которое на индивидуальном уровне наделяет его образы неповторимым эмоциональным целомудрием, несмотря на то, что большинство из них сюжетно связаны с обнажённой женской натурой. Присущие целому ряду произведений Ф. Боткина поэтичность и интонационная колористическая нежность, певучая текучесть линий, чуткая декоративная интуиция, подсказывающая на фоне гармоничных решений смелые пластические ходы – такие, например, как внутренняя красная рамочка («Женский силуэт. (Декоративный мотив для вышивки шерстью)», 1897, ГТГ) [ил. 4], сиренево-голубая шаль с зелёным оттенком морской волны, или голубые глаза («Натурщица в сиреневой шали», 1890-е, музей «Мир забытых вещей», Вологда; «Голова девушки с голубыми глазами», 1890-е, Омский областной музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля; «Голова натурщицы с голубым шарфом», 1901, Томский областной художественный музей), ёмко обобщённый орнаментальный узор, рифмующий стилизованную листву с бордовыми ягодами вишни или рябины

(«Головка девушки на фоне вишен», 1890-е, ВМОМК имени М. И. Глинки; «Натурщица», 1890-е, Ярославский художественный музей), – наделяют образы мастера тем собственным временным регистром, который способен в камерных масштабах преобразить не только внутреннее, но и внешнее, окружающее пространство. Стоит отметить, что данная трудоёмкая творческая задача, связанная с вопросами синтеза искусств, осознанно ставилась художником, работавшим с одной из наиболее характерных для искусства модерна форм выражения – с декоративным панно⁴⁰.

В русском изобразительном искусстве 1890-х годов творчество Фёдора Боткина занимает совершенно особое место, так как почти на программном уровне воплощает принципы интернационального модерна при полном сохранении национальной самобытности личности художника.

Интересно отметить, что именно такую творческую позицию отстаивал и сам Боткин в теоретических воззрениях на искусство: «...по мне всё равно, интересуется ли тебя русская хижина или не русская, безразлично; мне бы душа чувствовала идею гармонии, правды и красоты...»⁴¹, – замечал он в 1892 году, продолжая оставаться верным сущности этой мысли и позже: «Об искусстве и направлениях думаю, что человечеству особенно ценно только созданное особенно даровитыми людьми, в каком бы направлении и национальности они не работали»⁴². И хотя до недавнего времени жизненный путь и художественная роль Фёдора Боткина были практически окружены тенью забвения, за последние годы его творчество постепенно стало обретать достойное место в отечественной истории искусства. В начале 2000-х годов (о более раннем периоде вообще гово-

Ил. 4. Ф. В. Боткин. Женский силуэт (Декоративный мотив для вышивки шерстью). 1897. Холст, масло. 76,7 × 69,0 ГТГ
Воспроизведено по: Картина и рама Диалоги. Каталог выставки. Государственная Третьяковская галерея / Науч. ред. Т. Л. Карпова. – М., 2014. – С. 331

И хотя до недавнего времени жизненный путь и художественная роль Фёдора Боткина были практически окружены тенью забвения, за последние годы его творчество постепенно стало обретать достойное место в отечественной истории искусства. В начале 2000-х годов (о более раннем периоде вообще гово-

ритель не приходится) произведения Боткина, будучи известными узкому профессиональному кругу хранителей и собирателей, лишь изредка участвовали в отдельных выставках или упоминались в небольших описаниях музейных коллекций. При этом личность самого художника оставалась за гранью серьёзных монографических исследований. После доклада «Фёдор Боткин между Францией и Россией», сделанного мною в 2010 году на XX Алпатовских чтениях, а также ряда статей биографического плана, последовавших в 2011, 2012 и 2014 годах, в которых была освящена историография вопроса, выявлены ошибки дореволюционных публикаций, намечены основные творческие проблемы и уточнены датировки жизненного пути Боткина (в частности, и дата смерти художника), к настоящему времени удалось более подробно выявить круг общения Фёдора Владимировича, реконструировать его эстетические взгляды, ввести в научный оборот интересные с точки зрения характеристики времени и среды выдержки из его писем⁴³. Теоретические исследования творчества художника получили отклик и в музейно-практическом контексте существования его произведений. В 2013 году, например, под влиянием пробудившегося интереса к творчеству Фёдора Боткина, была произведена реставрация его этюда «Голова натурщицы с голубым шарфом» (1901) из собрания Томского областного художественного музея. В ходе исследовательской подготовки доклада «Экспансия образа: рамы эпохи модерна», прозвучавшего в 2015 году на конференции «Рама как объект искусства» (ГТГ), удалось уточнить датировку и художественную концепцию панно «Нимфа» (около 1897) из коллекции Пермской государственной художественной галереи, а также открыть те принципиальные особенности визуального языка Боткина (такие, например, как приём совмещения нескольких вариантов цветовых контрастов), которые позволили установить более точные пластические ориентиры для реставрации панно художника из собрания Третьяковской галереи («Женский силуэт. (Декоративный мотив для вышивки шерстью)», 1897, ГТГ). Хочется верить, что и данная статья позволит включить одинокий монолог художника в плотный контекст родственных взаимосвязей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Остроухов И. С., Глаголь С.* Московская городская художественная галерея П. и С. Третьяковых: в 2-х частях. – М., 1909. – С. 100.

² Подробнее об этом см.: *Давыдова О. С.* Валентин Серов и Фёдор Боткин: история незримых встреч // Павел Федотов. Феномен личности в контексте времени; Валентин Серов и русская культура XIX – начала XX века; Сергей Тимофеевич

Конёнков. Скульптура XX века; Русский культурно-исторический музей в Праге. Творческое наследие русского зарубежья – часть отечественной культуры XX века: материалы научных конференций. Москва, Государственная Третьяковская галерея. – М., 2016. – С. 157–174.

³ *Сюннерберг К.* Художественная жизнь Петербурга. Выставка «Союза русских художников» в Петербурге // Золотое руно. – 1907. – № 1. – С. 76.

⁴ *Глаголь С.* Фёдор Владимирович Боткин. 1861—1906. – М., 1907. Сразу отмечу, что в этой единственной не газетной публикации о творчестве художника Сергей Голоушев (настоящая фамилия Глаголя) допустил ряд значительных ошибок (в частности, неверно указан год смерти Боткина). Небольшой текст книжечки хотя и содержит верные искусствоведческие наблюдения, с точки зрения освещения индивидуальности Фёдора Владимировича носит достаточно условный характер, тем более поверхностный, если учесть личное знакомство Голоушева с семьей художника.

⁵ См., например: *Михайловский Н. К.* Четыре художественных выставки // Русское богатство. – 1898. – № 3 – Март. – С. 148–149; *А. Г.* Выставка русских и финляндских художников // Петербургский листок. – 1898. – 16 (28) января. – № 15; *Кравченко Н.* Выставка русских и финляндских художников в зале музея барона Штиглица // Новое время. – 1898. – 19 (31) января. – № 7865; *Старовер [Селиванов Н.]*. Наши импрессионисты и символисты // Санкт-Петербургские ведомости. – 1897. – 8 (20) февраля. – № 38.

⁶ На «Выставке русских и финляндских художников» (16 февраля – 23 января 1898, Музей ЦУТР барона А. Л. Штиглица) Фёдор Боткин представил 3 работы: № 47. Три женских силуэта. Опыт декоративного мотива в жёлтых тонах (1200 р.); № 48. Женский силуэт и № 49. Женский силуэт (могут служить проектом для вышивки шерстью, по 500 р.). См.: Каталог выставки русских и финляндских художников. – 1898. – С. 6. На 1-ой Международной художественной выставке журнала «Мир искусства», открывшейся 18 января 1899 года в залах музея ЦУТР барона А. Л. Штиглица, Ф. Боткин экспонировал также 3 произведения: № 45. Портрет (600 р.); № 46. Головка (225 р.); № 47. Портрет (225 р.). См.: Каталог выставки картин журнала «Мир искусства». – СПб., 1899. – С. 6.

⁷ По поводу журнала «Мир искусства» Боткин писал Остроухову: «Я имею две тетради “Мир искусства” и рассматриваю их с величайшим интересом. Личные мои симпатии и надежды лежат ко всему делающемуся в России, и лично для меня журнал этот интересен». Однако далее, «откинув в сторону субъективные чувства», художник продолжает в нелестном тоне: «...погоня за новизной перевешивает прочие соображения в ущерб спокойной художественности издания. <...> Я думаю, что успех есть яд, что не нужно бояться разрушать сооружённое, чтобы достигнуть совершенства, не количество, а качество важно в художественных вещах, особенно там, где нужно всё созидать. / Не правда ли, дорогой друг? Нужно много энергии, любви и терпеливой настойчивости, и эта нота, к сожалению, отсутствует как доминирующая в журнале. Всё это я говорю с трудом, отрешившись от личных симпатий» (*Боткин Ф. В.* Письмо И. С. Остроухову 1 января 1899 года. Париж // ОР ГТГ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 1304. Л. 1–2 об.).

⁸ *Остроухов И. С., Глаголь С.* Указ. соч.

⁹ *А. Г.* Выставка русских и финляндских художников...

¹⁰ Селиванов Н. Ф. В. Боткин // Санкт-Петербургские ведомости. – 1902. – 7 (20) сентября. – № 244.

¹¹ Муратов П. Выставка «Союза русских художников» // Русское слово. – 1907. – 16 февраля. – № 37. – С. 4.

¹² Цит. по: Глаголь С. Фёдор Владимирович Боткин. С. 11–12.

¹³ В предыдущих публикациях датой переезда Ф. В. Боткина из Милана в Париж указывался 1889 год. Однако, научно-исследовательская работа по уточнению биографических фактов жизни художника продолжается и в настоящее время. Недавно были обнаружены новые материалы, вносящие изменения в датировку переезда художника из Италии во Францию. Вероятнее всего, Фёдор Боткин окончательно обосновался в Париже с осени (лета) 1890 года. Последнее письмо, которое удалось обнаружить отправленным из Милана, свидетельствующее о «домашнем» характере пребывания художника в этом городе, датируется 28 марта (9 апреля) 1890 года: *Боткин Ф. В.* Письмо П. П. Боткину. 28 марта / <9 апреля> 1890. Милан // ОПИ ГИМ. Ф. 122. Оп. 1. № 190. Л. 9.

¹⁴ В общей сложности за границей художник прожил почти 19 лет, вплоть до своей смерти в 1905 году. Однако в последние три года жизни творческое сознание мастера почти полностью угасло. В 1902 году Фёдор Боткин тяжело заболел, что серьёзно повлияло на его нервное и психологическое состояние. Подробнее об этом см.: *Давыдова О. С.* Фёдор Боткин. Апология воображения // Собрание. – 2011. – Июнь. – № 2. – С. 26–35; *Давыдова О. С.* Замоскворецкий парижанин Фёдор Боткин // «Дух символизма. Русское и западноевропейское искусство в контексте эпохи конца XIX – начала XX века» / науч. ред.-сост. М. В. Нашокина. – М., 2012. – С. 528–549; *Давыдова О. С.* Сады забвения: Ф. В. Боткин, А. И. Савинов, Н. Я. Хавкина и другие // *Давыдова О. С.* Иконография модерна. Образы садов и парков в творчестве художников русского символизма. – М., 2014. – С. 334–383.

¹⁵ Замечу, что благодаря супруге Остроухова, Надежде Петровне Боткиной, Фёдор Владимирович и Илья Семёнович состояли в некровном родстве, причём свою многолетнюю корреспонденцию, адресованную Остроухову, Боткин иногда так и подписывал: «...искренне любящий Вас и преданный Вам двоюродный брат Фёдор Боткин». Фёдор Владимирович был в родстве и с Александрой Павловной Третьяковой, вышедшей замуж за двоюродного брата художника, петербургского коллекционера С. С. Боткина.

¹⁶ *Боткин Ф. В.* Письмо И. С. Остроухову. [Весна 1892?]. Париж // ОР ГТГ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 1275. Л. 1 об – 2.

¹⁷ *Боткин Ф. В.* Письмо И. С. Остроухову. 16 октября 1898. Париж // ОР ГТГ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 1300. Л. 2 об.

¹⁸ *Боткин Ф. В.* Письмо И. С. Остроухову. 3 мая 1899. Париж // ОР ГТГ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 1308. Л. 3 об.

¹⁹ Уважительный отзыв о В. М. Васнецове как о «самобытном» художнике, который «на впечатление (сущности не знаю) такой не коммерсант», см.: *Боткин Ф. В.* Письмо И. С. Остроухову. [Весна 1892?]. Париж // ОР ГТГ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 1275. Л. 1 об.

²⁰ Подробнее см.: *Фет А.* Воспоминания. – М., 1983. – С. 322–327.

²¹ Вероятно, имеется ввиду церковь Успения Пресвятой Богородицы на Покровке, старостой которой был П. П. Боткин. В ноябре 1935 года Моссовет постановил

закрыть и снести Успенскую церковь, в связи с «острой» необходимостью расширения проезда по ул. Покровка.

²² Боткин Ф. В. Письмо П. П. Боткину. 19 марта 1896 // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 190. Л. 38–38 об.

²³ Боткин Пётр Кононович (1781—1853) – московский купец 1-ой гильдии, потомственный почётный гражданин (с 1832), основатель чаеоторгового дела: с 1854 – торговый дом, в 1893–1917 – товарищество чайной торговли «Петра Боткина сыновья».

²⁴ Подробнее об этом. см.: Давыдова О. С. Валентин Серов и Фёдор Боткин: история незримых встреч... С. 166–167.

²⁵ Боткин Ф. В. Письмо И. С. Остроухову. 3 (15) мая 1899, Париж – Москва // ОР ГТГ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 1308. Л. 3–3 об.

²⁶ Акты, описи и переписка по учёту коллекции Боткина Ф. В. 25.03.1919 – 7.02.1923 // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Ед. хр. 106. На 12 л.

²⁷ Остроухов И. С., Глаголь С. Указ. соч. Л. VII.

²⁸ Описи частного собрания Гучкова и переписка о взятии его на учёт. 23.09.1918 – 26.07.1922 // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Ед. хр. 61. Л. 75 об.

²⁹ Описи и переписка об осмотре, экспертизе и приказы о принятии на учёт художественных предметов в особняке вдовы профессора Боткина С. С. – принадлежащих Боткиным А. С. и А. П., акты и переписка о передаче художественных предметов из этой коллекции Русскому Музею, Государственному Эрмитажу и Академии Материальной Культуры. 5.VIII.1918 – 2.III.1925 // АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 1488. Л. 18. За предоставление данной информации автор выражает большую благодарность Е. В. Бакалдиной.

³⁰ Автор выражает искреннюю признательность Н. Ю. Семёновой за помощь в обнаружении материалов, связанных с С. И. Щукиным и М. А. Морозовым.

³¹ Боткин Ф. В. Письмо П. П. Боткину. 9 января 1897 // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 190. Л. 33.

³² Боткин Ф. В. Письмо П. П. Боткину. 2 апреля 1897 // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 190. Л. 43 об.

³³ Боткин Ф. В. Письмо П. П. Боткину. 8 апреля 1898 // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 190. Л. 99 об – 100.

³⁴ Щукин И. И. Письмо И. С. Остроухову. 22 ноября 1900 // ОР ГТГ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 7235. Л. 2.

³⁵ Яковлев И. Картинное дело в Париже и «негры» (Новое время. 1908. – 14 сентября. – № 11780) // ОР ГМИИ. Ф. XIII. Оп. III. Ед. хр. 3. Л. 4.

³⁶ Щукин И. И. Письмо И. С. Остроухову. 2 января 1901 // ОР ГТГ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 7236. Л. 1.

³⁷ Остроухов И. С. Письмо А. П. Боткиной. 7 января 1908 // ОР ГТГ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 505. Л. 1 об – 2.

³⁸ Броше Жан [Щукин Иван]. Некролог // Новое время. – 1905. – № 10409. 26 февраля (11 марта). Л. 13.

³⁹ Щукин И. И. На русской выставке // Щукин И. И. Парижские акварели. Очерки и корреспонденции. – СПб., 1901. – С. 188.

⁴⁰ Подробнее об этом см.: *Давыдова О. С. Экспансия образа: рамы эпохи модерна // Рама как объект искусства: материалы научной конференции / ред. кол. Т. Л. Карпова, Е. Д. Евсеева. – М.: ГТГ, 2015. – С. 169–181.*

⁴¹ *Боткин Ф. В. Письмо И. С. Остроухову. 3 (15) мая 1892. Париж – Москва // ОР ГТГ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 1282. Л. 2 об.*

⁴² *Боткин Ф. В. Письмо И. С. Остроухову. 1 мая 1899. Париж // ОР ГТГ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 1307. Л. 4.*

⁴³ См., например: *Давыдова О. С. Валентин Серов и Фёдор Боткин: история незримых встреч...; Давыдова О. С. Экспансия образа: рамы эпохи модерна...; Давыдова О. С. Концептуальный модерн: Слово – Образ – Место. – М., 2014. Статьи монографического характера см. примечание 14.*

Т. И. ГАНФ

*(Петровская академия наук и искусств;
Санкт-Петербург)*

В. С. НИКИФОРОВ

*(ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный
медицинский университет имени И. И. Мечникова»
Минздрава России; Санкт-Петербург)*

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВИЧА БОТКИНА

В последние годы большой интерес вызывает личность Евгения Сергеевича Боткина (1865–1918), биография которого в течение многих лет была тайной за семью печатями. Его имя не упоминалось даже в числе учеников и продолжателей медицинской школы его отца – выдающегося терапевта Сергея Петровича Боткина.

Публикуемые материалы о семье Боткиных грешат многочисленными неточностями и ошибками. Данная статья основывается, прежде всего, на архивных материалах: формулярных списках и наградных аттестациях.

Евгений Сергеевич Боткин родился 27 мая (8 июня) 1865 года в Царском Селе в семье профессора Императорской Медико-Хирургической академии Сергея Петровича Боткина (1832–1889) и его жены Анастасии Александровны, урождённой Крыловой (1835–1875). В эти годы семья Боткиных арендовала на лето дачу в Царском Селе у потомков врача лейб-гвардии Гусарского полка Иосифа Ведринского, располагавшуюся на пересечении Бульварной и Леонтьевской улиц¹. Зимой семья Боткиных арендовала квартиру в Санкт-Петербурге у Пяти Углов, во флигеле дома Лапиных № 22 по Загородному проспекту².

10(22) июня 1865 года младенец был крещён и наречён Евгением (благородный) в Екатерининском соборе Царского Села священником Михаилом Тихомировым в сослужении дьякона Тимофея Парвова. Восприемниками были московский 1-й гильдии купец Пётр Петрович Боткин, брат Сергея Петровича³, жена губернского секретаря Александра Ивановна Крылова и девица Мария Александровна Крылова⁴.

В 1878–1883 годах Евгений обучался во 2-й Петербургской гимназии имени Александра II. Евгений, как и его четыре брата, полу-

чил дополнительно прекрасное домашнее образование, брал частные уроки музыки у М. А. Балакирева и Н. А. Римского-Корсакова, изучал иностранные языки, занимался с репетиторами. Общение с выдающимися деятелями науки, культуры было характерно для интеллигенции Петербурга. В семье Боткиных радушно встречали гостей, музицировали, общались, привлекая друзей сердечностью отношений⁵. Сохранилась переписка юноши Евгения с учителем – Милием Алексеевичем Балакиревым, свидетельствующая об огромном влиянии педагога на внутренний мир ученика⁶.

В 1883 году Евгений [ил. 1] поступил в Императорский Санкт-Петербургский университет на физико-математический факультет⁷,

но уже через год, в 1884, поступил на младшее отделение подготовительного курса Императорской Военно-Медицинской академии (ИВМА), где преподавал его отец. Старший брат – Сергей Сергеевич Боткин был с 1900 по 1909 год профессором ИВМА, там же учился и защитил докторскую диссертацию брат Александр Сергеевич Боткин, оставивший врачебную карьеру ради морских открытий и гидрографических экспедиций, в том числе на Крайнем Севере и на Байкале.

11 ноября 1889 года Евгений Боткин окончил ИВМА со званием «лекарь» с отличием и награждением премией Пальцева (как третий по старшинству баллов на курсе из 150

Ил. 1. Е. С. Боткин. 4 января 1886 года. Фотобумага, фотопечать. 15,2 × 10,1. Собрание СПбГМИСР
Электронное изображение предоставлено
К. Мельник-Боткиной,
правнучкой Е. С. Боткина

человек). А через месяц – 12 декабря 1889 года – в Ментоне скончался отец, Сергей Петрович Боткин, погребённый на кладбище Петербургского Новодевичьего женского монастыря.

20 января 1890 года Евгений Сергеевич был принят в Мариинскую больницу для бедных в Санкт-Петербурге, принадлежащую Ведомству Учреждений Императрицы Марии (ВУИМ), последовательно проходя врачебную практику в терапевтическом, хирургическом, заразном отделениях в качестве ассистента-интерна, сверхштатного ординатора⁸. Возглавлял больницу ученик С. П. Боткина – лейб-медик Владимир Иасонович Алышевский. Научная и практическая сторона медицинского дела в больнице была поставлена Сергеем Петровичем Боткиным, много потрудившимся для улучшения больничного дела в Петербурге⁹.

20 декабря 1890 года Евгений Сергеевич откомандирован за границу с научной целью, работая в европейских медицинских центрах над докторской диссертацией и изучая организацию больничного дела. 24 июня 1893 года ему присвоено звание доктора медицины за диссертацию «К вопросу о влиянии альбумина и пентона на некоторые функции животного организма»¹⁰. С 24 апреля 1895 по 23 апреля 1896 года состоялась научная командировка в клиники Гейдельберга и Берлина¹¹.

С 14 мая 1892 года по приглашению своего бывшего педагога – Милия Алексеевича Балакирева, Евгений Сергеевич становится врачом Императорской Придворной Капеллы Придворного ведомства. Казалось бы, прочное положение, прекрасный оклад, интересный круг общения, возможность широкой практики, но Евгений Сергеевич возвращается в январе 1894 года к исполнению обязанностей сверхштатного врача в Мариинской больнице, замещая старших врачей отделений в случае необходимости по приказу главного врача. Приобретя опыт, он вступает на педагогический путь¹².

12 мая 1897 года Евгений Сергеевич был удостоен звания приват-доцента ИВМА по внутренним болезням с клиникой с правом проведения занятий в клиниках Мариинской больницы¹³ и в клиническом военном госпитале. На фасаде здания клиники баронета Виллие Военно-медицинской академии в 2016 году была установлена памятная доска с именем её выпускника, приват-доцента, святого врача Евгения Сергеевича Боткина, напротив памятника его отцу – академику Сергею Петровичу, установленному к 10-летию со дня его кончины в 1899 году, одновременно с присвоением улице наименования «Боткинская».

Евгений Сергеевич активно и часто безвозмездно поддерживал инициативы Российского Общества Красного Креста (РОКК), в том

числе Троицкую общину сестёр милосердия, существующую в Петербурге с 1840-х годов, где Евгений Сергеевич работал сверхштатным (безвозмездным) врачом с 19 ноября 1897 года, а с 25 апреля 1899 года – врачом амбулатории. В 1899–1903 годах трудился в амбулатории Елизаветинской общины сестёр милосердия, где главным врачом был его брат – С. С. Боткин¹⁴. Почти десять лет были отданы служению в Георгиевской общине, куда Евгений Сергеевич был приглашен на должность главного врача с 1 января 1899 – с одновременным назначением врачом при Клинического военном госпитале в чине VI разряда с прекращением деятельности в Мариинской больнице¹⁵.

РОКК неоднократно награждало Е. С. Боткина за огромную работу не только в общинах, но и в Совете складов РОКК, в Главном управлении РОКК, в организации новых общин сестёр милосердия. 5 марта 1899 года Евгений Сергеевич Боткин был награждён орденом Св. Анны 3-й степени «за усердный труд в общинах сестёр милосердия Красного Креста». Георгиевская община способствовала распространению сестринского дела в России, основав несколько провинциальных общин: Туркестанскую, Бугурусланскую, Самарскую, Георгиевскую в Болгарии. В годы работы в Георгиевской общине Е. С. Боткин продолжает научно-педагогическую деятельность, используя возможности клиник Георгиевской общины, прекрасно оборудованной водолечебницы (института гидро-радио-светолечения) и лаборатории при общине.

С 1900 года Е. С. Боткин – член-учредитель Санкт-Петербургского врачебного Общества взаимной помощи, возникшего из студенческого курсового братского союза взаимной помощи. Он активно участвовал в организации Товарищеских бесед по вопросам врачебной этики и совершенствованию законодательства по медицинским вопросам. Занимал посты Председателя, казначея, секретаря Санкт-Петербургского врачебного общества взаимной помощи, участвовал в регулярных изданиях Вестника этого общества в 1901–1917 годах, предоставляя статьи и тексты своих выступлений.

30 декабря 1901 года состоялся доклад Е. С. Боткина на XI съезде русских естествоиспытателей и врачей (в Санкт-Петербурге) «Исследования по морфологии белого шарика крови за последние десятилетия». Исследования взаимосвязи морфологии крови и иммунитета человека были научным приоритетом молодого учёного, который с интересом относился к трудам коллег по этой теме. Он горячо поддержал докторские диссертации Д. Г. Булаха, Н. Н. Сыренского, посвящённые исследованиям морфологии крови при различных заболеваниях.

15 мая 1902 года Е. С. Боткин получил орден Св. Анны 2-й степени по ходатайству РОКК «за отлично-усердную службу и особые труды» в общине Святого Георгия.

С началом русско-японской войны 2 февраля 1904 года Евгений Сергеевич Боткин направлен в действующую армию Южного района – Главноуполномоченным РОКК по медицинской части в Манчжурии. Принимал участие в боях: Вафангоу (1-2 июня), Ляоян (18-20 августа), на реке Шахе (28 сентября – 4 декабря 1904 года).

В 1904–1905 годах награждён рядом медалей, памятных знаков, орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами, с которым он не расставался и которые были при нём во время расстрела. Свой опыт участия в оказании помощи на поле современного, интенсивного боя он изложил 12 декабря 1906 года в выступлении на заседании Общества русских врачей в память С. П. Боткина «Красный Крест на русско-японской войне 1904–1905 гг. в районе действующей армии».

В январе-мае 1908 года вышла в свет книга Е. С. Боткина «Свет и тени русско-японской войны», опубликованная в «Вестнике Европы» и отдельным изданием.

С 6 мая 1905 года Евгений Сергеевич Боткин удостоен звания Почётного лейб-медика двора Его Императорского Величества¹⁶. С 13 апреля 1908 года он приглашён на должность личного врача Государя¹⁷. С ним братья Боткины были знакомы с детства, проводя иногда время в играх с Царскими детьми, по приглашению Императрицы Марии Фёдоровны, благоволившей к лейб-медику Сергею Петровичу Боткину.

Евгений Сергеевич был врачом всех членов Царской семьи. Но, не испытывая чувств ревности и зависти, он приглашал для консультаций лучших специалистов отиаров, окулистов, хирургов, ортопедов, среди которых немало широко известных в медицине имен: С. П. Фёдоров, Н. А. Вельяминов, В. Н. Долганов, Л. Г. Беллярминов, Г. А. Альбрехт, В. А. Оппель. С началом Первой Мировой войны Евгений Сергеевич просится в действующую армию, где служат два его старших сына. Его деятельность в русско-японскую войну, а также труды в Совете Центральных складов Красного Креста, в Военно-Медицинском учёном комитете (с 31 декабря 1914 года) могли принести ощутимую пользу при разворачивании медицинской помощи. Но Государь не отпустил его, поручив исполнять посильную работу в Царскоесельском эвакуационном районе, включавшем десятки медицинских учреждений и санитарных поездов. А также в Обществе здравниц в память войны (с сентября 1915 года), в Императорском Человеколюбивом обществе, где Е. С. Боткин возглавил Медико-Филантропический комитет (с 31 декабря 1914 года)¹⁸.

После отречения Государя именно Евгений Сергеевич ходатайствует о правах арестованной Царской Семьи. В ночь на 1 августа 1917 года он отправляется с ними в добровольную ссылку в Сибирь, оставляя двух своих несовершеннолетних детей в Петрограде. Они выехали позже самостоятельно к нему в Тобольск, где Евгений Сергеевич выполняет свой врачебный долг не только в отношении Наследника, членов Царской семьи, но и помогая заболевшим охранникам, выезжая на вызовы больных – местных жителей. Отвергнув предложение покинуть Царскую семью, Евгений Сергеевич и в последний час был верен своему долгу, стараясь встать на расстреле так, чтобы защитить своим телом Наследника. Трудно читать воспоминания тех, кто хладнокровно добивал невинные жертвы, в том числе и врача, неизменно дружелюбно и внимательно относившегося к охранникам. Но последнее письмо Евгения Сергеевича, оборванное на полуслове и обращённое к младшему брату – Александру, растворяет горечь и ужас преступления мужеством ожидающего расправы врача, его всепрощением и упованием на Бога милосердного.

В 1981 году Евгений Сергеевич Боткин был канонизирован Русской православной церковью Заграницей вместе с членами Царской семьи и слугами, убитыми в Ипатьевском доме. 16 октября 2009 года он, не совершивший никакого преступления, не находившийся под судом и следствием, был реабилитирован прокуратурой Российской Федерации.

3 февраля 2016 года произошло прославление Евгения Сергеевича Боткина в лике страстотерпцев. Свершился акт справедливости, которого ждали многие, а особенно врачи, и те, кто воспитывает, учит но-

Ил. 2. Е. С. Боткин. 1912
Фотобумага, фотопечать. 15,2 × 10,1
Собрание СПбГМИСР. Электронное изображение предоставлено К. Мельник-Боткиной, правнучкой Е. С. Боткина

вое поколение врачей. В Военно-Медицинской академии в октябре 2017 года освящён храм-часовня во имя святого Евгения (Боткина). На нескольких кафедрах академии есть его портреты, иконы, небольшие музейные экспозиции, посвящённые Боткиным-медикам.

Награды Е. С. Боткина

Российские ордена: Св. Владимира 3-й степени (19 мая 1905 года); Св. Владимира 4-й степени (17 октября 1904 года); Св. Станислава 1-й степени (6 мая 1913 года); Св. Станислава 3-й степени (1 января 1895 года); Св. Анны 1-й степени (1915); Св. Анны 2-й степени (15 мая 1902 года); Св. Анны 3-й степени (1 января 1899 года).

Ил. 3. Е. С. Боткин с детьми Глебом, Татьяной, Юрием и Дмитрием. 1910. Фото-бумага, фотопечать. 10,1 × 15,2. Собрание СПбГМИСР. Электронное изображение предоставлено К. Мельник-Боткиной, правнучкой Е. С. Боткина

Иностранные ордена: Болгарский – «За гражданские заслуги» (1900); Сербский – Св. Саввы 2-й степени (13 марта 1910 года); Гессенский – Св. Филиппа Великодушного, Почётный крест (1910); Шведский – Полярной звезды Командорский крест (1909); Бухарский – Золотой звезды с бриллиантами (1912).

Знаки Красного Креста: Русский (1900), Болгарский, Сербский (7 июля 1914 года).

Медали: серебряная «В память Императора Александра III» (12 мая 1897 года), Красного Креста серебряная «В память войны 1904–1905 гг.», светло-бронзовая «В память русско-японской войны», «В память войны 1812 года», «В память 300-летия Дома Романовых».

Нагрудные знаки: в ознаменование 100-летия Ведомств учреждений Императрицы Марии, 100-летия Императорской Военно-медицинской академии, Красного Креста, 300-летия Дома Романовых.

Награждён портретами Короля и Королевы Швеции (10 июля 1912 года).

Состоял в браке с 7 января 1891 по 21 ноября 1910 года с Ольгой Владимировной, урождённой Мануиловой, во втором браке Лихингер¹⁹. В браке родились дети: Сергей (12.09.1892 – 18.03.1893, Санкт-Петербург)²⁰, Дмитрий (13.02.1894 – 03.12.1914, убит в бою), Юрий (Георгий) (08.10.1895 – 1941, Берлин), Татьяна (28.08.1898 – 01.04.1986, Франция), Глеб (17.07.1900 – 1969, Шарлоттсвилль, США) [ил. 3]. Дети после ухода матери из семьи остались с отцом, который в своих письмах к детям показал себя мудрым наставником, сердечным и заботливым отцом, настоящим христианином.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф 365. Оп. 1. № 11. Л. 152.

² Ильин Ф. И. Адреса жизни и деятельности лейб-медика Е. С. Боткина. – СПб.: 2016. Л. 7–8.

³ Евгений до конца жизни крёстного состоял с ним в переписке. См. ОПИ ГИМ Ф. 22. № 167, 168, 384, 472, 603, 604.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 446. Л. 46 об – 47.

⁵ Егоров Б. Ф. Боткины. История семьи. – СПб.: Наука, 2004.

⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф 162. Оп. 4. № 139.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 22261.

⁸ Там же. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246.

⁹ Там же. Ф. 206. Оп. 1. Д. 55.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 403, Оп. 1. Д. 277. Л. 5 об – 6.

¹¹ Боткин Е. С. Из отчёта за 2-е полугодие заграничной командировки. Сообщено в Сопещании врачей Мариинской больницы для бедных 04.05.1896. – СПб. Тип. М. М. Стасюлевича, 1896. – 10 с.; Сборник трудов врачей Мариинской больницы 1898 год. – Вып. 5. – С. 12–21; Больничная газета Боткина. – 1896. – С. 694, 791.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246.

¹³ Там же. Л. 62.

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 191. Д. 1205-а.

¹⁵ РГИА. Ф. 1298. Оп. 3. Д. 260, Ф. 403. Оп. 1. Д. 277.

¹⁶ РГИА. Ф. 427. Оп. 66. Д. 74.

¹⁷ Е. С. Боткин консультировал и лечил не только членов Царской семьи (например, Великого князя Дмитрия Константиновича), но и многочисленную прислугу, представители которой в революцию с благодарностью помогли детям лейб-медика.

¹⁸ РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 1133.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 116. Л. 184 об, 185; РГИА. Ф. 769. Оп. 191. Д. 1205-а.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 212. Л. 210 об – 211; Д 281. Л. 350 об – 351.

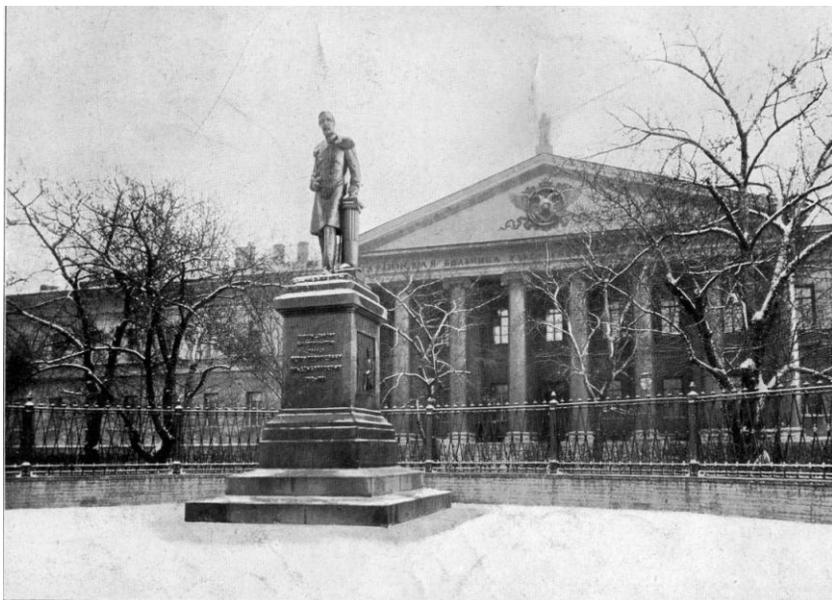

А. В. КОВАЛЕВСКИЙ
*(Музей истории Мариинской больницы;
Санкт-Петербург)*

Е. С. БОТКИН: ВРАЧ И ПЕДАГОГ

Е. С. Боткин в 1889 году окончил Императорскую Военно-Медицинскую Академию третьим по списку со званием лекаря с отличием и был награждён премией Пальцева. 20 января 1890 года он был определён на службу в Санкт-Петербургскую Мариинскую больницу для бедных [ил. 1]. Главный врач и директор больницы В. И. Алышевский, ученик С. П. Боткина, на прошении Евгения Сергеевича написал: «Лично зная г. Боткина, как прекрасно подготовленного и усердного молодого человека, ходатайствую об определении его на должность врача-интерна»¹.

В январе 1890 года, собираясь жениться, Е. С. Боткин, по требованиям того времени, обратился с прошением к своему начальству,

*Ил. 1. Санкт-Петербургская Мариинская больница для бедных. 1904
Собрание Музея Мариинской больницы, Санкт-Петербург*

в данном случае, к В. И. Альшевскому: *«Прошу разрешить вступить в брак с девицей дочерью потомственного дворянина, домашней наставницей Ольгой Владимировной Мануйловой»*. Не возражая против вступления Боткина в брак, директор направил письмо Почётному опекуну: *«Врач ассистент-интерн заведомой мною Мариинской больницы для бедных желает вступить в законный брак и потому оставаться в занимаемой должности не может. В виду сего, а также в высшей степени усердной и полезной службы Боткина ходатайствую у Вашего Сиятельства о причислении его на одну из имеющихся вакансий сверхштатного врача»*. С 9 декабря 1890 года, с соизволения Главного управляющего больницей князя Г. С. Голицына, Боткина перевели на вакансию сверхштатного врача, и с 20 декабря он был командирован с научной целью за границу².

7 января 1891 года молодожёны обвенчались в церкви Святой Великомученицы Екатерины при Императорской Академии Художеств.

Приказом по Собственной Его Императорского Величества Канцелярии по Учреждениям Ведомства Императрицы Марии от 27 марта 1891 года Боткина назначили сверхштатным ассистентом Мариинской Больницы для бедных, а с 14 мая 1892 года перевели на штатную должность врача Придворной капеллы.

В 1893 году Е. С. Боткин защищает диссертацию на тему *«К вопросу о влиянии альбумоз и пентонов на некоторые функции животного организма»*³.

В начале 1894 года Евгений Сергеевич Боткин подаёт прошение о принятии в число ординаторов Мариинской больницы для бедных, на котором 12 января Альшевский написал: *«Не встречает препятствий»*. 13 января Боткин был определён на должность сверхштатного врача Мариинской больницы для бедных⁴. Он занимается и лечебной, и экспериментальной деятельностью в больничных палатах и в лаборатории, неоднократно выступает с сообщениями в заседаниях врачей Мариинской больницы для бедных: *«К вопросу о влиянии альбумоз и пентонов на некоторые функции животного организма»* (1893); *«О растворимости белых кровяных шариков в пентоне. (Экспериментальное исследование из лаборатории Мариинской больницы)»* (1894); *«О лейкоцитоллизе»* (22 марта 1895 года); *«O generation metamorphotica quasi spontanea Ван-Ниссена»* (28 октября 1895 года); *«Из больничной казуистики»*. (2 ноября 1896 года)⁵.

В 1893–1894 годах он занимается проблемами отита у брюшно-тифозных больных, пациенток женского терапевтического отделения⁶.

В конце 1894 года очередная группа молодых врачей направляется за границу. Больница располагала средствами на содержание только двух человек. Ими стали С. П. Шуенинов и А. Л. Степанов. Желая включить в число командированных и Е. С. Боткина, Алышевский обращается с просьбой о финансировании к его дяде П. П. Боткину.

В начале 1895 года В. И. Алышевский извещает о своём решении Почётного опекуна, управляющего Мариинской больницей графа Н. А. Протасова-Бахметьева: *«Озабоченный издавна подготовкою необходимого контингента врачей, из которых при нужде можно было бы выбрать лицо, удовлетворяющее требованиям, предъявляемым Уставом больницы и старшим врачом, я, выступив с ходатайством от 3 октября, не решился обременять Ведомство испрошением средств на посылку за границу более чем двух врачей. Я обратился с просьбой к председателю чайной фирмы «Пётр Боткин и сыновья» коммерции советнику П. П. Боткину о выдаче им средств на поездку за границу Е. С. Боткина, сверхштатного врача, его племянника, доктора медицины». В письме от 26 января 1895 года П. П. Боткин сообщил о согласии оплатить командировку Е. С. Боткина. «Испрашиваемые мною деньги частично (2 тысячи рублей на 1-й год командировки) присланы, остальные (2 тысячи рублей на другой год) будут своевременно доставлены». Главный врач выразил П. П. Боткину благодарность за пожертвование: «Вами сделано крупное денежное приношение с целью дать возможность Мариинской больнице для бедных командировать за границу с научной целью сверхштатного врача Е. С. Боткина. Главнуправляющий Собственной его канцелярией разрешил мне таковое принять и просил выразить Вам, его, графа Бахметьева, благодарность за Ваше щедрое приношение в интересах Мариинской больницы для бедных»⁷.*

«Принимая с благодарностью назначенную мне командировку за границу с научной целью, – ответил Е. С. Боткин на хлопоты Главного врача, – обязуюсь употреблять время моего нахождения за границей на изучение внутренних болезней и биоматериалов, и предоставлять отчёты в Больницу о моих занятиях через каждые 6 месяцев»⁸.

28 октября 1895 года Боткин выступил в больничном совещании врачей Мариинской больницы для бедных с первым отчётом о заграничной поездке: *«С 26 апреля нашего стиля по 9 сентября я прожил в Берлине и был свидетелем того, как много там работают и во время семестра и в каникулярное время, как умеют там сочетать ежедневную практическую работу с постоянными научными лабораторными занятиями, как развита там потребность в научном движении вперёд, в постоянном расширении своих практических и теоре-*

тических знаний. Конечно, и там на всю огромную массу работающих выпадает известный процент работников недобросовестных»⁹.

4 мая 1896 года Евгений Сергеевич Боткин выступил перед врачами Мариинской больницы для бедных с отчётом за 2-е полугодие заграничной поездки¹⁰.

Находясь за границей, Евгений Сергеевич занимался в клинике профессора Черни, в Патологоанатомическом институте в Гейдельберге у профессора Арнольди, в лаборатории физиологической химии профессора Саньковского в Берлине, слушал лекции профессоров Вирхова, Бергмана, Эвальдса, невропатолога Громана, прошёл бактериологический курс у профессора П. Эрнста в Гейдельберге, курс практического акушерства у профессора Дюрсена в Берлине, там же хирургический курс у доктора Шланге, прослушал курсы по детским болезням профессора Богинского и по нервным болезням профессора Бернхардта. Работая летом во всех терапевтических клиниках и терапевтических отделениях городских больниц Берлина, прошёл специальные курсы клинической химии у приват-доцента Вейнтрауба (ассистент профессора Герхардта) и клинической бактериологии у доктора Руге в той же клинике и слушал лекции профессоров Герхардта, Сенатора, Лейлена, невропатолога Менделя, педиатра Хубнера, отоларинголога Б. Френкеля. В физиологической лаборатории профессора Х. Мунка Е. С. Боткин провёл исследование по морфологии крови и лимфы¹¹. Таким образом, он получил разносторонние медицинские познания на самом высоком уровне и был прекрасно подготовлен к самостоятельной лечебной и научной работе.

Весной 1897 года он начал читать лекции для студентов ИВМА. Первая пробная лекция на звание приват-доцента ИВМА называлась «О клиническом применении форм растворения белых шариков крови». 12 мая 1897 года он получает звание приват-доцента ИВМА по внутренним болезням с клиникой. В удостоверении, подписанном 30 сентября Е. В. Павловым, говорилось, что «со стороны Мариинской больницы для бедных нет препятствий для чтения лекций для студентов приват-доцентом ИВМА, доктором медицины надворным советником Е. С. Боткиным»¹².

Е. С. Боткин был превосходным практическим врачом, имевшим к тому же свои собственные взгляды на взаимоотношения врача и больного. Во вступительной лекции студентам 3-го курса ИВМА 18 октября 1897 года он, в частности, говорил: «*«Больница – для больных» – этот девиз должен лечь в основу нашего отношения к больным»*¹³.

Наблюдая пациентов Мариинской больницы для бедных, Евгений Сергеевич Боткин анализирует контингент больных, подмечая

особенности общения с ними и трудности составления анамнеза, истории болезни. «Получить обстоятельные и толковые сведения от людей совершенно простых и необразованных представляется иногда очень нелёгкой, кропотливой, требующей много времени, как я уже упоминал вам, но и большого терпения. Больные, часто лечившиеся и перевидавшие немало докторов, станут закидывать, желая подделаться под ваш язык, различными названиями вроде катара (особенно излюбленное выражение), малокровий, горячек и т. п.; другие, наоборот, в первый раз, может быть, на медицинский допрос, с неохотой будут отвечать на ряд ваших, по их мнению, совершенно пустых, а иногда и неуместных вопросов; третьи, наконец, постараются рассказать вам всё с самого начала и с самыми мельчайшими подробностями. Эта категория больных может оказаться самой тяжёлой, но я рекомендую её вам как наиболее поучительную... Никогда не обрывайте такого больного, пусть он вам расскажет всё с самого начала. Как он понимает и настоящие, и предшествующие свои страдания, пусть расскажет и о своих родных, и вы не только приобретёте немало анамнестических данных, но можете услышать и о разных терапевтических вмешательствах, либо народных, либо наших врачебных, видоизменённых самой жизнью. Напротив же, старайтесь, чтобы всякий больной разохотился рассказать вам всё, что с ним бывало и что случилось теперь. Понятно, что в этих рассказах может быть и много лишнего... но если вам придётся укоротить его, вам нужно сделать это так, чтобы вы могли всё-таки почерпнуть возможно больше важных для вас и вашего больного сведений. Для этого вы должны руководить рассказом, должны направлять его, вам нужно уметь слушать. Умение слушать – это то драгоценное свойство, которое располагает к откровенности, которое заставляет чужих людей нести к вам свои заветные мечты и думы, которое заставляет их выкладывать свою душу. Вы спрашиваете меня, как приобрести это умение? Для этого необходимо только одно условие – ваше сердечное участие к больному и искренний интерес к его рассказу. Так не скупитесь же, пручайтесь широкой рукой давать его тому, кому оно нужно. Раз приобретённое вами доверие больных переходит в искреннюю привязанность к вам, когда они убеждаются в вашем неизменном сердечном отношении. Когда вы входите в палату, вас встречает радостное и приветливое настроение – драгоценное и сильное лекарство, которым вы нередко больше поможете, чем микстурами и порошками»¹⁴.

В опубликованной в 1903 году работе «Что значит “баловать больных”?» Е. С. Боткин писал о том, что врач «никогда не должен забывать, что перед ним больной человек, нередко страдающий от

своей нервной болезни не менее чем другой от физической, и заслуживающий сердечного и внимательного участия. Знакомство с душевным миром больного врачу не менее важно, чем представление об анатомических изменениях и нарушениях физиологических функций»¹⁵.

19 ноября 1897 года Е. С. Боткина назначают сверхштатным врачом амбулаторной лечебницы Свято-Троицкой общины сестёр милосердия с оставлением на службе в Мариинской больнице для бедных.

В 1898 году Н. Я. Чистович, Главный врач Георгиевской общины с 1895 года, был назначен на должность экстраординарного профессора Императорской Военно-медицинской академии по кафедре заразных болезней. 27 ноября 1898 года Совет Управления Общины постановил избрать на вакантную должность Главного врача исполняющего должность старшего врача Мариинской больницы для бедных Е. С. Боткина. Предложение было представлено на утверждение Императрице Марии Фёдоровне. На запросе сестры-настоятельницы баронессы В. Е. Врангель: «Нет ли препятствий со стороны Мариинской больницы?», – директор больницы Е. В. Павлов написал: «Препятствий нет»¹⁶. С 1 января 1899 года Боткин был назначен Главным врачом Георгиевской общины, и одновременно служил врачом 4-го разряда для командировок при Клиническом военном госпитале.

В течение 1902–1903 годов по поручению Конференции Военно-медицинской Академии Е. С. Боткин читал лекции студентам V курса на кафедре госпитальной терапии и проводил занятия со студентами Академии в качестве одного из трёх заместителей профессора Ф. И. Пастернацкого; в 1904 году, также по поручению Конференции, читал лекции по частной патологии и терапии с пропедевтикой, вёл практические занятия со студентами III курса в качестве одного из двух заместителей профессора В. Н. Сиротинина.

Евгений Сергеевич часто оказывал помощь в научной работе своим друзьям и коллегам. Среди них был и одновременно с ним вышедший из Академии и поступивший в Мариинскую больницу для бедных Александр Леонтьевич Степанов, который последовательно состоял экстерном, ассистентом-интерном и сверхштатным ординатором Мариинской больницы для бедных. В 1895–1896 годах, в одно время с Е. С. Боткиным он находился в заграничной командировке от УВИМ для усовершенствования в изучении внутренних болезней и бактериологии. Диссертацию А. Л. Степанов защитил в 1900 году. Цензорами диссертации, по поручению конференции были профессора С. С. Боткин, И. М. Альбицкий и приват-доцент Е. С. Боткин. *«В заключение считаю своим долгом выразить мою глубокую благодарность многоуважаемому профессору С. С. Боткину за предложение*

темы для настоящей работы, за советы и указания при исполнении её, а также за любезное предоставление пользоваться его библиотекой. Приношу мою сердечную благодарность многоуважаемому приват-доценту Е. С. Боткину за его постоянную готовность делиться своими познаниями и за проявление живого интереса к этой работе. За предоставление пособий для настоящих исследований, производящихся в патологоанатомическом кабинете Мариинской больницы, приношу мою душевную признательность многоуважаемому С. П. Шуенинову»¹⁷.

В том же 1900 году диссертацию на тему «К вопросу об изменениях ткани яичников при некоторых условиях их пересадки» на материалах Императорского клинического повивального института и лаборатории при Общине Святого Георгия готовил Василий Васильевич Преображенский (1874—1944). «Спешу воспользоваться традициями, – писал он в заключение своей работы, – чтобы высказать мою глубочайшую благодарность Е. С. Боткину, любезно предоставившему мне не только обширное помещение, но и все средства прекрасной лаборатории Общины»¹⁸.

С началом Русско-японской войны Евгений Сергеевич Боткин был назначен главным врачом, заведующим медико-санитарной службой РОКК при Маньчжурской армии на Дальнем Востоке. Своё отношение к той войне он выразил в своей книге «Свет и тени Русско-японской войны»¹⁹.

Рядом с Евгением Сергеевичем Боткиным на Дальнем Востоке находились несколько его друзей по академическому выпуску и коллег по Мариинской больнице для бедных. Василий Иванович Давыдов был определён на должность интерна Мариинской больницы для бедных с 1 июня 1889 года, а с 26 января 1892 года перемещён на должность сверхштатного врача той же больницы. В 1899 году с отрядом РОКК, который возглавлял прозектор Мариинской больницы Н. И. Кусков, он был командирован в Южную Африку, где проходила Англо-бурская война, а 8 февраля 1904 года – на Дальний Восток в распоряжение РОКК с сохранением содержания. В книге «Свет и тени...» Боткин упоминает о своём общении с Давыдовым. «Бомбардировка Ляояна. 3-е сентября 1904 г. Мукден: Когда мы подъехали к Георгиевскому госпиталю, он собирался выносить своих раненых на платформу... Я попросил Давыдова, чтобы, вынеся всех раненых и больных, он свернул госпиталь, согласно распоряжению Ф. Ф. Трепова, и пригласил бы сестёр укладывать свои вещи... Я пришёл в опустевший госпиталь поторопить сестёр и пошёл по палатам. Грустный, могильный обход!.. Давыдов предложил зайти в церковь, пустой покинутый шатёр, и мы с ним в последний раз помолвились в Ляояне; это было что-то вроде литии над трупом много поработавшего госпиталя»²⁰.

10 февраля 1905 года приказом главнокомандующего Маньчжурскими армиями за № 235 В. И. Давыдов был «Всемилоостивейше награждён за дела против японцев» орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами.

Парфений Павлович Лампсаков (1862—1919) был зачислен на должность интерна Мариинской больницы для бедных с 15 января 1889 года, диссертацию защитил 14 мая 1894 года²¹. С 4 августа 1904 года Лампсаков находился в действующей армии на Дальнем Востоке в должности Главного врача Дивизионного лазарета 37-й Пехотной дивизии в Харбине. Работал вблизи линии огня, отчасти под огнём, во время боёв под Шахе, Тульянхо, Тонсанси, Хуамаль. Был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени, 7 декабря 1907 года пожалован мечами к этому ордену. Е. С. Боткин подарил ему свою книгу «Свет и тени...» с надписью: «Дорогому Парфению Павловичу Лампсакову на память о хороших часах походной жизни и радостей мирных во время войны. 13.03.1909»²².

После войны Е. С. Боткин помогает молодым коллегам в обобщении опыта, полученного на полях сражений. В 1906 году готовит к защите диссертацию «Паратифозные заболевания в Манчжурии» выпускник Казанского Императорского Университета 1900 года В. А. Барыкин, служивший с 1904 года врачом-терапевтом на сибирском военно-санитарном поезде княгини Юсуповой. Цензорами дис-

Ил. 2. Музей Санкт-Петербургской Мариинской больницы

сертации по поручению Конференции Академии были профессор В. Н. Сиротинин, профессор Н. Я. Чистович и приват-доцент Е. С. Боткин. «Бактериологическая и экспериментальная часть настоящей работы, а также систематизация клинического материала по паратифозным и брюшно-тифозным инфекциям в Маньчжурских армиях сделаны под руководством глубокоуважаемого Е. С. Боткина, которому считаю своим долгом выразить здесь искреннюю благодарность за живой интерес, проявляемый к моей работе, за постоянную готовность прийти на помощь своими ценными советами и указаниями», – отметил в заключении автор²³.

6 мая 1905 года Е. С. Боткин был пожалован в почётные лейб-медики Двора Его Императорского Величества.

В очередной раз представляя Е. С. Боткина к награждению, сестра-настоятельница В. Е. Врангель от лица Общины аттестовала его так: «Считаю долгом засвидетельствовать, что медицинское дело Общины Святого Георгия стоит в настоящее время на должной высоте благодаря, главным образом, неутомимой энергии, инициативе и заботе Главного врача Общины Е. С. Боткина, который относится с глубокой симпатией к делу, вкладывает в него всю свою душу, опыт и обширные знания. Особенно драгоценными качествами Е. С. Боткина, как врача, является его гуманное и в высокой степени сердечное отношение к больным, ищущим его помощи. Как врачу-преподавателю Община Святого Георгия обязана Евгению Сергеевичу Боткину подготовкою целого ряда образцовых сестёр милосердия. Наконец, как администратор, он личным своим трудом много содействует расширению и усовершенствованию

Ил. 3. Стенд с информацией про Е. С. Боткина

учреждений Общины, принимает самое живое и близкое участие во всех хозяйственных мероприятиях»²⁴.

Весной 1908 года по желанию Императрицы Александры Фёдоровны Е. С. Боткин был назначен лейб-медиком Его Императорского Величества.

В настоящее время в Санкт-Петербургской Мариинской больнице находится музей [ил. 2], занимающий один большой зал, в котором один из стендов посвящён Евгению Сергеевичу Боткину [ил. 3].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246. Л. 4.

² Там же. Л. 13, 20.

³ Боткин Е. С. К вопросу о влиянии альбумоз и пентонов на некоторые функции животного организма. – СПб.: тип. Товарищества «Общественная польза», 1893.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246. Л. 38.

⁵ Сборник трудов врачей Мариинской больницы. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1898. – Вып. 5. – С. 22–41, 151–174.

⁶ Боткин Е. С. Об отитах при брюшном тифе. (Клиническое наблюдение) // Сборник трудов врачей. – Вып. 3. – 1895. – С. 196–212.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246. Л. 43.

⁸ Там же. Л. 44.

⁹ Боткин Е. С. Из отчёта за первое полугодие заграничной командировки // Сборник трудов врачей СПб Мариинской больницы. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1896. – Вып. 4. – С. 74.

¹⁰ Сборник трудов врачей Мариинской больницы. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1898. – Вып. 5. – С. 12–21.

¹¹ Нахапетов Б. А. Врачебные тайны дома Романовых. – М.: Вече, 2007.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246. Л. 62.

¹³ Лекции приват-доцента С.-Петербургской Медико-Хирургической Академии Е. С. Боткина, выпуск II / Сост. В. В. Тыренко. – СПб.: Кафедра факультетской терапии им. С. П. Боткина Военно-Медицинской Академии им. С. М. Кирова, 2012.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246. Л. 75–78.

¹⁷ Степанов А. Л. О влиянии ризина при отравлении и иммунизации на лейкоцитоз (экспериментальное исследование). Диссертация на степень доктора медицины. – СПб.: тип. кн. В. П. Мещерского, 1899.

¹⁸ Преображенский В. В. К вопросу об изменениях ткани яичников при некоторых условиях их пересадки. – СПб.: Губернская тип., 1900.

¹⁹ Боткин Е. С. Свет и тени Русско-японской войны. 1904–1905 гг. (Из писем к жене). – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1908.

²⁰ Там же. С. 84–88.

²¹ Лампсаков П. П. К вопросу о лапаротомии при туберкулезном перитоните. – СПб.: Типо-литография В. А. Вацлика, 1894.

²² *Боткин Е. С.* Свет и тени Русско-японской войны. 1904–1905 гг. (Из писем к жене). – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1908. Книга с автографом хранится в Санкт-Петербурге, Медицинская библиотека Городского центра медицинской профилактики. Читальный зал. № 120827.

²³ *Барыкин В. А.* Паратифозные заболевания в Манчжурии. (Из Московского бактериологического отряда памяти С. П. Боткина и бактериологической лаборатории Общины Св. Георгия). – СПб., 1906.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 125. Л. 54–54 об.

А. Н. АШЕШОВА

*(Университетская библиотека языков и цивилизаций;
Париж)*

НОВОЕ О БИОГРАФИИ И. И. ЩУКИНА ПО МАТЕРИАЛАМ ФРАНЦУЗСКИХ АРХИВОВ

После выставки собрания С. И. Щукина в Париже в 2016 году¹ возникло своеобразное паломничество на его могилу на кладбище Монмартра (1-й участок, 4-й ряд, Польская дорожка, 24-я могила), в которой он похоронен со второй супругой и их дочерью. Но первым в 1908 году здесь лёг в эту землю Иван Иванович Щукин, младший брат коллекционера.

Скупые факты о нём изложены в нескольких публикациях²: младший сын Ивана Васильевича Щукина и Екатерины Петровны Боткиной, родившийся в 1869 году, соученик И. Э. Грабаря по катковскому лицее, тонкий ценитель искусств и женщин, преподаватель в парижской Школе восточных языков (Langues'O), корреспондент русских газет под своим именем и псевдонимами: Жан Броше и доселе остававшимся неизвестным «S. S.»³... На портрете [ил. 1] кисти своего друга, Игнасио Сулоага, предстаёт изящный высокий молодой brunet с острой бородкой на фоне испанского пейзажа прислонившийся к большому валуну, держащий в левой руке мягкую фетровую шляпу и трость⁴.

*Ил. 1. Сулоага И. Портрет И. И. Щукина
Около 1904. (Государственный Эрмитаж)
Воспроизведено по: Le Monde illustré. –
1903 – № 15. – Р. 16*

Добрую половину жизни И.И. Щукин прожил в Париже; он тяготился Россией, как свидетельствует И. Э. Грабарь, «он ненавидел

Москву и переселился навсегда в Париж, который обожал. <...> Он был единственным из братьев, любившим жизнь и её радости и умевшим их смаковать», и «уже в лице в нём были заметны в зародыше все эти черты, развивавшиеся на моих глазах и превращавшие 15-летнего мальчика в распутника и прожигателя жизни»⁵. Сам Щукин писал: «...вспоминается мне, как года три тому назад, после долго отсутствия пришлось мне вернуться на короткий только срок в родную страну⁶. Только две недели прожил я в отечестве и в этот недолгий промежуток времени успел заметить, насколько я отвык от тамошних условий, от всего склада русской жизни. ...почти непосредственно за переездом на русскую почву русская действительность тяжело даёт себя знать множеством досадных мелочей, которые как-то незаметны постоянному жителю... Говорю о мелочах, чтобы не упоминать о более важных, о более серьёзных вещах, в которых к минутной горечи невольной досады всегда примешивается жгучая боль обидного бессилия... Покидая так скоро Россию, я испытал эгоистическое чувство некоторого облегчения, нравственной удовлетворённости. А между тем и до сих пор тесные узы связывают меня с Россией: изучению русского прошлого почти исключительно посвящены мои теперешние занятия...»⁷.

И. И. Щукин преподавал в трёх учебных заведениях, будучи репетитором русского языка в Школе восточных языков (1898–1905), преподавателем русской и церковной истории в Русской Высшей школе социальных наук и общей истории в Новом университете Брюсселя⁸. У учеников он оставил о себе приятные воспоминания: «Этот молодой человек, только-только вступающий в пору зрелости, чрезвычайно интересовался церковной историей и расколом. На эту тему он читал в школе продолжительный курс в ярко-еретическом духе. Не в угоду, а по искреннему личному настроению. В Щукине чувствовался некий оттенок богоборчества, не страстного, а иронически-равнодушного, нигилистического. Будь в Щукине больше страсти, это был бы Иван Карамазов. Но Щукин только едко улыбался. От кощунства его спасал вкус и отвращение к вульгарности. Это был вольтерьянец, которого суеверные заблуждения отцов не раздражали, а только забавляли, немного даже умиляя... Имея значительные доходы, И. Щукин жил довольно широко. Занимал на ещё тихой тогда авеню Ваграм, в номере 91, большую квартиру, которой вид культурной роскоши придавали хорошие испанские полотна и чудесная библиотека. В этой холостой квартире всю неделю бывало тихо, как в монастыре: очень тих был хозяин. Никогда не говорил громко, не делал резких движений; во всём степенный, как какой-нибудь старообрядческий отшельник. Только в глазах иной раз попугивали чёртики, и на губах, со-

провождая добродушно-иронические замечания, змеилась язвительная улыбка. <...> Вежливый, тихо-приветливый, беззвучным шагом проходил он на кафедре, раскрывал рукописную тетрадь, и ровным голосом читал свою лекцию, оживляя её время от времени эпиграммной стрелой, неизменно вызывавшей в аудитории дружный смех: Щукин был очень меток. Кончит, закроет тетрадь, и так же, как вошёл, **бесплотно** пройдёт к двери и исчезнет»⁹.

Александр Бенуа, называл хозяина «едким умницей» в своих воспоминаниях, тогда как в дневниках он судил его более строго: «26 декабря <...> были у Щукина. Всё обмазывает своей ядовитой слюной», «11 июня. Затракал со Щукиным. Кислота скепсиса»¹⁰.

Дом Щукина был знаменит своей библиотекой: «Попросишь у Ивана Ивановича книгу из библиотеки – молча достанет и молча даст. Даже не скажет: "Только, пожалуйста, возвратите!" <...> Знает, что это или излишне, или бесполезно. И даст, всё равно. Казалось, не было Щукину жаль вещь потерять, что при нравах наших студентов случилось нередко...»¹¹. Официальная оценка библиотеке была дана при присуждении Ордена почётного легиона: «Собрав здесь русскую библиотеку, достойную восхищения, <...> он щедро предоставлял её в распоряжение французских учёных. В этом году, благодаря его изумительному дару в библиотеку Школы восточных языков книг по литературе и политике России, Школа располагает теперь фондом русской книги, не сравнимым ни с одним другим публичным фондом в Европе. Рыночная цена книг, подаренных Библиотеке Школы восточных языков г-ном Щукиным, достигает не менее пятидесяти тысяч франков»¹². Кроме того, Иван Иванович полностью отдал свою зарплату библиотеке на закупку русских книг.

Обратив брата Сергея к новому искусству, сам он вскоре распродал свою коллекцию импрессионистов¹³. В числе 38 лотов немало шедевров – «Натюрморт с чайником» (ныне в Музее д'Орсэ) и «Дом с деревом в квартале Эрмитаж в Понтуазе» Сезанна (в частной коллекции в Вашингтоне), «Дон Кихот» Домье (Фонд Ишибаши, Токио), «Портрет А. Сислея» кисти Ренуара (Чикагский художественный институт), «Сад в Добиньи» Ван Гога (Коллекция Р. Штахелина в Базеле)... Выручка от продажи составила чуть более 56 200 франков. В 1900 году И. Щукин сообщает И. Остроухову: «Постепенно перехожу на старое, божественное. Представители новой живописи исчезают постепенно, уступая место старым»¹⁴. Этому способствовало «знакомство с художником Сулоага, большим знатоком испанцев и собственником одной из лучших в мире коллекций произведений этих мастеров, и поездка вместе с ним и скульптором Роденом по Испании», благодаря чему ему удалось «составить довольно видное собрание, в

котором были такие первоклассные вещи, как кающаяся Магдалина Греко и святой в рост Сурбарана...»¹⁵.

Старший коллега Щукина по Школе социальных наук М. М. Ковалевский вспоминал: «Ив. Ив. Щукин был очень гостеприимен, умён, начитан, имел большое влечение к русским древностям и к истории искусства; эта последняя страсть заставляла его покупать картины известных мастеров. А кто покупает картины, тот обыкновенно кончает тем, что и перепродает их. В то время Щукин ещё только собирал свою коллекцию. У него можно было встретить и немало иностранных художников, между прочим, весьма модного в наши дни испанца, нарисовавшего его портрет. Они, по-видимому, использовали его положение в среде не одной русской колонии в Париже, но и богатого московского купечества и через его посредство стали собирать немало картин новейших школ, начиная от импрессионистов и кончая декадентами»¹⁶. «Но Париж требует денег. Щукин завёл себе дорогую парижанку, которой надо было обставить роскошную квартиру, которой нужны были еженедельно новые платья, только от Ворта, Дусэ или Пакена, и камни, камни без конца», – утверждал в своих воспоминаниях И. Э. Грабарь¹⁷.

Постепенно сгущаются тучи, и обеспокоенный Дмитрий Иванович пишет брату Петру: «Ваня предложил берлинскому музею 22 картины Эль Греко и 32 Гойи... но музей отклонил это предложение, т. к. картины по фотографии ему не подходят, что же касается до других картин, то он при удобном случае их посмотрит. Очень жаль бедного Ваню, должен же он связаться с этим искусством, с этой покупкой»¹⁸. В июне 1905 года Иван всё же совершает поездку по Испании, сопровождая О. Родена и И. Сулоагу и пополняя свою коллекцию испанских мастеров. Возможно, Иван рассчитывал на помощь братьев, помня, как их отец помогал разорившемуся брату, Михаилу Щукину, выплачивая ему ежемесячную пенсию¹⁹. Но М. И. Щукин прогорел на делах, между тем как Иван «...любил женщин, а эта любовь приводит к необходимости добывать деньги. Он избрал для этого, по совету и настояниям русских и иностранных живописцев, торговлю всякого рода Греко и Веласкесами, из которых не все были настоящими. <...> Так как его картины покупали не одни русские и американцы, которым легко сбыть всякую фальшь, то дело приняло для него трагический характер, – какой-то покупатель из Берлина пригрозил ему процессом. Дела самозванного коллекционера пришли к этому времени в расстройство. Он не решился или не сумел вовремя откупиться»²⁰.

С 1907 года И. Щукин «всё чаще телеграфировал Сергею Ивановичу с просьбой о помощи. <...> Наконец Сергей Иванович твёрдо отказал брату в дальнейшей финансовой поддержке, посоветовав ему

продать наиболее ценные картины»²¹. 9 апреля 1907 года в Берлине прошёл аукцион парижского щукинского собрания²², но он не собрал ожидавшейся суммы. На нём было представлено несколько шедевров, например, «Кающаяся Мария Магдалина» Эль Греко (сегодня в Будапештском музее изящных искусств).

Незадолго до своей кончины, 20 ноября 1907 года, Щукин закладывает полотно Эль Греко «Христос у Симона» (возможно, «Праздник в доме Симона» из Чикагского института искусств) торговцу картинами Нейманну, с просьбой продать её за 25–30 тысяч франков в счёт долгов. Ещё два «примитива» («Усекновение главы мученика» и «Погребение епископа»), видимо, также были заложены. 1 января 1908 года И. Щукин напоминает антиквару Мершу о продаже пяти картин за 19 000 франков²³. Коллекционеру оставалось жить один день.

На Новый 1908 год по юлианскому календарю у Щукина собралось довольно большое общество (среди гостей присутствовали Д. Философов, В. Маковский, французский промышленник Серж Фурнье, возможно, завсегдатаи К. Валишевский и А. Онегин-Отто). На следующее утро хозяин был найден мёртвым, и немедленно возникают слухи. З. Гиппиус записала в дневнике 3 (16) января: «Господи! Щукин умер. Вчера утром упал и умер. Мы как-то не могли поверить»²⁴. Но уже в день похорон, 5(18) января, стала очевидна трагическая реальность: «...нас – от неожиданности, вероятно, – очень поразило, что он вдруг отравился цианистым калием. Да и гражданские похороны, на автомобиле, мы видели в первый раз. Д. Ф[илософов] был, кажется, и в крематории, что произвело на него особенно угнетающее впечатление»²⁵.

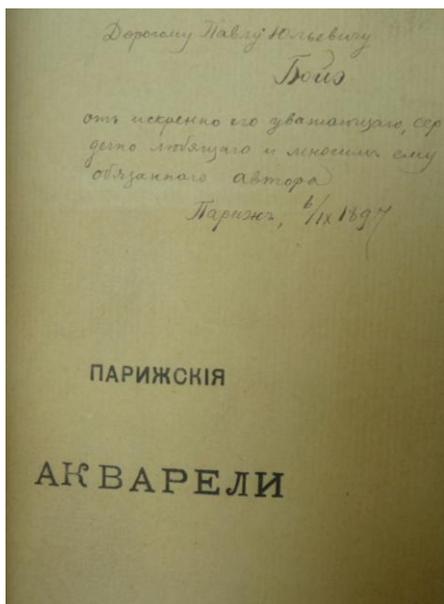
Позже появились домыслы о том, что И. Щукин застрелился, что опровергают довольно точные воспоминания М. М. Ковалевского: «На очередном обеде, на котором присутствовал на этот раз и Маковский, Щукин обнаружил, как и всегда, своё чисто московское благодушие, казался весёлым, остроумным, предупредительным к желанию своих гостей и после обеда даже поразил их готовностью даром или за пустяк наделить их теми или другими экземплярами своей коллекции. Разошлись поздно. А утром до него нельзя было достучаться. Когда взломали дверь в его спальню, его нашли мёртвым. Вскрытие показало, что он отравился»²⁶.

Упомянутый В. К. Маковский (1883–1966) – капитан-лейтенант в запасе, сын известного художника, фигурирует как свидетель в реестре заявлений Комиссариата полиции квартала долины Монсо (17-го округа Парижа), где описано, как слуга Щукина, господин Бонэн, и консьерж дома № 91 по авеню Ваграм, г-н Шампён,

«видя, что г-н Шукин не вышел из комнаты в 11.40 утра, проникли в спальню, где нашли его мёртвым, тело на постели, а ноги вне её. Позванному врачу г-ну Кеннеку не оставалось ничего иного, как констатировать кончину». 17 января 1908 года доктор Тиссье составил рапорт о вскрытии, согласно которому смерть наступила в результате отравления²⁷. В доме нашли 26 франков и пять сантимов²⁸.

17 марта 1908 года в срочном порядке Президент гражданской палаты Трибунала большой инстанции департамента Сены по представлению русского вице-консула Я. Экземплярского²⁹ назначил судебного администратора, г-на Поля Марселье, для урегулирования вопросов наследства и долгов. По его распоряжению аукционный оценщик Адольф Будэн провёл три распродажи имущества И. И. Щукина; «московским» Щукиным оставалось только подчиниться этому решению. Аукцион картин и скульптур прошёл в Париже 19 и 23 июня 1908 года³⁰, авторство большинства лотов было атрибутировано как «испанская школа». И. Сулоага приобрёл четыре работы, шесть картин купил племянник покойного, будущий специалист по исламским миниатюрам, И. С. Щукин (1884—1975). Всего аукцион собрал 33 206 франков.

Второй ушла с молотка библиотека И. И. Щукина. 12 мая 1908 года только что избранный новый директор Школы Восточных языков, Поль Буайе³¹, на собрании преподавателей почтил память И. И. Щукина, «который кроме преподавания русского языка, прочитал несколько замечательных лекций о политическом и социальном устройстве России» и объявил, что г-н Пётр Щукин изъявил желание передать Школе значительную часть библиотеки брата³² [ил. 2]. Давно было известно о письме П. Буайе П. И. Щукину:

Ил. 2. Дарственная запись И. И. Щукина Полю Буайе на своей книге «Парижские акварели (Жанр и пейзаж)» (Париж, 1897)
Собрание Университетской библиотеки языков и цивилизаций, Париж

«И. И. Щукин при своей жизни подарил *École des Langues Orientales* значительную часть своего богатого собрания русских книг, которые хранятся в особом шкафу. В ноябре будет аукцион остальных русских книг. Не согласитесь ли вы мне поручить купить от Вашего имени эту остальную часть и дать её в распоряжение б-ки Парижского Института Восточных языков. <...> Я прошу заказать либо в Париже, либо в Лейпциге ваш личный *ex-libris*, который потом будет отпечатываться по вашему личному указанию на каждом томе. Сумма на аукционе 5-10 тыс. фр. <...> Как вам известно, наша страна нашла способ отблагодарить Ив[ану] Ив[ановичу] за его заслуги, так что и перед Вами она не останется в долгу»³³. Считалось, что московские Щукины не откликнулись на эту просьбу, поскольку распродажа книг состоялась³⁴. Книги распродавались лотами, до полутора десятков книг в каждом и только ценные издания занимали собой весь лот. Русские лоты пронумерованы с 647-го по 905-й, затем «будут проданы примерно 1 000 хороших немецких, французских и русских книг, гравюр и фотографий и картотека» (что увеличило количество лотов до 965-ти)³⁵.

П. Буайе получает «телеграфным переводом от 27 ноября 1907 г. 1000 франков в качестве персонального подношения» от племянника покойного, Григория Сергеевича Щукина, для покупки интересующих Школу русских книг. «Таким образом я смог, – пишет П. Буайе – под свою личную ответственность и действуя как частное лицо, стать приобретателем всех тех изданий из библиотеки покойного И. Щукина, которые достойны были занять своё место в Библиотеке Школы Восточных языков»³⁶. Кроме того, «сумма в 10 000 франков оказалась более чем достаточной для вышеозначенного русского фонда: оставшиеся в нашем распоряжении средства будут полностью использованы по воле Григория Щукина для приобретения книг, касающихся русского языка, литературы или истории России...»³⁷.

Это поступление заносилось в инвентарь в 1908–1910 годах как «Дар Григория Щукина» [ил. 3]. В настоящее время в фондах ВУЛАС³⁸ (куда в 2011 году влился фонд библиотеки Института восточных языков) нами выявлено около 800 экземпляров русских книг библиотеки Ивана Ивановича, происходящих их этого дара. Тематика этой рабочей библиотеки иллюстрирует интерес Щукина к литературе, искусству, истории России, церкви и раскола. Особое внимание владелец уделял зарубежным русскоязычным вольным изданиям, изданным в основном в Лондоне и Женеве. Некоторые из книг украшает выполненный с некоторой претензией его крупный гравированный экслибрис с копией «Юдифи» Боттичелли и девизом «Так

проходит слава мира» в верхней части и профилем мыслителя на фоне книжных полок – в нижней.

О Григории Щукине известно ещё меньше, чем о его дяде: он был слабослышащим, но смог закончить Поливановскую гимназию и учился в университете Дижона³⁹, был шафером на свадьбе своего дяди Петра Ивановича, библиофилом, которого отец направил в Париж для ликвидации наследства Ивана Ивановича⁴⁰. 28 июня 1908 года, он был нят в Автомобильный клуб Франции⁴¹. Григорий покончил с собой в начале января 1910 года: «В годовщину смерти матери Григорий Щукин был у обедни. Горячо молился, затем всю ночь катался, словно желая надышаться дыханием жизни. Рано утром он вернулся, прошёл к себе в комнату и, отослав прислугу, выстрелил себе в сердце»,⁴² – писали газеты. После брата Сергея и дяди Ивана он стал третьим добровольно покинувшим мир членом семьи Щукиных.

Почти через год после этих событий 29 декабря 1910 года П. Марселье составляет в Париже окончательный документ о наследовании. Главным наследником назван один из братьев Щукиных, без уточнения имени, скорее всего, это был Пётр. Финансовый итог неутешителен: несмот-

Ил. 3. Экслибрис Г. С. Щукина
Собрание Университетской библиотеки языков
и цивилизаций, Париж

ры на вырученные на аукционах 69 864,55 франков, долгов осталось на 103 139,85 франков⁴³.

Присутствовавший на распродажах корреспондент «Русского слова» подвёл итог короткой жизни Ивана Щукина: «Спора нет, Иван Иванович понимал толк в искусстве <...> Но при своём художественном чутье И[ван] И[ванович] оказался игрушкой в руках ловкачей, мошенников, барышничаящих картинами. <...> Человек кабинета и книги взялся не за своё дело и, конечно, погорел. И как погорел!»⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выставка «Шедевры нового искусства. Собрание Щукина» проходила в Париже в Фонде Louis Vuitton с 22 октября 2016 по 5 марта 2017 года.

² Думова Н. Московские меценаты. – М.: Молодая гвардия, 1992; Демская А., Семёнова Н. У Щукина, на Знаменке... – М., 1993; Семёнова Н. Московские коллекционеры. – М.: Молодая гвардия, 2010; Semenova N. Stchoukine: Le patron de l'art moderne. – Paris: Collection Stchoukine, 2016.

³ Список публикаций за 1892–1900 годы: Archives nationales, 20100053/46, I. Stchoukine.

⁴ Государственный Эрмитаж, инв. ГЭ-8983. Впервые опубликован в «Le Monde illustré». – 1903. – Р. 16.

⁵ Грабарь И. Э. Моя жизнь: Автобиография. – М., Л.: Искусство, 1937. – С. 43, 44.

⁶ Иван сопроводил тело и похоронил брата Владимира, с которым до того жил в Париже.

⁷ Щукин И. И. Парижские акварели. – Париж: Г. Морэн, 1901. – С. 26–28.

⁸ Stchoukine (Yvan) // Dictionnaire national des contemporains. – Paris: Office général d'édition, S. a. – Т. 3. – Р. 16.

⁹ Поляков-Литовцев С. Л. Старый русский Париж // Последние новости. – 1935. – 30 июля. – С. 2.

¹⁰ Бенуа А. Н. Дневник 1905 года // Наше наследие. – 2001. – № 58 (Цит. по сайту, дата 03.10.2017).

¹¹ Поляков-Литовцев С. Л. Указ. соч.

¹² Base Léonore, dossier n°2548/6 Stchoukine (см.: www.culture.gouv.fr/public/mistral/leonore).

¹³ Collection d'un amateur: Catalogue de Tableaux modernes, pastels et dessins par Carrière, Cézanne, Daumier, Degas, Fantin-Latour, Forain, Ibels, Manet, Monet, Puvis de Chavanne, Renoir, Pops, Sisley, Valloton, Van Gogh, Vuillard, Whistler, dont la vente aura lieu Hôtel Drouot, salle № 9, le 24 mars 1900... / Commissaire-priseur Me G. Duchesne. – Paris: G. Petit, 1900.

¹⁴ Письмо И. И. Щукина И. С. Остроухову от 22 ноября 1900. ОР ГТГ. Ф. 10. Д. 7236 (Цит. по: Демская А., Семёнова Н. Указ. соч. – С. 28).

¹⁵ Грабарь И. Э. Указ. соч. – С. 42.

¹⁶ Ковалевский М. М. Моя жизнь: Воспоминания. – М.: Росспэн, 2005. – С. 274.

¹⁷ Грабарь И. Э. Указ. соч. – С. 43.

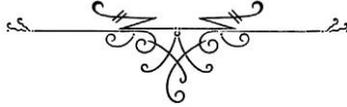
¹⁸ Письмо Д. И. Щукина П. И. Щукину от 1 (14) апреля 1905 года. ОПИ ГИМ. Ф. 265. № 208. (Цит. по: Демская А., Семёнова Н. Указ. соч. – С. 65).

- ¹⁹ *Щукин П. И.* Воспоминания П. И. Щукина. – Вып. 3. – М.: Синодальная тип., 1912. – С. 14–15.
- ²⁰ *Ковалевский М. М.* Указ. соч. – С. 274.
- ²¹ *Думова Н.* Указ. соч. – С. 37.
- ²² Katalog der Sammlung Iwan Stchoukine, Paris: Gemälde Alter Meister / Versteigerung in Berlin im Kunstsalon Keller und Reiner..., am Dienstag den 9. April 1907... – Berlin: Druck von H. S. Hermann, 1900.
- ²³ Гербовые решения Гражданского суда. Archives de Paris, DU5 1545, 3-я палата, 25 января 1909.
- ²⁴ *Гиппиус З. Н.* Парижская ажанда 1908 г. // *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений. – Т. 8. – С. 130.
- ²⁵ *Гиппиус З. Н.* Ничего не боюсь. – М.: Вагриус, 2004. – (Мой 20 век). – С. 146.
- ²⁶ *Ковалевский М. М.* Указ. соч. – С. 274.
- ²⁷ Реестр заявлений Комиссариата полиции квартала долины Монсо, 17.09.1907 – 4.08.1908, Archives de la Préfecture de Police de Paris, CB66.15, № 76 от 15 января 1908.
- ²⁸ Декларации о наследовании после смерти. Archives de Paris, D.Q7/30891, 6e bureau, 29 octobre 1910 № 2442, F.°229.
- ²⁹ Согласно подписанной в Петербурге в 1874 году двусторонней франко-русской конвенции, урегулирование дел о наследстве в каждой стране было возложено на посольства.
- ³⁰ Catalogue de tableaux anciens et sculptures par ou attribués à Goya; Greco (El); Loo (Van); Ribera; Velasquez; Zurbaran, etc. composant la collection de M. J. Stchoukine et dont la vente par suite de décès aura lieu à Paris à la requête de M. Marcellier, administrateur judiciaire. Hôtel Drouot, salle № 6... – Paris: Imprimerie Motteroz et Martinet, [1908].
- ³¹ Администратор Школы Восточных языков с 1908 по 1936 год, с 1891 года – первый заведующий русской кафедры.
- ³² Бумаги П. Буайе, протокол заседания Собрания преподавателей от 12 мая 1908 года. Archives nationales, 62AJ/5.
- ³³ ОПИ ГИМ. Ф. 265. (Цит. по: *Демская А., Семёнова Н.* Указ. Соч. – С. 64).
- ³⁴ Catalogue de bibliothèque de feu M. Ivan Stchoukine, ...: Livres allemands, français et russes, dont la vente aura lieu les 24, 25, 26, 27 et 28 novembre 1908, Hôtel Drouot, salle № 7. – Paris: Jules Meunial, 1908.
- ³⁵ Записки и досье аукционного оценщика Э. Будэна (1908), vente n°813. Archives de Paris, D5E3 58.
- ³⁶ Письмо П. Буайе Министру образования и изящных искусств от 14 января 1909 года. Archives nationales, 62AJ/5.
- ³⁷ Письмо П. Буайе Министру образования и изящных искусств от 11 марта 1909 года. Archives nationales, 62AJ/5.
- ³⁸ BULAC – Bibliothèque universitaire des langues et civilisations – Университетская библиотека языков и цивилизаций.
- ³⁹ Досье дарения Щукиными книг библиотеке Института Восточных языков. Archives nationales, 19770469/16.
- ⁴⁰ *Демская А., Семёнова Н.* Указ. соч. – С. 74.
- ⁴¹ Journal des débats. – 1908. – 26 juin. – № 177.

⁴² Утро России. – 9 января 1910 года. (Цит. по: Демская А., Семёнова Н. Указ соч. – С. 74).

⁴³ Декларации о наследовании после смерти. Archives de Paris, D.Q7/30891, 6e bureau, 29 octobre 1910 № 2442, F.°229.

⁴⁴ Русское слово. – 1908 – 13 апреля. (Цит. по: Демская А., Семёнова Н. Указ. соч. – С. 65–66).

Н. В. БЛАГОВО

(Музей истории школы К. И. Мая; Санкт-Петербург)

«МАЙСКИЕ» ПОТОМКИ М. П. БОТКИНА

В начале XX века в Петербурге приобрело значительную известность среднее учебное заведение, носившее название «Гимназия и реальное училище К. Мая». Оно было основано в 1856 году по инициативе группы жителей Васильевского острова, выходцев из Германии, желавших дать своим детям знания не только классических предметов, как это было тогда установлено Министерством народного просвещения в государственных школах, но и прикладных дисциплин. Его первый директор Карл Иванович Май (1820—1895) в качестве основополагающего правила жизни школы принял изречение великого чешского педагога-гуманиста Я. А. Коменского «Сперва любить, потом учить», в соответствии с которым формировался педагогический коллектив. Иными словами говоря: если учитель не может с полной ответственностью перед собой и своими питомцами произнести первую часть девиза, не может отдавать детям всё своё сердце, всю свою душу, всё своё время, всю свою жизнь без остатка, то он не должен произносить вторую её часть и ему необходимо избрать другую профессию. И такой кадровый подход всегда соблюдался, что позволило выпускнику гимназии, литератору Л. В. Успенскому написать, что «...у Мая нет и быть не может педагогов-мракобесов, учителей черносотенцев, людей в "футлярах", чиновниках в вицмундирах. Преподаватели, поколение за поколением, подбирались у Мая по принципу своей научной и педагогической одарённости»¹. Главной целью школы провозглашалось *воспитание*, полагая, что все люди одарены от природы разными способностями и соответственно им достигают разного положения в обществе, но все и всегда *могут и должны* быть воспитанными.

К. И. Май с коллегами разработал нижеприводимый свод педагогических принципов.

– Сперва любить – потом учить.

– Главная задача наставника – приготовить юношу к труду, полезному для общества.

– Давать ученикам только истинное знание, так как только оно имеет непреложное значение и истинную силу.

– Пусть пути будут различны, но образование и воспитание во всяком случае должны оставаться конечной целью всякого преподавания.

– Нельзя всех и каждого стричь под один гребень, действовать следует разумно, применяясь к свойству предмета, степени развития учеников и учителей.

– Ум, нравственные качества, эстетическое чувство, воля и здоровье ученика в равной степени должны быть заботой учителя.

– Тот ряд практических занятий действительно плодотворен, где требуется от учеников самостоятельность, и самые знания приношены к их силам.

– От учеников надо требовать только то, что они в состоянии исполнить, что не превышает сил класса и каждого ученика в отдельности.

– Пример преподавателя – самое действенное средство воспитания.

– Дисциплина – ещё не воспитание.

– Воспитание имеет целью не сломить волю ребёнка, а образовать её.

– От юного существа можно добиться всего посредством высказывания к нему доверия.

– Увлечение какими-либо занятиями и усердие к ним достойны поощрения, а неосторожная задержка может привести к апатии ученика.

– Наказание только тогда действительно, если оно понятно провинившемуся и вполне соответствует тяжести содеянного прощупка.

– Семья, школа и церковь – это три силы, которые воспитывают человечество.

Неуклонное соблюдение этих правил всегда и всеми педагогами давало прекрасные результаты – 15% выпускников удостоивались золотых медалей, 17% – серебряных. Выступая в 1881 году на торжественном вечере, посвящённом 25-летию учебного заведения, знаменитый государственный деятель и географ П. П. Семёнов (в 1906 году получивший к фамилии приставку – Тянь-Шанский), восьмью потомков которого получали знания в этой школе, отметил, что: «...ни один из бывших воспитанников не пал нравственно и <...> училище действительно может гордиться своими воспитанниками»². Характеризуя общую атмосферу школы, её «майский» дух известный публицист, выпускник 1890 года Д. В. Философов подчеркнул, что «Гимназия Мая была каким-то государством в государстве, отделённым бесконечным океаном от казённых»³. Столь неординарную оценку справедливо дополняет мнение о том, что эту школу «никогда нельзя было назвать ни демократической, ни республиканской, ни аристократической. Она всегда стремилась быть общечеловеческой»⁴. В этой

цитате отражена ещё одна важная особенность рассматриваемого образовательного учреждения – отсутствие при приёме каких-либо ограничений по сословной принадлежности родителей или их вероисповеданию, т. е. её общедоступность.

Всё вышесказанное и послужило Михаилу Петровичу Боткину веским основанием для того, чтобы доверить приобретение школьных знаний своим сыном Серёжей [ил. 1] именно гимназии К. Мая, к тому же, располагавшейся в относительной близости от места жительства, в доме № 13 на 10-й линии Васильевского острова. После успешно выдержанных 16 августа 1903 года вступительных экзаменов, подтвердивших хорошие знания, полученные в домашних условиях, мальчика зачислили в 5-й класс гимназии, где его товарищами по учёбе стали ещё 19 сверстников. Их классным наставником был Александр Иванович Солнцев (1876–1939)⁵, выпускник Нежинского историко-филологического

института князя А. А. Безбородко, прекрасный преподаватель древних языков и истории. Он, например, в 1903–1904 учебном году организовал увлекательное посещение классом Этнографического музея. Сразу проявив хорошие способности, новичок, несмотря на то, что оказался в очень сильном коллективе, уже после окончания первого года учёбы со средним баллом 4.44, оказался в числе лучших учеников. Особое впечатление произвела речь Василия Александровича Кракау (1857–1936),⁶ директора школы, произнесённая им по случаю начала войны с Японией. *«Предстоящая война, <...> будет тяжела для России: враг не такой ничтожный, каким его многие считают; притом он, очевидно, хорошо подготовился к войне. <...> Неизбежны большие жертвы. Но не нужно падать духом. Мы, учащие и учащиеся*

Ил. 1. Сергей Михайлович Боткин
1900-е. Архив семьи Энден

должны по мере сил стараться быть полезными нашей Родине, и принести свою лепту на облегчение страданий раненых и на поддержку осиротевших семейств»⁷, – предупреждал мудрый наставник.

Время, проведённое в шестом классе, запомнилось организованным А. И. Солнцевым посещением знаменитой выставки исторических портретов в Таврическом дворце и поездкой в Красное село, где ученики познакомились с производством бумаги на фабрике К. П. Печаткина. В этом году в гимназии начал преподавать молодой, начинающий литературовед А. М. Евлахов (1880–1966), посещение литературного кружка которого Сергеем оказало немалое влияние на выбор им в дальнейшем профессии филолога. Именно в гимназии были заложены основы будущего известного учёного С. М. Боткина (1888–1918) Сохранилось около десятка его сочинений-рефератов 1906–1907 годов с поправками руководителя кружка⁸. Пребывание в выпускном классе ознаменовалось, прежде всего, празднованием пятидесятилетнего юбилея школы, состоявшимся 29 октября 1906 года, и избранием Педагогическим советом нового директора – Александра Лаврентьевича Липовского⁹ (1867–1942), с 1890 года преподававшего в школе литературу. Последний год учёбы будущий филолог окончил прекрасно, со средним баллом 4,8, что явилось основанием для награждения его золотой медалью. Подтверждением высокого уровня развития его соучеников является тот факт, что

Ил. 2. Гимназия и реальное училище К. И. Мая на 14-й линии Васильевского острова. Собрание Музея истории школы Карла Мая

среди 16 выпускников ещё троим – Иосифу Гинцбургу¹⁰, Георгию Петри¹¹ и Владимиру Таганцеву¹², были вручены золотые медали и шестерым – серебряные. Т. е. 10 из 16 заслужили медали! И это притом, что в этой школе к учащимся всегда предъявляли высокие требования, здешняя «четвёрка», как правило, соответствовала «пятерке» в других средних учебных заведениях. Тем ценнее успех Сергея Боткина!

Спустя восемь лет «к Маю» отдала своих сыновей Екатерина Михайловна, старшая сестра Сергея, состоявшая замужем за Николаем Михайловичем фон Энденом, поселившаяся в 1914 году в родительском доме на 18-й линии после отъезда мужа в армию. Оба сына осенью 1915 года¹³ поступили в школу К. Мая, располагавшуюся с 1910 года в доме № 39 на 14-й линии [ил. 2]. Старшего, Михаила [ил. 3],

Ил. 3. Михаил Николаевич фон Энден 1912.
Архив семьи Энден

приняли в 5-й класс реального училища «по свидетельству», выданному училищем Св. Анны¹⁴, в котором он достаточно успешно¹⁵ получал начальное образование, о чём свидетельствует следующий текст документа: «Дано сие за надлежащим предписанием и приложением печати в том, что бывший ученик Училища Св. Анны Михаил Энден в 1914 году при переходе из третьего в четвёртый класс реального отделения имел по арифметике отметку четыре, а по черчению – пять. Удостоверение это выдано, согласно словесной просьбе, для представления в реальное училище Мая»¹⁶. Эта справка датирована 1917 годом и, по-видимому, потребовалась для представления оценок в каком-то итоговом документе. И

в новой школе Миша прекрасно учился, что подтверждают его годовые оценки за 5-й класс: Закон Божий, Французский язык, география, история, естественная история, рисование, прилежание и поведение – «5», русский и немецкий языки, алгебра, физика – «4»¹⁷. В выпускном шестом классе он успевал ещё лучше – в его аттестате по всем предметам только высший балл¹⁸. Вполне естественно, что отличника перевели в седьмой дополнительный класс, по окончании которого выдавалось свидетельство, дававшее право на поступление в высшие учебные заведения. Однако учиться будущему историку М. Н. фон Эндену (1901–1975) там не пришлось в связи с отъездом семьи из Петрограда.

Младшего сына, Льва [ил. 4], по результатам экзамена приняли в подготовительный класс. Его успехи в первом классе гимназии были намного скромнее, чем у старшего брата: Закон Божий, русский и немецкий языки, математика, история, природоведение, чистописание и рисование – «3», география и гигиена – «4», поведение и прилежание – «5»¹⁹.

Таким образом можно отметить, что школа К. И. Мая оказала немаловажное положительное влияние на выбор профессии и становление С. М. Боткина, в первую очередь, и М. Н. фон Эндена в том числе, а также и на Л. Н. фон Эндена, но, конечно, в меньшей степени.

Ил. 4. Лев Николаевич фон Энден. 1912
Архив семьи Энден

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Успенский Л. В. Записки старого петербуржца. – Л., 1970. – С. 211.
- ² Двадцатипятилетие существования учебного заведения К. И. Мая в С.-Петербурге. – СПб., 1882. – С. 32.
- ³ Филоффов Д. В. Майские жуки. // Речь. – 1910. – 31 октября (13 ноября) – № 299 (1537). – С. 3.
- ⁴ Пятидесятилетие школы К. И. Мая. – СПб., 1907. – С. 60.
- ⁵ Подробнее о нём см.: Благово Н. В. Школа на Васильевском острове. – СПб., 2013. – С. 200, а также на сайте: www.kmay.ru
- ⁶ Подробнее он нём см. Благово Н. В. Школа на Васильевском острове. – СПб., 2013. – С. 200, а также на сайте: www.kmay.ru
- ⁷ Отчёт о состоянии гимназии и реального училища К. Мая в 1903–1904 году. – СПб., 1904. – С. 4.
- ⁸ Егоров Б. Ф. Короткая жизнь С. М. Боткина // Вопросы литературы. – 2001. – № 6. – С. 297.
- ⁹ Подробнее о нём см. Благово Н. В. Школа на Васильевском острове. – СПб., 2013. – С. 291.
- ¹⁰ Гинцбург Иосиф Давидович (1887—1930), барон.
- ¹¹ Петри Георгий Эдуардович (1888—1942), преподаватель, историк. Необоснованно репрессирован в 1930–1934 годах.
- ¹² Таганцев Владимир Николаевич (1889—1921), географ, профессор Петроградского университета. Расстрелян по сфабрикованному делу вместе с 94 другими обвиняемыми, в числе которых был и поэт Н. С. Гумилёв.
- ¹³ ЦГИА СПб. Ф. 144. Оп. 1. Д. 79. Л. 10 об.
- ¹⁴ Училище Св. Анны находилось по адресу Кирочная улица, дом № 8.
- ¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 144. Оп. 2. Д. 143. Л. 55.
- ¹⁶ Там же. Ф. 144. Оп. 2. Д. 143. Л. 57.
- ¹⁷ Там же. Ф. 144. Оп. 1. Д. 76. Л. 116 об.
- ¹⁸ Там же. Ф. 144. Оп. 1. Д. 79. Л. 143 об.
- ¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 144. Оп. 1 Д. 79. Л. 10 об.

Е. С. ХОХЛОВА

(Библиотека киноискусства имени С. М. Эйзенштейна; Москва)

АЛЕКСАНДРА ХОХЛОВА: КИНОЗВЕЗДА ИЗ РОДА БОТКИНЫХ

Александра Сергеевна Хохлова, старшая дочь Сергея Сергеевича и Александры Павловны Боткиных, родилась 22 октября/4 ноября 1891 года в Берлине, где в это время проходил стажировку её отец. Сергей Сергеевич Боткин, старший сын врача Сергея Петровича Боткина, пошёл по стопам отца: он с отличием закончил Военно-медицинскую академию. Почётный лейб-медик, действительный статский советник, доктор медицины, профессор, Сергей Сергеевич вплоть до скоропостижной кончины в 1910 году возглавлял терапевтическую клинику Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге.

Шуре (так в семье звали девочку, чтобы отличить её от матери, также носившей имя Александра) было всего три месяца, когда семья вернулась в Санкт-Петербург. В книге воспоминаний «50 лет в кино» Александра Сергеевна писала: *«Помнить себя я начала с Петербурга. И этот город навсегда останется для меня самым родным и близким. В Ленинграде – я дома, я люблю ленинградский воздух, ветер с моря, белые ночи, перспективы прямых улиц, каналы и*

Ил. 1. Сергей Сергеевич Боткин с дочерьми Александрой (Шурой) (слева) и Анастасией (Тасей) (справа). 1909. Архив Е. С. Хохловой

горбатые мосты; я люблю слышать крики невидимых пароходов, я люблю туман. Я люблю Неву и северную весну»¹.

У Александры и её сестры Анастасии [ил. 1], которая была всего на год моложе, было прекрасное, счастливое детство. Любящие, заботливые родители, многочисленная дружная родня, как со стороны отца, так и со стороны матери, дом, наполненный уютом и красотой, общение с интересными людьми, походы по музеям и театрам, частые путешествия по России и Европе – всё это составляло основу для воспитания детей Боткиных.

Сергей Сергеевич был известным врачом, преданным своему делу, который, помимо постоянной практической работы в клинике, занимался и научной деятельностью. О его человеческих качествах говорит и тот факт, что в 1904 году он добровольцем отправился на Дальний Восток и участвовал в русско-японской войне как главноуполномоченный Красного Креста северо-восточного района действующей армии.

В то же время Сергей Сергеевич был прекрасным знатоком и ценителем искусства. Как многие представители семьи Боткиных, в том числе его дядя Михаил Петрович, Сергей Сергеевич занимался коллекционированием произведений искусства. Собранная им коллекция живописи, скульптуры и фарфора считалась одной из лучших в России. За свою деятельность в области искусства в 1904 году Сергей Сергеевич был избран действительным членом Императорской Академии Художеств.

Увлечение Сергея Сергеевича собирательством всегда поддерживала его жена Александра Павловна, дочь Павла Михайловича Третьякова, которая после кончины отца входила в Совет Третьяковской галереи и много сделала для пополнения коллекции, собранной П. М. Третьяковым.

В квартире Боткиных на Знаменской улице, а затем в построенном ими особняке на Потёмкинской постоянно бывали известные художники, музыканты, артисты. Особенно тесная дружба связывала Боткиных с деятелями общества «Мир искусства» и с артистами Московского Художественного театра.

Неудивительно, что выбор будущей сферы деятельности был для Александры Боткиной предопределён той творческой атмосферой, в которой она росла. В семьях Боткиных и Третьяковых большое внимание уделялось занятиям музыкой, к тому же девочки имели прекрасного наставника в лице их дяди, известного пианиста и дирижёра Александра Ильича Зилоти [ил. 2]. Поскольку у Шуры были явные способности к музыке, ей прочили карьеру пианистки, но травма руки помешала этому осуществиться.

В январе 1910 года скоропостижно скончался Сергей Сергеевич Боткин. Для всех это стало страшным ударом, но особенно для Шуры: она была очень похожа на отца и внешне, и по характеру. О том, каким был Сергей Сергеевич, Александра Сергеевна написала в воспоминаниях: *«По-моему, самым отличительным свойством отца был оптимистический, легкий и весёлый характер, – какие бы ни возникали в жизни нашей семьи затруднения и катастрофы, он всегда верил в победу, всё считал переносимым, все препятствия – разрешимыми. Больные очень любили отца: он не только лечил многих из них, но был и советчиком, и помощником, и наставником в трудные моменты их жизни»*².

Эти же слова в полной мере относятся к характеру самой Александры Сергеевны, которая даже в самые трудные минуты не теряла оптимизма и всегда была другом и советчиком не только своим близким, но и многочисленным ученикам. Многие из них с особым чувством благодарности и нежности вспоминают её заботу и помощь, которые она им оказывала.

Круг общения для семьи Боткиных не изменился после кончины Сергея Сергеевича. Так, в доме по-прежнему бывали артисты Художественного театра, приезжавшие в Петербург на гастроли. В 1914 году Шура Боткина вышла замуж за актёра Московского художественного театра Константина Павло-

Ил. 2. А. И. Зилоти с племянницами Тасей (слева) и Шурой (справа) Боткиными 1911. Архив Е. С. Хохловой

вича Хохлова и переехала в Москву.

Именно в те годы шло стремительное развитие отечественного кинематографа, и Константин Хохлов, помимо работы в театре, часто снимался в кино и даже вошёл в число так называемых «королей экрана» наряду с Иваном Можухиным и Витольдом Полонским. В 1916 году во время съёмок Хохлова в картине «Ураган» режиссёра Бориса Сушкевича Александре Сергеевне предложили сняться в небольшой роли, которая стала её первой работой в кино. Однако рождение в том же году сына Сергея [ил. 3] и последовавшие вскоре перемены в жизни всей страны отгеснили мысли о возможности стать актрисой.

Первые послереволюционные годы были для семьи Боткиных не менее сложными, чем для большинства семей их круга. Александра Павловна старалась спасти коллекцию Сергея Сергеевича, в том числе ту её часть, которая оставалась в доме на Потёмкинской улице, поэтому ей приходилось часто ездить в Петроград из Москвы, куда она переехала после рождения внука. Многие родственники уехали за границу. Константин Хохлов уехал вместе с частью труппы Художественного театра в гастрольную поездку, а после возвращения переехал в Петроград. На Александру Сергеевну легли заботы о семье. Знакомые помогли ей устроиться секретарём, но это была временная работа, к тому же ей хотелось получить специальное образование.

В сентябре 1919 года в Москве открылась Первая государственная школа кинематографии. Преподавать актёрское мастерство в ней был приглашён артист Художественного театра Леонид Миронович Леонидов, близкий друг семьи Боткиных. Узнав от Леонидова о киношколе, Александра Сергеевна

Ил. 3. А. С. Хохлова с сыном Серёжей. 1917
Архив Е. С. Хохловой

сдала туда экзамены и была принята в класс «будущих актёров на эпизоды», однако за успехи её вскоре перевели в старшую группу – «будущей актрисы на роли».

В конце 1919 года в киношколе появился новый преподаватель, Лев Владимирович Кулешов, который уже тогда был знаменитостью в кинематографических кругах, несмотря на свой юный возраст – ему было всего двадцать лет. Он прославился как художник, оформлявший многие фильмы Евгения Бауэра, самого известного режиссёра того времени, и как человек, который стремился доказать, что кино – это вид искусства, имеющий особую специфику.

Л. В. Кулешов разработал собственную теорию киноискусства, которая легла в основу его преподавательской деятельности. В его мастерской в киношколе учились люди, прославившие впоследствии отечественный кинематограф: Всеволод Пудовкин, Борис Барнет, Сергей Эйзенштейн, Леонид Оболенский, Владимир Фогель, Александра Хохлова, которая стала не только главной звездой так называемого «коллектива Кулешова», но и его женой, а главное, верным единомышленником. Вместе они прожили пятьдесят лет, вплоть до кончины Льва Владимировича в 1970 году.

Главным желанием всех кулешовских учеников было показать свои способности на практике, но из-за нехватки киноплёнки в стране получить возможность снять фильм было крайне сложно. Взамен съёмкам в мастерской придумали так называемые «фильмы без пленки» – короткие спектакли, которые разыгрывали на специально оборудованной сцене. В 1921–1922 годах показательные вечера в Доме Союзов, на которых демонстрировались «фильмы без пленки», пользовались огромным успехом.

Вот что писал об этих спектаклях корреспондент берлинской газеты «Берлинер Тагеблатт» Пауль Шеффер, побывавший на генеральной репетиции: *«В крошечном зале, на плохих стульях сидели лучшие представители художественного мира Москвы. С большим вниманием и с неутомимым пониманием они следили за происходящим действием. Это была семья тесная, одной художественной веры.*

В духовной России встречаются такие явления. В тисках нужды многое погибло, но лучшее, оттеснённое к первоисточникам, закалилось и окрепло.

Играли очень хорошие актёры. Постановка поразительного режиссёра. “Наш режиссёр – наша душа”.

Но вне всяких пределов игра госпожи Хохловой. Очень интересный тип: невероятно узкая, худая и элегантная, лицо – нечто среднее между Кокленом и нашим представлением о маркизе фон О. Клейста.

Актриса с совершенной мимикой. В белых шёлковых, много раз штопанных чулках, с прежних времён сохранившимся гардеробом, она создала законченный образ одушевлённой тени. Полная естественность в зависимости от музыки, которую можно было бы назвать зависимостью музыки от неё, и с чисто гениальной простотой. Великолепная игра глаз, неопишная молниеносность взгляда.

И всё это, когда я после наплыва откровений отдал себе отчёт, совершалось по строгим законам, которые этот кружок открыл и которым следует. При этом полная непринуждённость. Бесперывное вдохновение. Наряду со многими достойными подражания – неподражаема. Я счастлив был встретить такое явление в Москве.

Счастливая своей бедностью Москва! В ней не воздвигается дворцов времени Потёмкина и старого Лондона. Вместо этого Москва принесёт в Европу высокую кинематографию, которая создаётся этими людьми в киношколе»³.

Внешность Александры Хохловой всегда обращала на себя внимание, недаром её рисовали такие художники, как Валентин Серов, Фёдор Малявин, Аристарх Лентулов и Михаил Ларионов. Но помимо уникальной внешности Хохлова, несомненно, обладала большим актёрским дарованием. За исключением «фильмов без пленки» ей не пришлось играть на сцене, но для кино она была идеальной актрисой.

В 1924 году на экраны вышла первая постановка мастерской Кулешова, комедия «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков», где Александра Хохлова сыграла роль графини фон Сакс, участницы шайки жуликов, которые хотят одурачить наивного американца, приехавшего в Советскую Россию. С лёгким изыществом и очарованием графиня завлекает мистера Веста в логово шайки, чтобы выманить у него все имеющиеся в наличии доллары. Хохлова блистательно разыграла знаменитую сцену чаепития, когда её героиня «соблазняет» совершенно растерявшегося Веста и в то же время следит за тем, что делают в коридоре её сообщники. Но уже в образе этой обольстительной и эксцентричной героини Хохлова дала почувствовать драматизм существования человека в окружающей действительности, особенно для таких же, как она, «из бывших», как их было принято называть. Режиссёр Абрам Роом написал в 1926 году: «Хохлова – человеческая актриса, актриса драматическая... с большим диапазоном психологических ощущений и чувств искренних и правдивых»⁴. Это проявилось в других фильмах Льва Кулешова с участием Александры Хохловой – в детективе «Луч смерти» (1925) и особенно в психологических драмах «По закону» (1926) и «Ваша знакомая» (1927) [ил. 4].

Середина двадцатых годов – время наибольшей популярности актрисы Александры Хохловой. Её фотографии печатались в газетах и журналах, о ней писали самые известные критики и режиссёры. Так, Виктор Шкловский, отмечая талант актрисы, писал: «Есть в мире несколько десятков киноактёров. Для них пишутся сценарии, потому что само их движение, их способ передачи ощущения – это есть искусство. К числу этих людей и принадлежит Хохлова»⁵. А Сергей Эйзенштейн после выхода фильма «По закону» написал: «Хохлова – это, конечно, единственное в своём роде, быть может, стоящее серьёзного упоминания актёрское дарование на сегодня. Это – ставка на мастерство. И к тому – резко своё. Это – не “советский Вейдт” или “советская Пикфорд”. Америка, Европа этого не знают, этого не имеют. <...> Хохлова именно тот материал, “под” который можно делать свои картины. Это то “нерядовое” (экстраординарное), за что умный хозяин платит большие деньги и на чём зарабатывает в десятки раз больше. За границей учредили бы акционерной] О-во “Хохлова-фильм”»⁶.

Однако в конце двадцатых годов на появление Александры Хохловой на экране был наложен запрет. Документов, подтверждающих этот запрет, не сохранилось, возможно, в письменной форме их никогда не существовало. Но каждый раз, когда Кулешов или кто-то

Ил. 4. А. С. Хохлова в фильме «Ваша знакомая». 1927
Архив Е. С. Хохловой

другой собирался снимать Хохлову, её не утверждали на роль под предлогом того, что она «некрасивая и худая». Лишь в 1933 году Кулешову разрешили снять Александру Хохлову в роли Дульси в картине «Великий утешитель». В фильме есть сцена, которой не было в сценарии, – разговор уволенной с работы Дульси с подругой: «Я ходила к хозяину и просила, чтобы он принял меня обратно. – Ну? – Он накричал на меня и сказал, что никогда, нигде я не буду работать. – Почему? – Потому что я некрасивая и худая».

Александра Хохлова с её изысканной внешностью, действительно, никак не подходила на роли советских комсомолок и фабричных работниц. Но были и другие причины: как многие «бывшие», Александра Сергеевна стала в те годы «лишенкой», то есть лицом, лишённым избирательных прав. И самое главное, она была родной племянницей Евгения Сергеевича Боткина, расстрелянного с царской семьей.

Как ни парадоксально, запретив А. С. Хохловой сниматься, какое-то время ей разрешали снимать картины в качестве режиссёра. Кулешовская система преподавания строилась таким образом, что его ученики в равной степени овладевали профессиями актёра и режиссёра кино. Кроме того, Александра Сергеевна имела опыт работы ассистента режиссёра на всех поставленных Кулешовым картинах. Хохлова самостоятельно сняла три фильма: «Дело с застёжками» (1929) по рассказу Максима Горького, «Саша» (1930) о деревенской женщине, приехавшей в город в поисках посаженного в тюрьму по навету мужа, и «Игрушки» (1931), научно-популярный фильм о производстве русских деревянных игрушек.

Однако на этом режиссёрская деятельность Александры Хохловой завершилась, а после выхода фильма «Великий утешитель» она не сыграла ни одной большой роли. Последний раз Хохлова появилась на экране в 1940 году в фильме Льва Кулешова «Сибиряки», где сыграла эпизодическую роль крестьянки, матери одного из мальчиков, героев картины.

В 1935 году, когда отмечалось 15-летие советского кино, Александре Сергеевне Хохловой было присвоено звание заслуженной артистки РСФСР, и это стало единственной официальной наградой за её творческие заслуги. Но, несмотря на то, что творческая судьба Хохловой сложилась драматично, Александра Сергеевна до конца жизни оставалась человеком, который никогда не жаловался на обстоятельства. В течение многих лет вместе с Львом Владимировичем Кулешовым она преподавала режиссуру и актёрское мастерство во Всесоюзном государственном институте кинематографии. После смерти Кулешова Александра Сергеевна, вплоть до своей кончины в

1985 году, занималась работой по изданию их общего творческого наследия.

Актриса, режиссёр, педагог, Александра Сергеевна Хохлова была уникальной личностью. Она сыграла очень важную роль в воспитании многих поколений отечественных кинематографистов, и не только как мастер своего дела, но, прежде всего, как носитель высоких человеческих качеств и высокой культуры, унаследованных от её замечательных предков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кулешов Л. В., Хохлова А. С. 50 лет в кино. – М.: Искусство, 1975. – С. 49.

² Там же. С. 48.

³ Театральные впечатления в Советской России // Berliner Tageblatt – 1922 – 10 März.

⁴ Роом А. Почему не работает Хохлова? // Газета «Кино». – 1926. – 16 марта.

⁵ Шкловский В. Б. А. Хохлова // Шкловский В. Б., Эйзенштейн С. М. А. Хохлова. – М.: Кинопечать, 1926.

⁶ Эйзенштейн С. М. Как ни странно, – о Хохловой // Шкловский В. Б., Эйзенштейн С. М. А. Хохлова. – М.: Кинопечать, 1926.

Н. И. ВАЙНБЕРГ

*(Санкт-Петербургский государственный музей
театрального и музыкального искусства)*

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА БОТКИНА (В ЗАМУЖЕСТВЕ НОТГАФТ)

История Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства связана с одной из представительниц семьи Боткиных – внучатой племянницей Михаила Петровича, Анастасией Сергеевной Боткиной. До недавнего времени о ней было мало известно. Судьбу А. С. Боткиной в результате долгих и многотрудных поисков удалось восстановить буквально по крупицам. А судьба оказалась интереснейшей.

Анастасия Сергеевна пришла в Театральный музей в 1933 году, имея за плечами пятилетний стаж работы научным сотрудником в Русском музее. Точнее сказать, она со дня рождения жила в мире искусства, в атмосфере величайших художественных ценностей, среди художников, искусствоведов, коллекционеров. Споры, рассуждения, оценки художественных явлений были ею восприняты с раннего детства. Её отец – профессор медицины Сергей Сергеевич Боткин – был страстным коллекционером и членом Академии художеств. Бóльшая часть его коллекции хранится ныне в государственных музеях России, особенно – в Русском музее. Его знаменитый в то время дом на Потёмкинской, 9 называли «домом-музеем»; он был наполнен всевозможными произведениями искусства – от древнеегипетской пластики, средневековой деревянной скульптуры, произведений елизаветинской, петровской и екатерининской эпох до работ начала XX века¹.

В этом доме Анастасия Сергеевна родилась, здесь прошло её детство и юность. После событий 1917 года всё, конечно, изменилось. «Их всё уплотняли и уплотняли, пока не оставили две комнаты, а в начале 1920-х лишили и этих двух комнат», – напишет Екатерина Хохлова, её внучатая племянница². Мать Анастасии Сергеевны Александра Павловна была дочерью великого собирателя Павла Михайловича Третьякова. Она была талантливой, тоже коллекционировала, увлекалась искусством фотографии. Была автором альбома фотографий Серебряного века. Состояла членом Попечительского совета Третьяковской галереи [ил. 1].

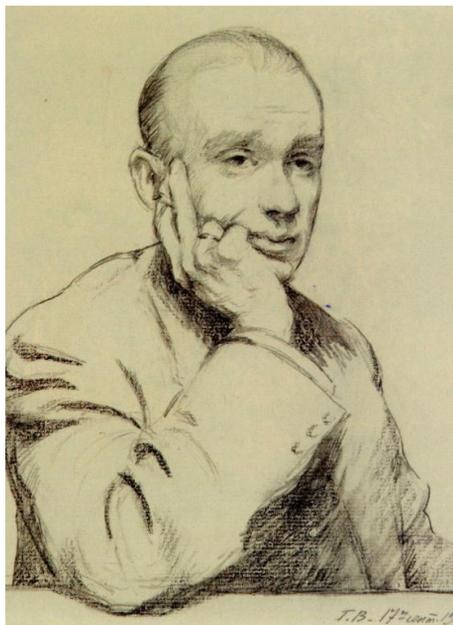
К сожалению, с мамой у Анастасии Сергеевны сложились очень тяжелые отношения буквально с первого дня её появления на свет. Хорошо знал эту ситуацию А. Н. Бенуа, семью которого с семьей Боткиных связывала тесная дружба. В книге «Мои воспоминания» он пишет, что они встречались домами несколько раз в неделю. Знал он и об их внутрисемейных отношениях. «В Александре Павловне нас коробила одна черта. Она обожала свою старшую дочь Шуру и не скрывала своей антипатии к младшей Тасе. Причиной этого, говорят, было то, что после рождения первой дочери Александра Павловна особенно страстно стала мечтать о сыне, и вот разочарование, постигшее её, когда снова родилась девочка, до того её огорчило, что она с самых пелёнок принялась это ни в чём неповинное дитя ненавидеть и, мало того, всячески это показывает»³.

Это было одним из самых горестных обстоятельств жизни А. Боткиной. Материнская любовь даёт человеку чувство защищённости, веры в себя. Трудно себе представить, как мучительно страдала девочка в такой семье⁴. Отсюда сложности её характера, на которые указывают мемуаристы. С фотографий и портретов смотрит красивая женщина, с ярко синими глазами, но выражение лица выдает её угрюмость, закрытость и настороженность.

А. С. Боткина родилась 12 ноября 1895 года в Санкт-Петербурге, окончила 6-ю гимназию и прослушала 4 семестра историко-филологического факультета Московского Университета. Владела французским и немецким языками. Во время Первой Мировой войны

Ил. 1. А. П. Боткина с дочерьми Шурой (справа) и Тасей (слева). Архив Е. С. Хохловой, внучатой племянницы А. С. Нотгафт

Ил. 2. Верейский Г. С. Портрет
Ф. Ф. Нотгафта. 1922. Бумага,
графитный карандаш. 20,3 × 16,0.
Справа внизу «Г. В. 1420 сент. 1922».
Собрание ГРМ

Ил. 3. Верейский Г. С. Портрет
А. С. Боткиной. 1922. Бумага,
графитный карандаш. 16,1 × 10,0
Справа внизу «Г. В. 1922»
Собрание ГРМ

три года с 1914 по 1917 год прослужила сестрой милосердия⁵. Эти годы для хрупкой, впечатлительной девушки стали тяжелой школой жизни.

В 1922 году Анастасия Сергеевна [ил. 3] вышла замуж за Фёдора Фёдоровича Нотгафта [ил. 2], искусствоведа, научного сотрудника Эрмитажа, с которым она познакомилась в доме А. Н. Бенуа. Обаятельный, рафинированный интеллигент, он даже из среды работников Эрмитажа выделялся своим благородством. Его коллега писал: *«Манеру Фёдора Фёдоровича вести себя я бы определил, как высшее проявление благородной скромности. При взгляде на него вы сразу чувствовали, что это человек отменного воспитания – хорошее образование, привычка одеваться у хорошего портного, знание цены себе и другим, манеры. Естественность и непринуждённость были во всём его существе, начиная с лица с мягкими чертами. Ум, ирония, сочувствие, всепонимание. И при этом предел скромности»*⁶.

Он был близок со многими художниками, особенно с М. В. Добужинским, Б. М. Кустодиевым, К. С. Петровым-Водкиным и Г. С. Верейским.

За свою жизнь Ф. Ф. Нотгафт собрал большую коллекцию (около 4 000 единиц) редких иллюстрированных старопечатных изданий и картин русских художников конца XIX – начала XX века. Большинство этих произведений находится сейчас в Русском музее. Им было создано издательство «Аквилон», выпускавшее иллюстрированные издания, которое сыграло большую роль в развитии книжной графики, хотя просуществовало всего четыре года (с 1921 по 1924 год).

Несмотря на огромное чувство к Фёдору Фёдоровичу, которое Анастасия Сергеевна сохранила до конца своих дней, их брак вскоре распался. Владислав Михайлович Глинка, научный сотрудник Эрмитажа, писатель и блестящий мемуарист, в своих воспоминаниях писал: *«Злые языки говорили, что Фёдор Фёдорович не выдержал неровного и недоброго характера Анастасии Сергеевны»*⁷.

В 1933 году, заполняя анкету, в графе «семейное положение» она написала: разведённая, детей нет. Семейная жизнь не удалась, но тёплые, более чем дружеские отношения с Ф. Нотгафтом сохранились, несмотря на его женитьбу на Елене Георгиевне, ставшей тоже Нотгафт, научном сотруднике Эрмитажа. Глинка описывает свою первую встречу с Анастасией Сергеевной в доме Фёдора Фёдоровича, который пригласил его на завтрак в сентябре 1941 года: *«Это был последний воскресный визит с нарядно поданным завтраком. Сначала мы смотрели картины, их было много – около сорока. Все стены двух комнат были увешаны в два, а то и в три ряда первоклассными полотнами. Здесь были Бенуа, Лансере, Серов, Бакст, Серебрякова, Кустодиев, Добужинский, Сапунов»*⁸. Немного позже *«без звонка, открыв дверь своим ключом, пришла Анастасия Сергеевна Боткина – оригинал одного из двух портретов работы Серебряковой, висевших тут же в столовой-гостиной, что я не сразу понял. Об этом сказал Фёдор Фёдорович, сообщив ей, что мне понравилось её изображение в его коллекции. Анастасия Сергеевна разумно заметила, что позировала лет двадцать назад, что, мол, и видно по оригиналу. Но и в тот день она была ещё очень хороша, хотя цвет лица и синева под глазами выдавали возраст. Я заметил, что дама умна, остроумна и не без язвительности»*⁹. Через много лет, отвечая на вопрос В. М. Глинки, почему Ф. Нотгафт не уехал из России, его большой друг Г. С. Верейский сказал: *«Тоска по родине – не выдумка поэтов. А потом... – Георгий Семенович немного замаялся. – Его же любила Анастасия Сергеевна. Она ведь была и красавица, и умница. Но характер! Не тем будь помянута покойница...»*¹⁰ [ил. 4].

Ил. 4. Верейский Г. С.
Портрет А. С. Боткиной. 1921. 30,3 × 25,2
Бумага, графитный и цветной карандаши
Слева внизу «Г. Верейский 4–6 июля 1921
у Р. И. и Ф. Ф. Нотгафт»
Собрание ГРМ

Послужной список А. С. Нотгафт невелик. Работала с 1919 года по 1920 год в библиотеке Государственного Румянцевского музея (будущей Ленинской библиотеке) в Москве, в 1920–1925 годах – в Государственном Музейном фонде в Ленинграде. Основная специальность – музееведение, театроведение. С 1928 по 1933 год работала в Русском музее. Из отзыва о ней заведующего отделом, художника и искусствоведа В. В. Воинова: *«Могут дать о ней самый положительный отзыв. Большая выдержка, аккуратность и напряжённость в работе, умение быстро ориентироваться и учитывать требова-*

ния, наконец, незаурядные знания предмета, в особенности в области нового русского искусства – дали Музею ценный результат»¹¹.

Анастасия Сергеевна дорожила службой в Русском музее, вела общественную работу – заведовала красным уголком. Однако, несмотря на её плодотворную научную работу и на то, что ценнейшая коллекция её семьи безвозмездно попала в Русский музей, 7 апреля 1933 года её уволили по сокращению штатов. Её оклад был – 225 рублей в месяц, по тем временам незначительные деньги. Увольнение для Анастасии Сергеевны было болезненным ударом. Но Театральный музей благодаря этому приобрёл ценнейшего работника. В её личном деле сохранилась анкета, которую она заполняла 20 мая 1936 года, будучи научным сотрудником Театрального музея, она написала в графе «профессия»: новое русское искусство. Её вклад в научную работу музея представляется мне чрезвычайно значительным.

Она пришла в наш музей в тяжёлый для него период. Музей был закрыт. Занимаемое прежде помещение с 15 мая 1930 года отдано в аренду тресту «Союзрыба». Экспонаты были упакованы и перевезены в пустующую квартиру во дворе. Но сотрудники музея не прекращали работать. Они делали выставки в фойе Александринского театра, в Большом зале Филармонии и на других площадках, подбирали иллюстрации к книгам по истории театра. А. С. Нотгафт создала каталог посмертной выставки Б. М. Кустодиева, составила репертуар актрис Александринского театра Е. П. Корчагиной-Александровской, В. А. Мичуриной-Самойловой, хореографа И. И. Вальберга. Она занималась описанием рисунков Б. М. Кустодиева, подбором материалов к биографии Л. С. Бакста, Ю. М. Юрьева, Л. С. Вивьена, В. И. Воронова, Я. О. Малютина, Н. С. Рашевской. Авторы монографий «Гоголь и театр», «И. И. Вальберг», «Мичурина-Самойлова», «Певцов», которым помогала А. С. Нотгафт, благодарили её на страницах своих книг.

Замечательный отзыв о плодотворной работе А. С. Нотгафт оставил театровед, автор многотомных учебников по истории русского театра, профессор С. С. Данилов. 22 мая 1936 года он пишет: *«Блестящее знание иконографического материала – главное достоинство научной эрудиции Анастасии Сергеевны. В этой области она является исключительным специалистом. Тщательной работе [товарища] Нотгафт историки Русского театра обязаны устранением целого ряда недоразумений в области театральной иконографии. Как прекрасный знаток своего дела т. Нотгафт является одним из составителей альбома по сценической истории "Ревизора". Т. Нотгафт принадлежит к числу тех немногих работников музейного дела, скромная, тщательная и добросовестная работа которых обеспечивает подлинно научное развитие советского театроведения»*¹².

В это же время директор музея П. Н. Шеффер даёт подробную характеристику деятельности Анастасии Сергеевны, из которой мы можем судить о её высоком профессионализме и прекрасном знании материала. В связи со 100-летием со дня премьеры «Ревизора» в печати появилось множество статей очень серьёзных специалистов по истории пьесы Гоголя, а в них много фотографий и репродукций. Анастасия Сергеевна установила, что в подписях к ним перепутаны имена актеров, персонажи, даже спектакли. *«Вообще в лице А. С. Нотгафт Ленинградский Театральный музей имеет очень ценного научного работника, который принёс в музей большие фактические знания театрального изобразительного материала и приёмы работы большого центрального художественного музея, в корне перерабатывает их, имея в виду особую специфику театрального музея, и ведёт работу, дающую ценный результат методологического плана»*¹³.

Жизнь работников Театрального музея изменилась с началом Великой Отечественной Войны. По приказу начальника Управления по делам искусств Б. И. Загурского, изданному в первые дни войны, из 20 человек штатных сотрудников музея было уволено 12. Осталось 8 сотрудников. Был призван на действительную военную службу завхоз музея В. А. Егоров. Помощник директора по массовой работе С. С. Хесин в июле 1941 года ушёл на фронт добровольцем. Осталось шесть человек, из них три уборщицы.

На казарменном положении был директор П. Н. Шеффер, занимавший эту должность с 1920 года и сделавший чрезвычайно много для становления музея. Его заместителем был Левкий Иванович Жевержеев, который вошёл в историю художественной культуры как крупнейший коллекционер и меценат. Он передал музею обширную часть своей коллекции. Третьим сотрудником, выполнявшим функции главного хранителя и научного сотрудника, была Анастасия Сергеевна Нотгафт.

Приехавший из Москвы в начале августа 1941 года представитель Комитета по делам искусств В. Е. Месхетелли дал срочное распоряжение отобрать 20-25 ящиков наиболее ценных материалов и эвакуировать их с коллекциями Русского музея¹⁴. Это очень ответственное дело было поручено Анастасии Сергеевне. Когда ящики были упакованы и составлены списки, выяснилось, что Русский музей не сможет взять в эвакуацию вещи. Началась обратная процедура сдачи Русским музеем и принятия Театральным музеем ящиков с экспонатами.

В архиве Театрального музея сохранились несколько объёмных томов с многочисленными списками отобранных Анастасией Сергеевной ценных материалов, написанных её рукой, в очень сжатые сроки. Ситуация была тяжелейшей. Вокруг музея рвались бомбы, окна были выбиты, отопления не было. Паёк в ноябре и декабре 1941 года был «125 блокадных грамм».

Что же хранилось в тщательно упакованных ящиках? Вот лишь несколько предметов из первого листа ящика № 34, всего листов в папке 281.

№ 3719-37. Золотой браслет гладкий. На внутренней стороне выгравировано: «М. Г. Савиной от И. С. Тургенева».

П-102. Золотой медальон овальный, с гравировкой на крышке.

П-1229. Золотой браслет из 12 звеньев (восьмерок) с медальоном, в который вставлен овальный цветной камень альмандин, окружённый мелкими розами. При нём справка о принадлежности браслета Рашели¹⁵

№ 3719-40. Золотая брошь-медаль «За усердие», принадлежавшая М. Г. Савиной. Всего 122 предмета¹⁶.

Помимо огромной и ответственной работы по отбору ценных материалов из собрания музея Анастасия Сергеевна выполняла и функции медицинской сестры. И когда её хотели привлечь к трудовым работам в городе, П. Н. Шеффер написал Председателю Комиссии по трудаботам т. Скрябину следующее: «Старший научный сотрудник Нотгафт, на которой лежат с одной стороны ответственные обязанности по заведованию всем фондом коллекции, а с другой – срочный отбор наиболее ценных материалов, их укладка и составление списков для передачи их на хранение в учреждения с более защищёнными помещениями, чем помещение музея. Для выполнения указанных работ товарищу Нотгафт приходится нести не только дневные служебные обязанности, но и ночные дежурства через день. Кроме того, т. Нотгафт состоит по Музею в группе самозащиты МПВО [Местной противовоздушной обороны] по медико-санитарной части, и заменить её в Музее некем. Считаю долгом ходатайствовать об освобождении А. Нотгафт от Трудработ, чтобы не ослабить охраны Музея и не замедлять выделения наиболее ценных материалов»¹⁷.

16 января 1942 года умер заместитель директора Левкий Иванович Жевержеев, 11 марта того же 1942-го не стало Петра Николаевича Шеффера.

О кончине Анастасии Сергеевны Нотгафт свидетельствует В. М. Глинка: *«Мне рассказали о смерти Фёдора Фёдоровича Нотгафта и его жены Елены Георгиевны. Кончина обоих не была для меня неожиданной, оба были не молоды, не очень здоровы и очень мало приспособлены к тому, чтобы искать продовольствие необычными для них путями, но обстоятельства этой кончины представились мне даже для того времени особенно трагическими...»*¹⁸. В. М. Глинка, находившийся в это время в больнице, услышал об их смерти от кого-то из сотрудников Эрмитажа уже после выхода из больницы. С его слов Фёдор Фёдорович и Елена Георгиевна в конце декабря не появлялись в Эрмитаже несколько дней. Директор И. А. Орбели обеспокоенный, что давно их не видел, послал одного из сотрудников в их квартиру. *«Посланец Эрмитажа вошёл в квартиру без труда – дверь была отперта, и в квартире был такой же холод, как на дворе. Фёдор Фёдорович и его супруга лежали на диване рядом, укрытые пледом и давно уже умершие. А на двери, на перекинутом через неё шнуре от оконной занавески, привязанном к медной ручке, висела Анастасия Сергеевна Боткина. Рядом лежал поваленный стул. Очевидно, добралась их навестить, нашла мёртвыми и, не став дожидаться своей очереди, тут же покончила с собой»*¹⁹. 16 июня 1942 года, узнав о смерти Анастасии Сер-

геевны, искусствовед, будущий директор Театрального музея А. А. Барташевич написал в «Блокадном дневнике»: «Она [А. С.] несколько раз говорила, что, если Фёдор Фёдорович умрёт, она повесится, но этому как-то всерьёз не придавали значения... Во время голода Анастасия Сергеевна трогательно ухаживала за ним»²⁰.

Точную дату этой трагедии установить не представляется возможным. По-видимому, она произошла между апрелем и июнем 1942 года. В. М. Глинка датирует её декабрём 1941 года. Надо принять во внимание, что Владислав Михайлович писал «Воспоминание о блокаде» через много-много лет после победы. Эту дату опровергает штатное расписание Театрального музея на 1 апреля 1942 года, где имя А. С. Нотгафт фигурирует, так же при сверке сотрудников Эрмитажа на 1 апреля того же года Елена Георгиевна и Фёдор Фёдорович были живы²¹. В личном деле Е. Г. Нотгафт хранится учётная карточка отдела кадров, где указана дата смерти – 11 апреля 1942 года – и её трудовая книжка с записью: «Исключается из списка сотрудников Эрмитажа за смертью. Приказ № 62 от 13 апреля 42 года»²². В трудовой книжке Ф. Ф. Нотгафта такая же запись, но датированная 14 июня. Приказ № 114 от 17 июня 42²³.

Имена Петра Шеффера, Левкия Жевержеева, Анастасии Нотгафт должны быть вписаны в историю Театрального музея как имена тех, кто отдал свои жизни во имя сохранения культуры, кто остался верен вековой музейной традиции – ценой собственной жизни спасти коллекцию музея. Благородство, исключительная порядочность, жертвенная преданность своему делу и недопустимость даже мысли взять чужое стоило жизней этих замечательных и героических людей. Они умирали один за другим, но сохранили коллекцию музея.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ После смерти С. С. Боткина владелицей коллекции стала его вдова А. П. Боткина. Грянул 1917 год. Многие коллекционеры в это время передавали свои собрания на государственное хранение. Боткина передала коллекцию в Русский музей, но получить её обратно она не смогла. В 1925 году был принят закон о национализации, и коллекция поступила в собственность музея. С тех пор произведения из собрания С. С. Боткина можно увидеть в постоянной экспозиции музея и на выставках.

² Известия. – 2009. – 27 октября.

³ Бенуа А. Н. Мои воспоминания. – М.: Наука, 1993. – С. 329.

⁴ Старшая сестра Анастасии, известная актриса немого кино, мамина любимица, Александра Хохлова писала: «У меня была сестра на год моложе меня, её теперь нет в живых, она трагически погибла в 1942 году в блокаду Ленинграда. Мы росли с сестрой вместе. Мы всегда были вместе. Спали, гуляли, играли, позднее учи-

лись – вместе. Куда бы нас ни брали – нас брали обеих». *Кулешов Л., Хохлова А.* 50 лет в кино. – М.: Искусство, 1975. – С. 49.

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р 283. Оп. 2. Д. 3698. Л. 223. Анкета членов секции научных работников профсоюза работников искусств. 20 марта 1936.

⁶ *Глинка В. М.* Воспоминания о блокаде. – СПб., М.: Лимбус Пресс, 2012. – С. 130.

⁷ *Там же.* С. 131.

⁸ *Там же.* С. 128.

⁹ *Там же.* С. 131.

¹⁰ *Там же.* С. 134.

¹¹ ВА ГРМ. Ф. ГРМ(1). Оп. 10. № 326. Л. 2.

¹² ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 2. Д. 3698. Л. 225. Отзыв о работе А. С. Нотгафт С. С. Данилова. 22 мая 1936 года.

¹³ *Там же.* Л. 226. 29 мая 1936 года. Отзыв о научном работнике А. С. Нотгафт П. Н. Шеффера.

¹⁴ Архив Дирекции СПбГМТиМИ. Д. 197. Л. 36.

¹⁵ Элиза Рашель – французская трагическая актриса. В 1853–1854 годах гастролировала в России.

¹⁶ Архив Дирекции СПбГМТиМИ. Д. 153. Л. 2.

¹⁷ *Там же.* Д. 20. Л. 245.

¹⁸ *Глинка В. М.* Воспоминания о блокаде. – СПб., М.: Лимбус Пресс, 2012. – С. 126.

¹⁹ *Там же.* С. 132.

²⁰ *Барташевич А. А.* Блокадный дневник // Звезда. – 2011. – № 6. – С. 123.

²¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 117. Оп. 1. Л. 228. Сверка сотрудников Эрмитажа на 1 апреля 1942 год.

²² АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 613. Л. 2.

²³ *Там же.* Л. 85.

Т. Ю. БРОВКИНА

*(Музей Императорской Николаевской
Царскосельской гимназии; Санкт-Петербург)*

СЫНОВЬЯ ДОКТОРА Е. С. БОТКИНА – ГИМНАЗИСТЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ ГИМНАЗИИ

Дмитрий Евгеньевич Боткин (1894–1914) – старший сын лейб-медика Е. С. Боткина, в семье которого росли три сына и дочь Татьяна (первый ребёнок супругов Боткиных – Сергей – умер в младенчестве).

Дмитрий родился 13 февраля 1894 года, в Санкт-Петербурге и первоначальное образование получил в 3-й Санкт-Петербургской гимназии¹. В 1908 году отец мальчиков становится личным врачом Николая II, и его семья переезжает вместе с ним в Царское Село, поселившись в служебной квартире, расположенной в одном из Кавалерских домиков на Садовой улице, в непосредственной близости от Екатерининского дворца.

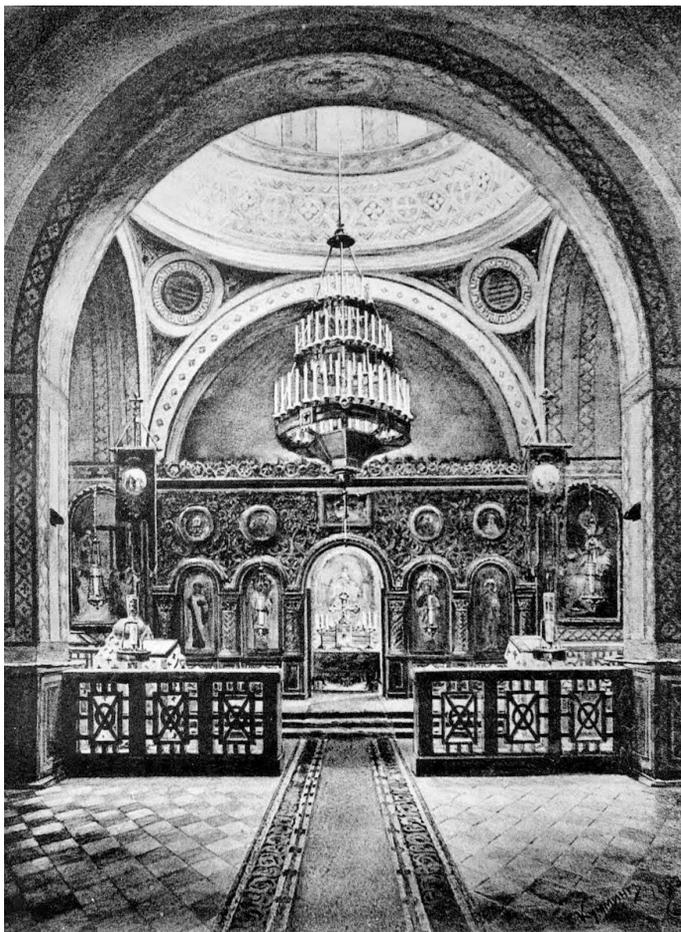
Все три сына доктора в разное время поступили учиться в Императорскую Николаевскую Царскосельскую гимназию². В воспоминаниях Татьяны Боткиной, сестры мальчиков, гимназия ошибочно названа Лицеем³: *«Мама улыбнулась. “У тебя, Татьяна, и у тебя, Глеб, будут приходящие учителя. Вы, большие, пойдёте в Лицей в Царском Селе. Лицей носит имя Государя Николая II. Его инициалы вы будете носить на шляпе и на поясе...”⁴. В это время Дмитрий и Юрий пошли в Лицей. Там была прекрасная атмосфера, полная противоположность гимназии на Выборгской стороне в Петербурге. Моим братьям не составляло труда завести знакомства среди титулованных учеников...»⁵.*

По традиции того времени детям обязательно давалось музыкальное образование и знание нескольких европейских языков, и дети Боткиных, помимо учёбы в гимназии, изучали английский язык с приходящим учителем⁶, Дмитрий учился играть на рояле, Юрий – на виолончели, а Глеб – на скрипке. Братья увлекались также верховой ездой, особенно Дмитрий, который оказался прекрасным наездником.

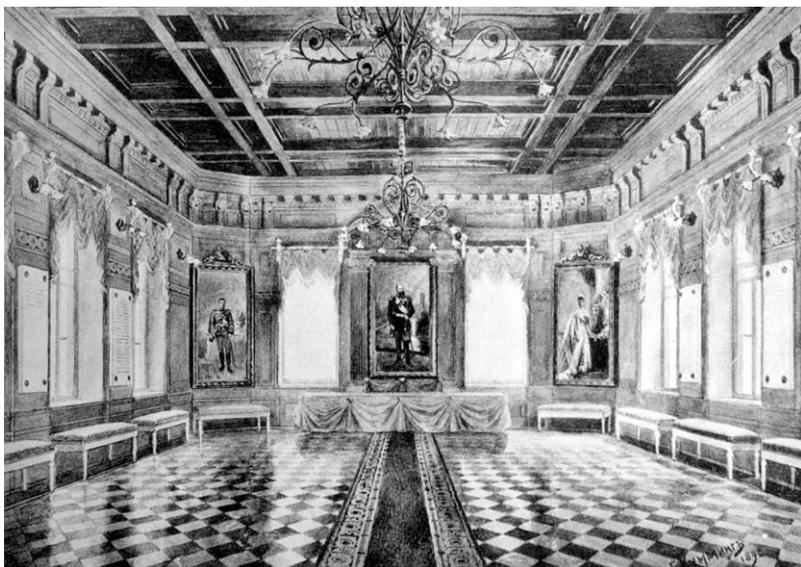
Дмитрий поступил в 5-й класс гимназии 16 августа 1908 года: *«...мои старшие братья завели новых друзей – Гудовичей и Шуваловых, которые жили тоже в Царском Селе недалеко от нас. Страсть к лошадям свела Дмитрия с Васей Гудовичем. Его брат Петя и наш Юрий предпочитали цыганские песни... Вместе с Андреем Дитрихом, не-*

*Сыновья доктора Е. С. Боткина – гимназисты императорской
Николаевской царскосельской гимназии*

брежним пажом, они, пятеро мальчиков, образовывали регулярно посещавшую театры, концерты и бега веселую компанию, которая шокировала посетителей...»⁷. В этот период в старших классах гимназии учились дети графа В. В. Гудовича, генералов М. И. Ушакова и Н. С. Плаутина, с которыми подружились мальчики Боткины. Василий Гудович и Михаил Ушаков были одноклассниками Дмитрия. Татьяна подружилась с Настей Гудович.

*Ил. 1. Гимназическая домовая церковь. Собрание Музея Николаевской
Царскосельской гимназии, Санкт-Петербург*

Ил. 2. Гимназический актовый зал. Фотография 1895 года. Собрание Музея Николаевской Царскосельской гимназии, Санкт-Петербург

Начало нового века, его свободолюбивые и демократические волнения, не могли не отразиться на сословном составе гимназистов. Среди учеников Николаевской гимназии этого времени были юноши из семей разного социального статуса. Почувствовать атмосферу взаимоотношений представителей «верхов» и «низов» позволяют воспоминания ученика гимназии 1910–1912-х годов Григория Чеботарёва, чьи родители входили в первый круг окружения Николая II. Он вспоминал: «В моём классе были дети разного социального происхождения. Например, у нас учились князь Путятин и мальчик по фамилии Викентьев, сын местного извозчика. Эти двое часто дрались, причём начинал обычно Викентьев: он бегал за Путятиним и непрерывно выкрикивал: “Ты не князь, а грязь”»⁸. Сыновья М. С. Путятина также были вхожи в дом Боткиных.

«...По воскресеньям мальчики помогали во время службы в лицейской церкви (гимназической церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы [ил. 1] – Т. Б.). Они приходили задолго до начала службы. Юрий пел в хоре, а глубоко верующий Дмитрий любил погружаться в долгие молитвы. После воскресного обеда они шли кататься на коньках со своими друзьями...»⁹. Каток гимназисты традиционно устраивали или на Купальном пруду, на берегу которого стояла гимназия, или ходили на городской каток на одном из прудов Екатерининского пар-

ка. Жизнь в Царском Селе была для семьи Боткиных последним периодом относительно беззаботной жизни, течение которой омрачил лишь развод родителей в 1910 году.

Из 6-го в 7-й класс в 1911 году Дмитрий был переведён без экзаменов из-за проблем со здоровьем, и окончил Николаевскую гимназию в 1912 году с золотой медалью¹⁰. *«...Началась тяжёлая экзаменационная пора. Юрий прошёл со средними баллами, Глеб и я были переведены в следующий класс, а Дмитрий получил за аттестат зрелости золотую медаль. По традиции его имя и фамилия будут выгравированы на почётной мраморной доске во дворе Лицея»*¹¹ [ил. 2].

Продолжил своё образование Дмитрий в Пажеском корпусе: *«...Отец всячески старался отвлечь нас от мысли об отсутствии матери, и так как он хотел приучить моих братьев к общению с молодыми офицерами, он пригласил нескольких только что вышедших из Пажеского корпуса молодых офицеров. Все они состояли в “4-м батальоне Императорских стрелков”»*¹².

Перед самым выпуском из Пажеского корпуса Дмитрий во время скачки в поле упал с лошади и получил очень серьёзную травму головы. Это сказалось на его здоровье и занятиях – из-за постоянных головных болей он сдал экзамены гораздо скромнее, чем ожидала его семья. После участия в большом параде в честь французского президента Пуанкаре в конце июля 1914 года Дмитрий вернулся домой. Через два дня должны были состояться скачки в Финляндии, и Д. Е. Боткин рассчитывал на хороший для себя шанс, он рассматривал эти скачки как первый этап своей спортивной карьеры, о чём уже давно мечтал. Не зная, что производство в офицеры выпуска пройдёт на месяц раньше срока, Дмитрий, не смог на нём присутствовать, и был заочно произведён Николаем II 12 июля 1914 года в хорунжий Лейб-гвардии Казачьего полка, с которым он и вступил в Первую мировую войну спустя всего две недели после выпуска.

С началом Первой мировой войны, в 1914 году, как и многие его друзья – ровесники из Царского Села и одноклассники по Николаевской гимназии и Пажескому корпусу, отправился на фронт: «В день отъезда Дмитрия отец поехал провожать его на вокзал. Чрезвычайно плотная толпа кричала здравницы казачьим полкам. Когда появился отец в своей генеральской форме, к нему бросилась группа молодёжи с криком: “Качать генерала!” В своём экстазе они хотели по русскому обычаю качать отца, несмотря на его полноту. Один из них, увидев Дмитрия в его новых погонах и с длинной казацкой саблей, воскликнул: “Оставьте генерала, слишком тяжёл, качайте лучше юношу!”. Дмитрий терпеливо переносил взрыв такого патриотизма. Я вспоминаю, как ещё в детстве он не переносил качели...»¹³.

Спустя всего четыре месяца Дмитрий был убит в разведке 3 декабря 1914 года. В некрологе, помещённом под его фотографией в газете «Новое время», говорилось: *«Лейб-гвардии казачьего Его Императорского Величества полка хорунжий Дм. БОТКИН. 3 декабря он, находясь в разъезде, попал под сильный перекрёстный огонь. Приказав казакам рассыпаться и уйти назад, оставшись затем один, Д. Е. Боткин был ранен и упал с лошади. Окружённый германской пехотой, отказавшись сдаться, он отстреливался из револьвера и, убив германского офицера, пал геройской смертью. Пожалован орденом Св. Георгия 4-й степени»*¹⁴.

Убитому горем отцу сообщили о гибели старшего сына телеграммой за подписью командира Императорского казачьего полка: *«...3-го декабря 1914 г. Ваш сын Дмитрий во время наступления попал в засаду. Считается пропавшим без вести. Надеемся найти его живым»*¹⁵. Через три дня семья получила вторую телеграмму: *«Из рассказов пленных, Ваш сын Дмитрий погиб в наступлении. Из-за атаки тело не найдено. Письмо с подробностями и вещами следует с офицером»*¹⁶. Об обстоятельствах последнего боя юноши-героя писали в те дни многие газеты. По решению Николая II Дмитрий Евгеньевич Боткин был посмертно награждён орденом Святого Георгия 4-й степени, который Государь передал отцу павшего на поле брани офицера лично¹⁷.

Не могу здесь не отметить, что друг Боткиных Пётр Гудович, так же, как и Дмитрий, ушедший добровольцем на фронт, погиб, провоевав всего две недели, 19 сентября 1914 года, но успел за это время заслужить два (!) Георгиевских креста. Таким было окружение братьев Боткиных, такими были они сами.

Е. С. Боткин в письме своему брату Петру через год после гибели сына написал такие слова: *«Сколько поколений России страдало и умирало, чтобы подарить нам эту счастливую мирную жизнь, которой мы жили некоторое время, наслаждаясь. Теперь нам выпала судьба страдать и умирать, чтобы поколения, следующие за нами, смогли жить в лучших условиях...»*¹⁸.

Средний сын Боткиных – Юрий (Георгий) Евгеньевич Боткин (1895–1941) родился на станции Мустамяки (Финляндия) 8 октября 1895 года. В Императорскую Николаевскую Царскосельскую гимназию Юрий поступил, как и его брат Дмитрий, в августе 1908 года в 4-й класс¹⁹. Учился Юрий так же, как и его брат Дмитрий, отлично, в его свидетельстве об учёбе в 6-м классе только две четвёрки, но из-за слабого здоровья он переводился из класса в класс без переводных испытаний²⁰.

*СЫНОВЬЯ ДОКТОРА Е. С. БОТКИНА – ГИМНАЗИСТЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ
НИКОЛАЕВСКОЙ ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ ГИМНАЗИИ*

Сестра Татьяна вспоминала: «...Дмитрий и Юрий рядом занимались уроками. Они не умели молча учиться и напевали всегда что-нибудь про себя, чтобы оживить рвение к занятиям. Юрий предпочитал арии из опер Глинки, Дмитрий – сентиментальные народные мелодии. В это утро Юрий был один. Он утешался тем, что насвистывал то польку, то военный марш»²¹.

«Юрий тоже любил рисование и писал очень хорошенькие пейзажи. Наше маленькое имение в Финляндии граничило с поместьем Репина. Однажды отец посетил его со старшими мальчиками, чтобы показать художнику их рисунки. Репин взял пачку акварелей и стал их раскладывать на полу. Особенно интересными он нашёл рисунки Юрия, сказав, что у него задатки прекрасного пейзажиста. Отец решил учить и того и другого [Глеба] рисованию. Он пригласил одну даму – Делавос-Кардовскую, имевшую уже славу художника»²².

Ил. 3. Гимназический оркестр. 1895. Собрание Музея Николаевской Царскосельской гимназии, Санкт-Петербург

В 1913 году вся Россия и, конечно, Царское Село, отмечали 300-летие Дома Романовых: «Начало 1913 года было отмечено празднествами по поводу 300-летия династии Романовых. Юрий был весел и даже позволял себе опаздывать к ужину и только через три дня соблаговолил объяснить, что в Лицее [т. е. гимназии – Т. Б.] подготавливают к этому празднику историческую пьесу, и он помогает в этих приготовлениях. Он играет на балалайке в оркестре [ил. 3]²³ в опере

“Жизнь за Царя” Глинки, и, кроме того, ему поручили поднимать занавес»²⁴.

Юрий Боткин закончил Императорскую Николаевскую Царскосельскую гимназию в 1913 году²⁵. Юрий, как и его брат Дмитрий, участник Первой мировой войны. Заболев на фронте дизентерией, он попал в плен. Отец смог его забрать на лечение в Царское Село, где Юрий, поправляясь, сдал осенью 1915 года офицерский экзамен. Позднее на фронте он заболел радикулитом ног и чуть не стал инвалидом. Лечился Юрий в Ливадии, где познакомился со своей супругой Нелли Абаза. Войну он закончил с чином капитана царскосельского 4-го Стрелкового Императорской фамилии полка²⁶.

В страшные дни февральской революции 1917 года у Юрия и его супруги родился первенец Юрий, вскоре супруга заболела. Поэтому они не могли сопровождать Е. С. Боткина, когда он отправился с царской семьей в ссылку. Семья Юрия уехала на Кавказ, откуда затем эмигрировала. Юрий был дважды женат, имел детей. Скончался Юрий (Георгий) Евгеньевич Боткин 9 апреля 1941 года в Берлине.

Младший сын лейб-медика Евгения Боткина – Глеб Евгеньевич Боткин (1900–1969), родился 30 июля 1900 года в Финляндии. Он был младшим ребёнком в семье, и поэтому больше времени проводил со своей сестрой Татьяной, которая была его старше всего на два года, и к которой он был искренне привязан всю жизнь.

Если старшие братья брали уроки музыки, иностранных языков и верховой езды, то младший Глеб с детства проявил талант к рисованию и брал уроки живописи, играл на скрипке. В 11 лет, находясь вместе с отцом летом 1911 года на императорской яхте «Штандарт» у берегов Крыма, начал рисовать акварелью. *«Он сочинил сказку про приключения жителей планеты Марс. В его богатом воображении марсиане были зверьми, которые вели себя и одевались, как люди. Они жили человеческой жизнью и принадлежали все к различным породам зверей... Глеб начал рисовать большие картины, чтобы иллюстрировать приключения героев. Так как один из медведей был избран царём, вокруг него быстро образовался целый двор. Вскоре все мужские персонажи были одеты в роскошную форму, весьма похожую на русскую. Женщины, которых было очень мало, носили изумительные кринолины. Ольга Бюцова [сестра жены С. Д. Боткина] не могла надивиться на рисунок Глеба. Её особенно заинтересовало, что все звери имели большое сходство со многими нашими придворными. Она расхвалила рисунки Глеба среди знакомых, и наш младший брат стал маленькой звездой. Каждый раз, когда у родителей был приём, открывалась дверь нашей классной и слуга торжественным тоном объявлял: “Господа*

Дмитрий, Юрий, Глеб и барышня приглашаются в гостиную. Госпожа просит господина Глеба захватить свои рисунки»²⁷.

В 1915 году в Царском Селе отмечали 25-летний юбилей профессиональной деятельности Лейб-медика Е. С. Боткина. Местная газета «Царскосельское дело» отозвалась на событие: «Во вторник 20 января 1915 года юбилей общественной и научно-медицинской деятельности Л.-м. Е. С. Боткина. Юбиляром получена масса поздравительных телеграмм. Он состоит членом военно-санитарного учебного комитета, лейб-медик двора Его Императорского Величества и принимает участие по эвакуации раненых. Несколько лет тому назад почтенный юбиляр состоял председателем родительского комитета Николаевской гимназии и пользовался редкой любовью со стороны педагогического персонала и учеников. Недавно юбиляра постигло большое горе – он потерял на поле сражения своего сына, награждённого Святым Георгием»²⁸.

«Для Глеба и меня в конце августа 1915 года начались занятия в гимназии, как и в прошлые годы... Примерно с год уже он находился в дружественных отношениях с Александром Казем-Беком²⁹, который был на год младше. Оба ходили на религиозные собрания, которые организовал их школьный священник. Он объяснял литургию и все её части. Обсуждал с ними евангельские тексты, и они под его руководством анализировали разные богословские сочинения. Очень скоро мальчики стали неразлучны. Они обменивались книгами о мистике и с большим воодушевлением часами комментировали их. Я не могла понять их, но находила, что для их возраста они ведут слишком одухотворенную жизнь»³⁰. Священником гимназической церкви в тот период был отец Анатолий Иоанович Дмитриев. Но вместе с ним с 1913 года в гимназии преподавал Закон Божий другой известный в Царском Селе священник отец Алексей (А. А. Кибардин)³¹. Однозначно сказать, кого именно имела в виду Татьяна, нельзя, но с большей долей вероятности это был всё-таки отец А. И. Дмитриев.

Февральскую революцию 1917 года Татьяна с Глебом встретили в Царском Селе. Татьяна пишет в воспоминаниях, что день 28 февраля 1917 года она не забудет никогда. «...Четвёртый полк, Императорский, закливаемый своими офицерами, долго оказывал сопротивление, но, в конце концов, тоже заполнил улицы. В этот день Глеб не пошёл в гимназию, и мы провели его вместе у окна. Происходящее было жутким»³². Отец был вынужден присутствовать почти неотлучно в Александровском дворце, и его детям пришлось переехать в дом к близкому другу семьи Боткиных – Устинье Александровне Тевяшевой. Устинья Александровна состояла в 1910 году членом Обще-

ства вспомоществования нуждающимся ученикам Николаевской гимназии и была бабушкой одноклассника Д. Боткина Михаила Ушакова.

Однажды вечером Татьяне принесли анонимку на Глеба, который все дни проводил или в гимназии, или у своего друга Казем-Бека. *«Ваш брат Глеб Боткин вместе со своим другом Максом фон Хелленсом³³ организует монархическое движение в пользу генерала Маннергейма. Если Вам дорога жизнь Вашего брата, повесьте сегодня ночью пакет с 2 000 рублей на решетку собора напротив вашей квартиры. Если Вы не выполните эту просьбу, то Вы и Ваш брат будете уничтожены солдатским и рабочим Комитетом как монархисты и контрреволюционеры»³⁴*. Глеб в этот день ночевал у друга и, вернув-

Ил. 4. Одна из последних фотографий Е. С. Боткина с детьми. 1918
Собрание Музея Николаевской Царскосельской гимназии, Санкт-Петербург

шись домой, объяснил, что это была месть одного из его одноклассников. Это был последний эпизод в воспоминаниях Татьяны, связанный с гимназией. Окончить гимназию Глебу не удалось – в сентябре 1917 года, когда он должен был идти в выпускной 8-й класс гимназии, Глеб вместе с сестрой Татьяной приехал в Тобольск к отцу, который добровольно отправился в ссылку с семьей Николая II. Но на последней фотографии, запечатлевший Евгения Сергеевича Боткина с его младшими детьми [ил. 4], Глеб Боткин в форме гимназиста Императорской Николаевской Царскосельской гимназии, ставший к этому времени Мужской гимназией № 1, аттестат которой Глеб так и не смог получить...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 13222. Л. 74.

² Подробнее о Николаевской гимназии см.: официальный сайт Музея Николаевской гимназии ctti.ru/muzej-nikolaevskoj-gimnazii.

³ Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской семье // Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина / Ред. К. Мельник, Е. Мельник. – СПб.: Царское дело, 2010.

⁴ Боткина Т. Е. Указ. соч. – С. 71. Гимназия на самом деле называлась Николаевской, и Татьяна имела в виду вензель «Н» на кокарде фуражки и пряжке пояса гимназиста Императорской Николаевской Царскосельской гимназии. Николаевской гимназия была названа в честь Цесаревича Николая Александровича (1843—1865) и его деда – Николая I.

⁵ Боткина Т. Е. Указ. соч. – С. 81.

⁶ Преподаватель английского в штате гимназии и сам язык в программе появились только в 1917 году, до этого изучались только немецкий и французские языки.

⁷ Боткина Т. Е. Указ. соч. – С. 187.

⁸ Чеботарёв Г. П. Правда о России. Мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера. 1917–1959. – М.: Центрполиграфмаш, 2007.

⁹ Боткина Т. Е. Указ. соч. – С. 91.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 13222. Л. 74.

¹¹ Боткина Т. Е. Указ. соч. – С. 148. Татьяна вновь ошиблась – имена «золотых» медалистов выбивались на мраморных досках, висевших в межколонных проёмах Актового зала гимназии, а не в дворе.

¹² Боткина Т. Е. Указ. соч. – С. 116. Четвертый Императорской фамилии Стрелковый батальон (полк) – одно из 4-х Стрелковых воинских подразделений, расквартированных в Царском Селе.

¹³ Боткина Т. Е. Указ. соч. – С. 213.

¹⁴ Новое Время. – № 13937.

¹⁵ Боткина Т. Е. Указ. соч. – С. 240.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 243.

¹⁸ Там же. С. 245.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 13744. Л. 69.

²⁰ Там же. Д. 13222. Л. 151.

²¹ Боткина Т. Е. Указ. соч. – С. 91.

²² Там же. С. 104. О. Л. Делла-Вос-Кардовская и её супруг Д. Н. Кардовский – известные художники, жившие в это время в Царском Селе.

²³ В Николаевской гимназии был свой симфонический оркестр.

²⁴ Боткина Т. Е. Указ. соч. – С. 189.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 13744.

²⁶ Боткина Т. Е. Указ. соч. – С. 262.

²⁷ Там же. С. 103–104.

²⁸ Царскосельское дело. – 1915. – Пятница 23 января. – № 4.

²⁹ Казем-Бек Александр Львович (1902—1977) гимназист Николаевской гимназии, скаут, лидер движения «младороссов», белоэмигрант, публицист, педагог, церковный журналист, богослов.

³⁰ Боткина Т. Е. Указ. соч. – С. 261, 285.

³¹ Дмитриев А. И. (1878 – после 1917) – священник гимназической церкви Николаевской гимназии и преподаватель Закона Божьего с 1907 по 1917 год. Кибардин Алексей (отец Алексей) (1882—1964) – священник, преподаватель Закона Божьего в Николаевской гимназии с 1913 года, неофициальный духовник Императорской семьи.

³² Боткина Т. Е. Указ. соч. – С. 311.

³³ Барон Максимилиан Яльмарович фон Хелленс (около 1898 – после 1957) – одноклассник Г. Е. Боткина. Его отец – Яльмар Фёдорович фон Хелленс (1869—1953). В 1915 году временно командующий Лейб-гвардии 4-м Стрелковым полком, в котором воевал Д. Е. Боткин.

³⁴ Боткина Т. Е. Указ. соч. – С. 322.

SUMMARY OF PAPERS

E. V. BAKALDINA

Formation of Botkin's collection in the Saint-Petersburg State Roerich Family Museum and Institute

The Saint-Petersburg State Roerich family Museum and Institute is located in the building known as «The House of M. P. Botkin». It bears the name of the outstanding owner of this house. Since 2006 the Museum has formed a collection of the things related to M. P. Botkin and his family. Basically things came to the Museum from the relatives of two daughters of M. P. Botkin: Elena Mikhailovna Botkina and Lubov' Mikhailovna Samarina, born Botkina.

N. B. VETOSHNIKOVA

On Samarin's family and their archives

Many wonderful things have been preserved in the Samarin's family. They come from three sources: from Nikolai Nikolaevich Samarin, from his first wife Lubov' Mikhailovna Botkina, who died early, and his second wife, Olga Konradovna Nedzvetskaya. The article deals with the things related to the Botkin's family. For half of a century the members of the Samarins' family donated Botkin's things to various institutions and museums: the Military Medical museum, the Institute of Russian language and literature, the Institute of Russian art and Roerich family Museum and Institute.

S. M. NOVAKOVSKAYA-BUCHMAN

M. P. Botkin and his collection

The State Russian Museum contains a considerable part of Mikhail P. Botkin's collection, which came to the museum in 1917. Among the collection items are the Byzantine jewellery, decorations of the 6th – 12th century, old Georgian embossed works of the 10th – 16th century, decorations from Scandinavian countries, jewelry works from old Russian hoards of the 12th – 13th centuries. An important part of the collection consists of monuments of carving on wood, bone and stone, old Russian embroidery, secular and church utensils made of silver and bronze. A special place in the museum collection belongs to the old Russian enamels.

P. B. IONOV, T. I. IONOVA

Heritage of Botkin's family in modern medicine

In September of 2017 the 185th Anniversary of Sergei Petrovich Botkin was celebrated. S. P. Botkin is the founder of the first Russian scientific School of clinical medicine. He had many scholars and followers. Among them were his sons – Sergei Sergeevich, Evgeny Sergeevich, and Alexandr Sergeevich. All of them contributed to the development of Russian medical science and practice, and were eminent representatives of Botkin's School. The School significantly influenced the Russian medicine of the 19th and 20th centuries and remains to influence on the health care of the 21st century. The core principles of Botkin's School have been preserved and made the background of modern medicine. Healthcare of the 21st century is characterized by the following priority issues which are related with Botkin's School: personalized treatment, integrative approach, preventive medicine, bioethics principles, and humanistic approach.

V. I. ODIN

Scientific and cultural values of Act's speech of S. P. Botkin, 7 December 1886

During the assembly days in the universities of old Russia the most worthy representatives of the institution traditionally used to read accredited speeches. On December 7 (according to the old style) 1886, such a speech was presented by S. P. Botkin. The scientific and cultural value of the act's speech is undoubtedly true not only for his contemporaries, but also for us, his distant followers. Since in his speech Sergei Petrovich introduced the axiomatics of modern scientific medicine and, giving clear definitions with concrete justifications, provides an opportunity for them to discuss and correct today, taking into account.

E. V. BAKALDINA

Petr Petrovich Botkin: businessman and benefactor

The life of Petr Petrovich Botkin (1831–1907) was strongly connected with his family's tea-trading company. Initially he was administering it together with his brothers Basil, Nikolai and Dmitry. When they died he took all responsibility and until his death was a director-disposer of the tea trading Association «Petr Botkin's sons». At the same time P. P. Botkin was an active and well-known benefactor donating significant money for con-

struction and maintenance of several churches, educational and medical institutions. In addition, Petr Petrovich Botkin as a spokesman in the Duma of Moscow city played a prominent role in the administration of the city.

A. A. BUDKO, G. A. GRIBOVSKAIA

Famous patients of Sergei Petrovich Botkin

Sergei Petrovich Botkin was the great Russian therapist, the diagnostician, the personal physician of the Emperor's House. The paper lists the outstanding writers, scientists, artists who were among his patients.

S. G. ZHURAVSKY

Personal physician S. P. Botkin and his patients from the Romanov's House

Activity of S. P. Botkin as a medical physician of the Royal family is the least studied aspect of the his professional biography. The St. Petersburg archives (Russian National Library, Military Medical Academy, Institute of Russian language and literature) contain manuscripts of the diaries of the court physician, reflecting his professional employment in the family of Emperor Alexander II. The study of the records of the period from 1872 till 1889 about the state of health and illnesses of the most august persons opens the prospect of analyzing Russian history both in the traditional framework of synthetic science and in the context of the methodology of the «history of everyday life», taking into account the factor of the physical condition of the imperial persons.

E. V. BAKALDINA

Mikhail Petrovich Botkin: materials for the biography

Mikhail Petrovich Botkin (26.06.1839 – 22.01.1914) is a very versatile personality. He was an artist; he received the title of academician of historical painting in 1863. Since then, all his life he was closely associated with the Imperial Academy of arts, remaining its permanent member. But M. P. Botkin was best is known as a collector. The things from his collection are now kept in many museums around the world, in particular in the State Hermitage and the State Russian museum (St. Petersburg). Also we know the fact that Mikhail Petrovich was a commercial and public figure.

V. L. MELNIKOV

M. P. Botkin and N. K. Roerich: to the formulation of subject

M. P. Botkin and N. K. Roerich worked together for seventeen years in the Imperial Society for the Encouragement of the Arts. Botkin was a director of the Museum of Society, and Roerich was his assistant in this museum, then he was a secretary of the society, and finally he became a director of the Drawing School of the society. At first, their relationship was very tense. According to Roerich, this was due to his critical article about the restoration of the cathedral in Novgorod, which was held under the direction of Botkin. However, gradually Roerich began to remember cordially about Botkin.

O. S. DAVYDOVA

Life and images of Fedor Botkin: a new monologue

The article is dedicated to the creative work of the original Russian artist, the «Zamoskvoretsky Parisian» Fedor Vladimirovich Botkin (1861–1905), who was one of the first to develop the principles of Art Nouveau in his international version. Highlighting the tragic path of the existence of Fedor Botkin's heritage in the national history of art, which for almost a century turned off the master from the objective picture of the creative life of the turn of the XIX–XX centuries, Davydova sums up the nine-year results of her work with the archival and museum funds of the artist, gives a general analysis of the individual originality of Botkin's art, and reveals new perspectives of related relations between Fedor Botkin and Moscow's largest merchant dynasties.

T. I. GANF, V. S. NIKIFOROV

Life and activities of Evgeny Sergeevich Botkin

The article is devoted to Evgeny Sergeevich Botkin (1865–1918), who was the personal physician of the last Russian Emperor Nicholas II. The description of the life and activities of Dr. Botkin is based on documents from archives and other sources. Dr. S. E. Botkin was killed together with the members of the royal family. In 2016 he was canonized by the Russian Orthodox Church.

A. V. KOVALEVSKY

E. S. Botkin: doctor and a teacher

In his life, E. S. Botkin combined two paths: a practicing physician and a teacher. In 1890 he joined the St. Petersburg Mariinsky hospital for poor people shortly after graduating from the Military medical academy, later (since 1897) he worked as a supernumerary doctor in the St. Petersburg Holy Trinity community ambulatory hospital, and since 1905 he was an Honorary Medical doctor of the court of his imperial majesty. Since 1897 E. S. Botkin was the teacher at the Military medical academy, he was listed as a censor in several dissertations.

A. N. ACHESHOVA

A new account of the biography of I. I. Shchukin based on the materials of the French archives

The personality of Ivan Ivanovich Schukin (1869—1908) is little studied by researchers, being in the shadow of his brother Sergei Schukin. In addition, the last part of his life I. I. Shchukin lived mainly in France, he was a teacher at the School of Oriental Languages in Paris and in Russian High School of Social Sciences and General History at the New University in Brussels.

N. V. BLAGOVO

The descendants of M. P. Botkin at school of K. May

At the beginning of the XX century the school known as «Gymnasium and the real school of K. May» became very famous in St. Petersburg. The main principle in the school was statement of J. Komensky «At first you need to love, then to teach» (in latin – Primum amare, deinde docere), as well as an individual approach to each pupil. That's why M. P. Botkin sent his son Sergei to study in this gymnasium. And then Mikhail and Leo von Enden, grandsons of M. P. Botkin went to the same school.

E. S. KHOKHLOVA

Alexandra Khokhlova: a cinema star from the Botkin's family

Biography of Alexandra Sergeyevna Khokhlova, born Botkina, is told by her granddaughter E. S. Khokhlova. In this article well-known facts

from published sources are combined with personal memories and family legends. Growing up in the family of S. S. and A. P. Botkins, Alexandra (Shura, as she was called in the family) was surrounded by artists, musicians, cultural figures since her childhood. Inspired by cinematography, Alexandra Sergeevna chose it as her path in life. She was an actress, a film director, and then a teacher at the Union State Institute of Cinematography.

N. I. VAINBERG

Anastacia Sergeevna Botkina (married Notgaft)

The report is devoted to the life of A. S. Botkina, for almost 20 years A. S. Notgaft, who fruitfully worked as a research assistant at the Theater museum. Her contribution to the activities of the museum and the preservation of his collection during the siege of Leningrad seems to be very significant. Her destiny was difficult and heroic.

T. Y. BROVKINA

Sons of doctor E. S. Botkin – the gymnasium pupils of the Imperial Nikolayivskaya Gymnasium in Tsarskoye Selo

When the Botkin's family moved to Tsarskoe Selo in 1908, the sons of doctor E. S. Botkin went to study in the only town's male gymnasium, the Imperial Nikolayevskaya Tsarskoye Selo school (1870–1917), one of the best gymnasiums in Russia. Dmitry and Yuri Botkin had enough time to finish the gymnasium courses, but the younger Gleb did not have a year for receiving the certificate. An article is devoted to their studies in the gymnasium.

ОБ АВТОРАХ

Ашешова Аглая Николаевна – кандидат искусствоведения, заведующая русским фондом Университетской библиотеки языков и цивилизаций (Париж) / Bibliothèque universitaire des langues et civilisations (BULAC).

Бакалдина Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов.

Благово Никита Владимирович – заведующий музеем истории школы К. И. Мая в Санкт-Петербурге, автор статей и книг по истории этой школы.

Бровкина Татьяна Юрьевна – заведующая Музеем Николаевской гимназии при Государственном бюджетном учреждении «Центр детско-юношеского технического творчества и информационных технологий» (Санкт-Петербург, Пушкин), заместитель директора по учебно-воспитательной работе.

Будко Анатолий Андреевич – доктор медицинских наук, профессор, директор Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации.

Вайнберг Наталия Ильинична – заслуженный работник культуры Российской Федерации, ведущий научный сотрудник и методист Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства.

Ветошниковая Наталья Борисовна – хранитель архива Самариных, вдова Ю. Н. Самарина, сына Н. Н. Самарина, женатого первым браком на Л. М. Боткиной.

Ганф Татьяна Иннокентьевна – член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Грибовская Галина Алексеевна – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации.

Давыдова Ольга Сергеевна – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, член Ассоциации искусствоведов России и Международной ассоциации художественных критиков (AICA).

Журавский Сергей Григорьевич – доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник лаборатории слуха и речи Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова, ведущий научный сотрудник, руководитель научной группы экспериментальной патоморфологии Национального Медицинского исследовательского центра имени В. А. Алмазова.

Ионов Павел Борисович – аспирант кафедры общей гигиены с экологией Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова, Санкт-Петербург.

Ионова Татьяна Ивановна – доктор биологических наук, профессор, руководитель отдела Университетской клиники Санкт-Петербургского медицинского центра Минздрава Российской Федерации, председатель Совета Межнационального центра исследования качества жизни.

Ковалевский Александр Васильевич – директор музея истории Мариинской больницы, Санкт-Петербург.

Мельников Владимир Леонидович – кандидат культурологии, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по научной работе, председатель правления Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие».

Никифоров Виктор Сергеевич – доктор медицинских наук, профессор кафедры функциональной диагностики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Северо-Западного государственного медицинского университета имени И. И. Мечникова» Минздрава России, Санкт-Петербург.

Новаковская-Бухман Светлана Михайловна – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея.

Один Виталий Иванович – доктор медицинских наук, профессор кафедры факультетской терапии имени С. П. Боткина Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова Министерства обороны Российской Федерации.

Хохлова Екатерина Сергеевна – внучка А. С. Хохловой, праправнучка С. П. Боткина, киновед, директор Библиотеки киноискусства имени С. М. Эйзенштейна, Москва.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГЭ** – Архив Государственного Эрмитажа
- ВА ГРМ** – Ведомственный архив Государственного Русского музея
- ВММ МО РФ** – Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации
- ВМОМК имени М. И. Глинки** – Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры имени М. И. Глинки
- ВУИМ** – Ведомство Учреждений Императрицы Марии
- ГАРК** – Государственный архив Республики Крым
- ГАРФ** – Государственный Архив Российской Федерации
- ГРМ** – Государственный Русский музей
- ГТГ** – Государственная Третьяковская галерея
- ГЭ** – Государственный Эрмитаж
- ИАК** – Императорская археологическая комиссия
- ИАХ** – Императорская Академия художеств
- ИВМА** – Императорская Военно-медицинская академия
- ИИМК** – Институт истории материальной культуры Российской Академии Наук
- ИОПХ** – Императорское Общество поощрения художеств
- КПХО** – Книга поступлений Художественного отдела Государственного Русского музея
- ОЛДП** – Общество любителей древней письменности
- ОР ГМИИ** – Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
- ОПИ ГИМ** – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
- ОР ГРМ** – Отдел рукописей Государственного Русского музея
- ОР ГТГ** – Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи
- ОР РНБ** – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
- ОЭ РНБ** – Отдел эстампов Российской национальной библиотеки

ПИБ – Проектно-Инвентаризационное бюро Василеостровского района, филиал Санкт-Петербургского государственного унитарного предприятия «Городское управление инвентаризации и оценки недвижимости»

РАО – Русское археологическое общество

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург

РО ИРЛИ РАН – Рукописный отдел института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)

РОКК – Российское отделение Красного Креста

СГХМ имени А. Н. Радищева – Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева

СПБГМИСР – Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов

СПБГМТиМИ – Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства

ФБ ВМА – Фундаментальная библиотека Военно-медицинской Академии

ЦГА г. Москвы – Центральный государственный архив г. Москвы

ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства г. Санкт-Петербурга

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга

ЦУТР барона А. Л. Штиглица – Центральное училище технического рисования барона А. Л. Штиглица

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	5
БОТКИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ.....	7
<i>Е. В. Бакалдина.</i> Формирование Боткинской коллекции в Музее-институте семьи Рерихов.....	9
<i>Н. Б. Ветошникова.</i> Семья Самариных и их архивы.....	20
<i>С. М. Новаковская-Бухман.</i> М. П. Боткин и его коллекция.....	24
<i>П. Б. Ионов, Т. И. Ионова.</i> Наследие семьи Боткиных в современной медицине.....	38
<i>В. И. Один.</i> Научная и культурная ценность актов речи С. П. Боткина от 7 декабря 1886 года.....	45
БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ О ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ СЕМЬИ БОТКИНЫХ.....	55
<i>Е. В. Бакалдина.</i> Пётр Петрович Боткин: чаеоторговец и благотворитель.....	57
<i>А. А. Будко, Г. А. Грибовская.</i> Знаменитые пациенты Сергея Петровича Боткина.....	72
<i>С. Г. Журавский.</i> Лейб-медик С. П. Боткин и пациенты дома Романовых.....	80
<i>Е. В. Бакалдина.</i> Михаил Петрович Боткин: материалы к биографии.....	91
<i>В. Л. Мельников.</i> М. П. Боткин и Н. К. Рерих. К постановке вопроса....	119
<i>О. С. Давыдова.</i> Жизнь и образы Фёдора Боткина: обретённый монолог.....	127
<i>Т. И. Ганф, В. С. Никифоров.</i> Даты жизни и деятельности Евгения Сергеевича Боткина.....	143
<i>А. В. Ковалевский.</i> Е. С. Боткин: врач и педагог.....	152
<i>А. Н. Ашешова.</i> Новое о биографии И. И. Щукина по материалам французских архивов.....	163
<i>Н. В. Благово.</i> «Майские» потомки М. П. Боткина.....	174
<i>Е. С. Хохлова.</i> Александра Хохлова: кинозвезда из рода Боткиных....	181

<i>Н. И. Вайнберг.</i> Анастасия Сергеевна Боткина (в замужестве Нотгафт).....	190
<i>Т. Ю. Бровкина.</i> Сыновья доктора Е. С. Боткина – гимназисты Императорской Николаевской Царскосельской гимназии.....	200
Summary of Papers.....	211
Об авторах.....	217
Список сокращений.....	219

И 90

Исторические Боткинские чтения: Вып. I. – СПб.: Изд-во СПбГМИСР, 2017. – 224 с. –

ISBN-978-5-906931-80-1

Иллюстрированное
научно-художественное издание

Исторические Боткинские чтения

Выпуск I

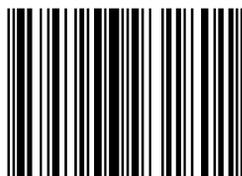
Главный редактор А. А. Бондаренко
Научные редакторы Е. В. Бакалдина, В. Л. Мельников
Литературные редакторы Ю. Ю. Будникова, П. И. Крылов
Художник С. В. Сорокина-Неймарк

Корректура и подготовка макета ООО «Фокс-Про»

Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 28. Тираж 500 экз. Заказ 2067.

Отпечатано в типографии
ООО «ПОЛИТЕХНИКА-ПРИНТ»
Санкт-Петербург, Измайловский пр., д. 18
Тел. 2515127

ISBN 978-5-906931-80-1

9 785906 931801